

ВАРЯГИ И РУСЬ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗСЛѢДОВАНІЕ

С. ГЕДЕОНОВА.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

(Вас. Остр., 9 лнн., № 12.)

1876.

РУСЬ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
XI. О мнимо-норманскомъ происхожденіи Руси..	397 — 416.
XII. Славянское происхожденіе Руси.....	417 — 427.
XIII. Словене и Русь.....	428 — 443.
XIV. Лѣтописецъ Несторъ.....	444 — 465.
XV. 'Рѡс у патриарха Фотія.....	466 — 470.
XVI. Дромнты и Франки.....	471 — 477.
XVII. 'Рѡс у Симеона Логовета.....	478 — 482.
XVIII. Бертинскія лѣтописи.....	483 — 505.
XIX. Ахмедъ-эль-Катибъ. — Лиудпрандъ.....	506 — 528.
XX. Константинъ багрянородный.....	529 — 551.
XXI. Argumentum a Silentio.....	552 — 559.
Примѣчанія.....	I — CXIII.
Опечатки.....	CXV — CXVI.

ХІ.

О МНИМО-НОРМАНСКОМЪ ПРОИСХОЖДЕНІИ РУСИ.

(См. Прилож. къ II т. Зап. Имп. Акад. Наукъ. № 3. Отрывки изъ изслѣдов. о вар. вопр. С. Геденова. Стр. 1—17).

Полныхъ системъ норманскаго происхожденія Руси есть двѣ: Тунманно-Шлецеровская (къ которой отчасти примыкаетъ и Кругъ) и Погодинская, съ вариантами Крузе, Буткова, г. Куника и другихъ. Соглашаясь въ основномъ положеніи то-есть въ происхожденіи такъ называемыхъ варяговъ-Руси отъ Скандинавовъ, онѣ существенно разнятся въ образѣ толкованій и доказательствъ. Тунманнъ, Шлецеръ и Кругъ не знаютъ ни славянскоѣ, ни скандинавскоѣ Руси; по мнѣнію Тунманна, Славяне прозвались Русью отъ финскаго Ruotsi, названія которымъ и донинѣ народы финскаго происхожденія отличаютъ Швецію и Шведовъ (*J. Thunmann's Unters. über d. Gesch. der östl. europ. Völker, 369 ff*); Шлецеръ дополняетъ его предположеніе объясненіемъ финскаго Ruotsi изъ шведскаго Рослагена (*Нест. Шлец. I. и. XIX*); Кругъ выводитъ имя Руси отъ греческаго ρούσιος, ροῖης, соответствующаго по смыслу

формѣ *oi ξανθοι*, которою Греки обозначали народности германскаго происхожденія (*Forsch. I. 211, 212*). Другая система утверждаетъ что, будто бы перешедшее къ намъ отъ Финновъ, скандинавское имя Руси имѣеть свое начало въ предполагаемомъ туземномъ скандинавскомъ наименованіи Россами, Руссами, Рюссами—или шведскаго племени Россовъ въ Рослагенѣ (*Погодинъ, Изсмд. II. 151 слѣд.*), или обитателей фризской области Рустрингенъ (*Гольманъ, перев. Снегирева*), или датскихъ поселенцевъ сакскаго *Rosengau* (*Крузе, Ж. М. Н. Пр. т. XXI, 55 слѣд.*) или готскихъ обладателей финскаго *Risaland'a* (*Бутковъ, Сынъ Отеч. № 1, 32 слѣд.*) и т. д. Впрочемъ и та и другая одинаково стараются умалить важность точнаго указанія на происхожденіе русскаго имени. «Принесеноль было имя Руси Норманнами, или только усвоено, говорить Погодинъ, основателями государства, въ томъ и другомъ случаѣ остаются Норманны» (*Изсмд. II, 279*. Срвн. *тамъ же; 167* и *Thunmann, Unters. 372*). Но на чемъ же основана вся система норманская, если не на доказательствахъ (конечно не совсѣмъ убѣдительныхъ) скандинавскаго начала имени Русь?

Тунманно-Шлецеровскому мнѣнію возражалъ Эверсъ (*Vorarb. cap. X*), съ одной логической точки зрѣнія, но съ послѣдовательностію и успѣхомъ, открыто сознаваемыми и въ средѣ противнаго лагеря (*Погод. Изсмд. II, 142—150*). Оно иначе и быть не могло. Какъ всѣ системы основанныя не на исторической дѣйствительности, а на однихъ соображеніяхъ, такъ и эта разрѣшаетъ только извѣстные отдѣльные пункты вопроса, оставляя другіе не только безъ объясне-

нія, но и безъ возможности удовлетворительнаго отвѣта. На первый взглядъ, случайное сходство между финскимъ Ruotsi, шведскимъ Рослагеномъ и славянскимъ Русь, можетъ соблазнить изслѣдователя уже предубѣжденнаго въ пользу скандинавизма Несторовыхъ варяговъ-Руси; но эту случайностію и ограничивается торжество Тунманно-Шлецеровской гипотезы; она не объяснитъ намъ ни перенесенія на славяно-шведскую державу финскаго имени Шведовъ, ни невѣденія лѣтописца о тождествѣ именъ Свеи и Русь, ни почему Славяне, понимающіе Шведовъ подъ именемъ Руси, прозывающіе самихъ себя этимъ именемъ, перестаютъ называть Шведовъ Русью, послѣ призванія; еще менѣе, почему Свеоны бертинскихъ лѣтописей и Норманны Ахмедъ-эль-Катиба отличаютъ себя въ Константинополѣ и Севильѣ, тѣмъ названіемъ подъ которымъ они извѣстны у Чюди.

Разумѣется что эти возраженія идутъ одинаково и къ системѣ Круга и ко всякой другой системѣ, признающей имя Руси иноземнымъ названіемъ Шведовъ. Въ сущности, система Круга отличается отъ Тунманновской только тѣмъ, что онъ относитъ начало русскаго имени для Шведовъ, не къ финскому Ruotsi (сознавая такимъ образомъ случайность его созвучія съ славянскимъ Русь), а къ греческому Ῥῶς, будто бы происходящему отъ прилагательныхъ ῥοῦσιος и ῥοῖς, gussaeus, рыжій (*Forsch. I. 211. 216*). Г. Куникъ (*ibid. II. 832*) замѣчаетъ справедливо что несклоняемая форма Ῥῶς (имя народное, не существующее, какъ слово, въ греческомъ языкѣ) обличаетъ явно свое негреческое происхожденіе; я прибавлю что вымышленными словами

историческихъ предположеній не доказываютъ. Да и едва ли кто повѣритъ чтобы Славяне, ближайшіе сосѣди Шведовъ, заняли отъ Грековъ, съ которыми еще не вступали въ сношенія, ими новозобрѣтенное для этихъ Шведовъ имя 'Рѡς — красные. Вся система Круга рассчитана въ виду только одного извѣстія бертинскихъ лѣтописей; греческому 'Рѡς до Ингельгейма ближе чѣмъ финскому Ruotsi. Онъ говоритъ: «Греки, не Финны употребили впервые (въ 839 году) названіе 'Рѡς, ῥούσιος для обозначенія Норманновъ; Несторъ нашелъ его въ первый разъ въ греческой лѣтописи; византійскіе императоры въ своихъ письмахъ къ германскимъ называютъ ихъ 'Рѡς; Лиутпрандъ также; Славяне заняли это имя отъ Грековъ. Почему жъ бы Норманнамъ 839 года было не принять этого имени для самихъ себя?» (*ibid.* I. 207, 208). Но если Славяне заняли отъ Грековъ форму 'Рѡς — Русь для обозначенія Шведовъ, если приняли ихъ къ себѣ подъ названіемъ Руси, то когда и почему, спрошу я опять, перестали Шведы называться Русью у этихъ Славянъ? Какимъ образомъ могло греческое 'Рѡς перейти на всѣхъ Шведовъ, отъ трехъ-четырехъ Норманновъ случайно попавшихъ въ Константинополь въ 839 году?

Оставить вопросъ въ этомъ положеніи было невозможно. Единственнымъ средствомъ, если не къ спасенію самой системы, то по крайней мѣрѣ, къ болѣе рациональному объясненію извѣстій бертинской лѣтописи и Ахмедъ-эль-Катиба, было открытіе генетическихъ шведскихъ Россовъ, нашихъ варяговъ-Руси. Ихъ открыли. Сначала Погодинъ просто предполагалъ существованіе въ IX вѣкѣ

шведскаго племени Россовъ, будтобы давшихъ свое названіе Рослагену; но вслѣдствіе замѣчаній о Рослагенѣ и о Rodhsin (гребцахъ) барона Розенкампа, принялъ что нарицательное Rodhsin перешло со временемъ въ собственное или племенное (*Исслѣд. II. 154*). Объ этихъ Rodhsin было довольно писано въ 1862—63 годахъ (см. *Геден. Отр. о вар. вопр. 4—8; примѣч. Куника 122*); подъ вліяніемъ возбужденныхъ въ то время на счетъ ихъ исторической состоятельности сильныхъ сомнѣній, авторъ *Исслѣдованій* отказался окончательно и отъ Rodhsin и отъ финскаго Ruotsi и возвратился къ своему прежнему, самовольному тезису (*Геден. и его сист. 6*). «Для меня, говоритъ онъ (*тамъ же, 30*), очень просто и ясно: было племя норманское Русь, которое въ 838 году посылаю послать въ Царьградъ (бертинскія лѣтописи), въ 844 г. нападало на Севилью (Ахмедъ-эль-Катибъ), въ 862 году призвано Словенами въ Новгородъ (Несторъ)».

Въ самомъ дѣлѣ очень просто и ясно; только едвали помирится наука съ этимъ уже черезъ-чуръ незатѣйливымъ способомъ рѣшать силою аксіоматическаго приговора, одинъ изъ самыхъ трудныхъ и сложныхъ вопросовъ всемірной исторіи.

Г. Куникъ, выведившій когда-то славянскую Русь изъ шведскихъ гребельныхъ общинъ (Rodslagen, Rodhsin), является нынѣ съ новооткрытымъ (пятымъ или шестымъ, по порядку старшинства), мнимо-народнымъ, у Шведовъ IX вѣка, именемъ Русь. Это имя отозвалось ему въ эпическомъ прозвищѣ Hredhgot'ами понтійскихъ Готовъ II—III-го вѣка по Р. Х. (*Дополн. къ Касп. Дорна, 430 стр.*).

Форму *hrêdh* объясняли различно (см. *Förstem. altd. namenv. I. rad. hrâd*); Кониберъ (*Conybeare*) переводитъ *hreada here* — *ferox exercitus*. Г. Куникъ отождествляетъ англо-сакское *hrêdhe* (*gloriosus*) съ сѣвернымъ *hrôdr gloria*; *hrôdr* наводитъ Ферстеманна (*ibid.* 717) на догадку о готскомъ *hrôfs*; г. Куникъ (*ap. Dorn, 438*) также думаетъ что «основная первоначальная шведская (или гото-шведская?) форма могла быть *Hrôds*». Это основное *hrôds* и слышится, по мнѣнію автора призванія Родсовъ, и въ финскомъ *Ruotsi* и въ славянскомъ Русь. Съ лингвистической точки зрѣнія, догадка г. Куника замѣчательна по ученой замысловатости своихъ выводовъ; требованіямъ исторіи она не удовлетворяетъ.

Мифическіе *Hrêdhgot*'ы и приводимое съ ними въ связь полу-сказочное *Reidgotaland*, не имѣютъ ничего общаго съ исторіею шведскаго племени, въ IX вѣкѣ. Баснословная *Herfarsaga* полагаетъ *Reidhgotaland* на берегахъ Днѣпра, во времена Гунновъ; главнымъ городомъ Рейдготаланда называетъ *Danpstadir*, *Danparstadis*, вѣроятно Кіевъ (днѣпровскій городъ). Англо-сакская поэма VII вѣка, извѣстная подъ названіемъ «Пѣснь странника» указываетъ на Гредготовъ, съ ихъ королемъ Эрманарикомъ, въ прибалтійскомъ краѣ. Въ Швеціи нѣтъ и помину о Рейдготаландѣ и Гредготахъ; да и вообще имя Гредготовъ принадлежитъ не въ IX, а въ III вѣкѣ по Р. Х. Съ другой стороны нѣтъ причины полагать чтобы готское племя, отличавшее себя прозвищемъ *Hrêdhgot*'овъ (*gloriosi Gothi*), сказывало народамъ съ которыми входило въ сношенія, только первую половину своего имени, *hredhe-gloriosus*;

по крайней мѣрѣ, нѣтъ примѣровъ чтобы Остготы называли себя остами, Новгородцы новыми, Лангобарды лангами. Откуда же тогда имя 'Рѡс у Грековъ для Шведовъ 839-го года, имя Ruotsi у Финновъ, имя Русь у славянскихъ племенъ? Мы въ правѣ, наконецъ, требовать отъ системы выводящей славянскую Русь изъ Швеции, отъ Гредготовъ, нѣкоторой опредѣленности въ этнографическихъ, съ этимъ новымъ ученіемъ необходимо соединенныхъ понятіяхъ: всѣ ли Шведы въ IX вѣкѣ прозывались Гредготами? или имѣется въ IX вѣкѣ особое шведское племя Гредготовъ? или Гредготами (чит.: Русь) назывался одинъ только княжескій (шведскій) родъ, призванный незадолго до 865 года изъ за балтійскаго моря (*K. ap. Dorn, 459*)? Ни на одинъ изъ этихъ вопросовъ я разъясненія у г. Куника не нахожу.

Впрочемъ, ни самовольное предположеніе Погодина о какомъ то, никому въ мірѣ неизвѣстномъ шведскомъ племени Русь въ IX вѣкѣ, ни указанія г. Куника на мнимую связь этого небывалаго племени съ Гредготами Эрманарика, не спасутъ норманской теоріи отъ противорѣчій и несообразностей. Непонятно было почему Славяне, издавна знающіе Шведовъ подъ ихъ финскимъ названіемъ Русь (Ruotsi), перестаютъ называть ихъ этимъ именемъ послѣ призванія; еще непонятнѣе почему имя Руси для Шведовъ прекращается у Славянъ, когда сами Шведы зовутъ себя Русью; почему генетическое шведское Русь не встрѣчается какъ народное или племенное, ни въ одномъ изъ туземныхъ шведскихъ памятниковъ, ни въ одной изъ германо-латинскихъ лѣтописей, такъ много и такъ часто говорящихъ

о Шведахъ и о Норманнахъ; почему наконецъ шведская Русь не именуется Русью своей словено-русской колоніи.

Объ этихъ фактахъ, положительно уничтожающихъ всякую систему иноземнаго происхожденія Руси, норманская школа молчитъ. Но за недостаткомъ прямого отвѣта, есть косвенные намѣки. Погодинъ утверждаетъ неоднократно, но безъ окончательно выводимаго заключенія, что Рюрикъ взялъ съ собою всѣхъ Руссовъ (*Измд. II. 241, 242. III. 41*); Крузе думаетъ что о ютландскихъ Руссахъ, послѣ Рюрика, нѣтъ помина, потому что онъ взялъ съ собою всѣхъ Руссовъ (*Urgesch. d. Esthn. Volksst. 463*); г. Куникъ, хотя и относилъ выраженіе лѣтописи «пояша по собѣ всю Русь» къ подражанію греческимъ хронографамъ, однако признаетъ и возможнымъ объяснить изъ него отсутствіе шведской Руси въ Скандинавіи (*Beruf. I. 104. Ант. **).

Предположить выселеніе, откуда бы то ни было, цѣлаго племени, съ женами и дѣтьми, довольно трудно; намъ извѣстны выселенія Англо-Саксовъ, Франковъ, Болгарь, Норманновъ; ни одно изъ нихъ не представляетъ подобнаго историческаго явленія. «Полное выселеніе многочисленнаго народнаго племени, говоритъ Луденъ, совершенное удаленіе изъ земли въ которой покоится прахъ отцевъ, безъ сомнѣнія рѣдкій до крайности случай, быть можетъ даже и никогда не имѣвшій мѣста». Въ настоящемъ случаѣ вопросъ затрудняется и отъ противорѣчій норманской школы; гдѣ дѣло идетъ о выселеніи къ Славянамъ всѣхъ шведскихъ Руссовъ, она должна по неволѣ принять и совокупное съ ними выселеніе женъ, дѣтей, стариковъ, всего, по выра-

женію г. Куника, что носило русское имя; норманскихъ женщинъ (*skialdmeuar*) находитъ она еще въ войскахъ Святослава (*Поход. Изслѣд. III. 43. — Kunik, Beruf. II. 452*); норманскими женами надѣляется и нашихъ первыхъ князей. Напротивъ, гдѣ рѣчь идетъ объ отсутствіи слѣдовъ скандинавизма въ русскомъ быту, языкѣ и религіи, оказывается что «юные норманскіе войны, приходившіе по ббльшей части безъ женъ, заводили себѣ маленькіе славянскіе гаремы въ славянскихъ земляхъ, почему славянской языкъ и сдѣлался роднымъ языкомъ ихъ дѣтей» (*Krug, Forsch. II. 276, 277. cfr. Kunik, ap. Dorn, 398*). Предоставляя норманской школѣ окончательный выборъ между тѣмъ и другимъ предположеніемъ, я спрашиваю: какое значеніе, общее или племенное, имѣло и могло имѣть въ IX вѣкѣ у Финновъ и у Славянъ, ихъ финское *Ruotsi*, ихъ славянское Русь, названія подъ которыми они понимали призванный ими шведскій народъ? Извѣстно что въ настоящее время Финны и Эсты понимаютъ всѣхъ Шведовъ подъ именемъ *Ruotsi, Roots*; это финское *Ruotsi* краеугольный камень норманской системы. Теперь, кого понимали Финны подъ именемъ *Ruotsi*, въ IX столѣтіи? Особое шведское племя, однихъ поселенцевъ приморскаго Шеланда? Но тогда должно принять, что по выселеніи къ Славянамъ и Финнамъ, всего племени шведскихъ Россовъ, съ женами и дѣтьми, Финны не только что не оставили русскаго имени за его единственными законными обладателями то-есть за выселившимися изъ Швеціи Россами (которыхъ, съ самой минуты призванія, смѣшиваютъ съ Славянами - Вендами, *Wendelaiset*), но еще перенесли это имя на прочихъ, въ

Шведи оставшихся Шведовъ, между коими уже не было ни одного Росса. Было ли имя Ruotsi у Финновъ общимъ, народнымъ именемъ Шведовъ въ IX вѣкѣ, какъ нынѣ? Тогда оно было общимъ народнымъ именемъ Шведовъ и у Славянъ, узнавшихъ его отъ Финновъ, прозавшихъ самихъ себя Русью, отъ имени своихъ шведскихъ покорителей, подъ его финскою (по мнѣнію Норманистовъ) формою. Но всѣ Шведы выселиться изъ Скандинавіи не могли. Почему же имя Руси для Шведовъ исчезаетъ и въ лѣтописи и въ народномъ говорѣ? Какимъ образомъ является оно у Нестора племеннымъ, на ряду съ именами Свеевъ, Урмянъ, Готовъ, Англянъ? Видно, слова лѣтописи «поша по собѣ всю Русь» имѣютъ какой то другой, особенный смыслъ.

Г. Соловьевъ, а за нимъ и нѣкоторые другіе изслѣдователи останавливаются на слѣдующемъ рѣшеніи вопроса о происхожденіи Руси. «Подъ именемъ Варяговъ разумѣлись дружины, составленныя изъ людей, волею или неволею покинувшихъ свое отечество, и принужденныхъ искать счастья на моряхъ или въ странахъ чуждыхъ; это названіе, какъ видно, образовалось на западѣ, у племенъ германскихъ; на востокѣ у племенъ славянскихъ, финскихъ, у Грековъ и Арабовъ такимъ же общимъ названіемъ для подобныхъ дружинъ было Русь (Рось), означая, какъ видно, людей - мореплавателей, приходящихъ на корабляхъ, моремъ, входящихъ по рѣкамъ внутрь странъ, живущихъ по берегамъ морскимъ. Прибавимъ сюда, что названіе Русь было гораздо болѣе распространено на югѣ, чѣмъ на сѣверѣ, и что по всѣмъ вѣроятностямъ, Русь на берегахъ Чернаго моря была извѣстна прежде половины IX-го

вѣка, прежде прибытія Рюрика съ братьями» (*Ист. Росс. изд. V. I. 94*).

Какому именно народу и какому именно языку принадлежит это названіе Руси для морскихъ дружинъ, не сказано; не могло же однако оно быть въ одно и то же время, словомъ славянскимъ, финскимъ, арабскимъ и греческимъ! Норманновъ г. Соловьевъ исключаетъ изъ числа народовъ называвшихъ Русью морскія дружины; значить имя Руси не норманское; значить Рюрикъ и братья его не были Русь; между тѣмъ г. Соловьевъ основываетъ, на сказаніи лѣтописи, мнѣніе о скандинавскомъ происхожденіи варяговъ Руси (*тамъ же, 93*). Русь, думаетъ онъ, была извѣстна на берегахъ Чернаго моря, до призванія Рюрика; но это сознаніе, уничтожая Несторово сказаніе о призваніи Руси, уничтожаетъ съ тѣмъ вмѣстѣ и всю, г. Соловьевымъ однако же допускаемую, теорію Скандинавистовъ (см. *Kunik, ap. Dorn, 458, 459*).

Въ изслѣдованіи подъ заглавіемъ: «Источникъ лѣтописнаго сказанія о происхожденіи Руси» (*Ж. М. Н. Пр. 1874 г.*), г. Ламбинъ ищетъ согласованія норманской системы съ историческимъ воззрѣніемъ г. Соловьева на начала русской земли. Онъ говоритъ:

«Никакого народа Русь никогда и нигдѣ не бывало, и ни откуда къ намъ не приходило, а пришли къ намъ изъ-за моря князья, три брата «съ роды своими», и привели съ собою «всю Русь», то-есть, всю дружину, называвшуюся Русью (*Ròds*), какъ назывался и самый родъ княжескій» (*Ст. I. 261*). Эта дружина была скандинавская морская (*тамъ же, 235*).

Мнѣніе о существованіи въ древней Швеціи дружиннаго Rōds, Rōs, основано преимущественно на томъ обстоятельстве, что у нынѣшней Чюди (Финновъ и Эстовъ) Шведы именуется Ruotsi и Roots (*тамъ же, ст. II. 67*). Но Suomi именуется у Шведовъ Finnar; у Руси Чюдь. Заключить ли отсюда что имя Finnar было нѣкогда туземнымъ, народнымъ именемъ Суми; а Чюдь наименованіемъ морской сумской дружины? Да и когда же и въ слѣдствіе какихъ побужденій, стали чюдскія племена понимать Шведовъ подъ именемъ Ruotsi? Г. Ламбинъ (*л. с. 68*) утверждаетъ что имя Rōds перешло къ Финнамъ и Эстамъ изъ усть тѣхъ Шведовъ или Готовъ, которые при первой съ ними встрѣчѣ, сами такъ называли себя, въ какомъ бы то ни было смыслѣ. По мнѣнію г. Куника (*ad. Dorn, 437*) эта встрѣча, а слѣдовательно и названіе, восходитъ къ временамъ Тацита. Но въ Тацитовскую эпоху, судя по малочисленности выселившагося къ намъ сполна княжескаго рода Rōdhs въ IX вѣкѣ, этотъ родъ по всей вѣроятности состоялъ изъ одной только первобытной четы давшей ему свое имя. Отъ этой ли уединенной четы чюдское Ruotsi для всей шведской народности?

Съ тою же цѣлью доказать существованіе для шведской дружины въ IX вѣкѣ, имени Rōds, приводятся слова бертинскихъ лѣтописей «qui se, id est gentem suam, Rhos vocari dicebant». Въ какой мѣрѣ эти слова могутъ служить опорой скандинавской системѣ происхожденія Руси, будетъ показано ниже (*гл. XVIII*); здѣсь я замѣчу только что бертинскія лѣтописи говорятъ о народѣ Rhos, gens; подъ тѣмъ же выраженіемъ gens, понимаетъ Пруденцій и весь

шведскій народъ: «*comperit eos gentis esse Sueonum*». (И Несторъ говоритъ что призванные варяги назывались Русь, какъ другіе Шведами, Норвежцами, Датчанами). Гдѣ же дружина?

Или намъ скажутъ что Греки, не угадавшіе и шведскаго имени *Nákon* (Гаконъ), подъ его тюркскою формою Хаканъ, не разобрали что Шведы 839 года назвали себя *Rhos*, не по народности, а по имени своей дружины и своего княжескаго рода *Róds*? Но тогда мы въ правѣ спросить: есть ли примѣры чтобы Шведы или имъ однокровные Норвежцы и Датчане именовали себя у другихъ народовъ, не своими народными, а своими дружинными именами? Морскихъ дружинъ, подобныхъ дружинѣ *Róds*, было много въ IX вѣкѣ на водахъ окружавшихъ Скандинавію, говоритъ г. Ламбинъ (*ст. II. 82*); княжескихъ родовъ было также не мало въ Норвегіи, Даніи, Швеціи. Между тѣмъ въ дошедшихъ до насъ письменныхъ памятникахъ, мы встрѣчаемъ только названія: *Notganni*, *Sueones* (*Suebi*, *Suevi*) *Dani*. Никогда Датчане не именуютъ себя Гаральддами, Шведы Инглингцами или Сигурддами. Тоже самое можно сказать и о земляхъ принявшихъ имя своихъ скандинавскихъ или германскихъ завоевателей; Британія не прозвалась ни Генгистіей, ни Горсландіей; Нормандія Рольфіей.

О самомъ призваніи князей г. Ламбинъ говоритъ: «и хотя вскорѣ потомъ эти племена (чюдскія и славянскія), вслѣдствіе возникшихъ между ними раздоровъ и междоусобій, и принуждены были обратиться опять къ тѣмъ же Варягамъ-Руси и призвать отъ нихъ князей для устано-

вления наряда, но они призвали не прежнихъ своихъ влaстителей, не тѣхъ вассаловъ Руси, которые были изгнаны, а ихъ верховныхъ господъ, сюзереновъ, то-есть самихъ князей Руси, и призвали при томъ, по своей волѣ, на основаніи договора, какъ племена свободныя» (Ст. II, 94). Не останавливаясь на изображаемой г. Ламбининымъ нѣсколько странной картинѣ устройства морской скандинавской дружины въ IX вѣкѣ, я замѣчу что признанная всѣми изслѣдователями невѣроятность призванія Славянами и Финнами князей изъ тѣхъ же самыхъ, только что ими изгнанныхъ варяговъ — грабителей, остается и нынѣ тою же историческою невѣроятностію. Что касается до справедливой въ сущности мысли, о предшествовавшемъ призванію варяговъ договорѣ (*pacta conventa*), какъ согласовать ее съ основнымъ положеніемъ г. Ламбина (Ст. I. 261): «Князья привели съ собою «всю Русь» то-есть всю дружину, называвшуюся Русью (*Róds*)»? Стало быть князья не только пришли сами, съ своими ближниками, но еще возвратили съ собою и всѣхъ тѣхъ варяговъ-Русь, которые взимали дань съ славяно-чюдскихъ племенъ и были изгнаны? Ибо эти варяги-Русь были же частію всей той дружины которая, называлась *Róds* и которая, вкупѣ съ Рюрикомъ, сполна выселилась изъ Швеціи, въ землю принявшую отъ нея имя Руси. Этого ли наплыва шведскихъ *Róds'овъ*, въ гораздо бѣльшей противъ прежняго силѣ, требовалъ договоръ заключенный съ ними славяно-чюдскими свободными племенами? Впрочемъ г. Ламбинъ говоритъ въ другомъ мѣстѣ о дружинѣ *Róds*: «Ея князья пришли, чтобы княжить и владѣть племенами, ихъ призвавшими; а она — дружина,

которую не призывали, пришла, чтобы воевать другія племена и приобрѣтать себѣ и князьямъ новыхъ данниковъ, чтобы продолжать свое ремесло завоевателей на новомъ обширнѣйшемъ поприщѣ» (Ст. II. 77). А договоръ? а раста conventa? а самый фактъ призванія? Шведскія дружины, изгнанныя и вновь не прошенныя, разъѣзжаютъ свободно по славяно-чюдскимъ рѣкамъ и-озерамъ, для приисканія себѣ новыхъ данниковъ, а глядя на нихъ, Славяне и Чюдь не нарадуются своей дипломатической предусмотрительности? Но противъ кого же, если не противъ этихъ изгнанныхъ варяговъ, срубилъ Рюрикъ крѣпость Ладогу, тотчасъ послѣ призванія, съ тѣмъ чтобы запретить имъ входъ въ Волховъ, а по Волхову въ Новгородъ?

Намъ остается сказать нѣсколько словъ о грамматической формѣ имени Русь, съ точки зрѣнія его мнимоскандинавскаго происхожденія.

Имя Руси является впервые въ 839 году, подъ формою Rhos, въ извѣстномъ мѣстѣ бертинскихъ лѣтописей: «misit etiam cum eis quosdam, qui se, id est gentem suam, Rhos vocari dicebant». Что здѣсь латинское Rhos буквальный переводъ греческаго Ῥῶς, а безпримѣрное въ греческомъ языкѣ, этническое, несклоняемое ὀ Ῥῶς, οἱ Ῥῶς, τῶν Ῥῶς, по существу своему, совершенно противно духу греческаго словосочиненія, два лингвистическихъ факта, ясныхъ до очевидности, сознаваемыхъ изслѣдователями всѣхъ системъ и всѣхъ мнѣній (*Kunik, Beruf. II. 201.*—*сfr. Krug, Forsch. II. 832*). Отсюда логически слѣдуетъ, что Греки могли принять неудобную, безпримѣрную для нихъ форму Ῥῶς, только по крайней необходимости то-есть если этого тре-

бовало непремѣнное употребленіе формы 'Рѡς у того народа, который отличалъ себя этимъ именемъ и первый имъ его передалъ.

Теперь спрашивается: могли ли Шведы отличать себя именемъ, грамматически соотвѣтствующимъ несклоняемой формѣ 'Рѡς? За исключеніемъ собирательныхъ словенорусскихъ именъ, народныя и племенныя не являются ни въ одномъ изъ европейскихъ языковъ, подъ формою единственнаго числа; никакой народъ не именуеть себя Римляниномъ, Франкомъ, Германцемъ, Шведомъ. Ясно, что безпримѣрному греческому 'Рѡς соотвѣтствуетъ только одна собирательная, славянская форма Русь; эта собирательная форма именъ, одинаковая въ единственномъ и множественномъ числѣ, неизвѣстна, какъ сказано, германо-скандинавскимъ нарѣчіямъ²¹³). Древне-готское предполагаемое *hrōþs*, pl. *hrōþsar*, новѣйшее шведское *Ryssa*, pl. *Ryssar*, или какая бы то ни была другая германо-скандинавская форма имени Русь, проявилась бы у Грековъ не иначе какъ подъ формами: ὁ 'Ρῶσος, οἱ 'Ρῶσοι, ὁ 'Ρῶσσος, οἱ 'Ρῶσσοι и т. п. Такимъ образомъ передавали они всѣ германо-скандинавскія имена: ὁ Γότθος, οἱ Γότθοι; ὁ Δάν, οἱ Δανεῖς; ὁ Νορτμάνος, οἱ Νορτμάνοι²¹⁴). Мы видимъ что и вынужденное необходимостію у Грековъ несклоняемое 'Рѡς переходитъ со временемъ въ болѣе удобное простонародное 'Ρῶσος, 'Ρῶσσος, 'Ρῶσσοι, съ соотвѣтствующимъ ему множественнымъ числомъ²¹⁵), а обыкновенно склоняемое готское *hrōþs*, *hrōþsar* проявилось бы у нихъ подъ безпримѣрную, крайне-неудобную форму 'Рѡς? Это 'Рѡς прямо указываетъ на подобную ему форму въ томъ языкѣ, изъ котораго оно

занято; стало быть Шведы бертинскихъ лѣтописей передали Грекамъ, не свое (положимъ) готское $hrōþs$, а славянское Русь. Но возможно ли чтобы Шведы склоняли свое собственное туземное имя, не по шведски, а по славянски?

Г. Куникъ ищетъ нынѣ объясненія этому, не иначе какъ изъ славянскаго Русь объяснимому $ʹRōs$, въ томъ предположеніи что Греки, увлекаясь воображаемымъ тождествомъ библейскихъ (*Езекииль*, XXIX. 1. *cfr.* XXXVIII. 2, 3) и балтійскихъ (?) $Rōsovъ$, приложили этимъ (впрочемъ никогда не существовавшимъ) балтійскимъ $Rōsamъ$, несклоняемую библейскую форму $ʹRōs$ (*Дополн. къ Касп. Дорна*, 673). О происхожденіи Руси отъ Езекиилевыхъ $ʹRōs$ заговорилъ первый Левъ Діаконъ (*ed. Bonn.* 150); ему вторятъ и позднѣйшія русскія лѣтописи (см. *устинск. лѣт.* 236).

Мнѣ кажется весьма сомнительнымъ чтобы канцелярія императора Теофила сочла $Rho'sovъ$ 839 года тождественными съ закавказскими $ʹRōs$ пророка Езекиіля и сверхъ того еще повѣрила, что изъ Константинополя всего легче попасть на Кавказъ, черезъ Ингельгеймъ. Еслибы совершенно уединенное этимологическое умничаніе Льва Діакона, было въ ходу уже въ первой половинѣ IX вѣка, невозможно чтобы Фотій не коснулся его ни въ своемъ энциклическомъ посланіи, ни въ своихъ проповѣдяхъ $εἰς τὴν ἑφοδον τῶν ʹRōs$. Къ тому же и $ʹRōs$ Езекиіля и имя сына Валова $ʹRōs$ (*кн. Быт.* XLVI, 21), акцентировются отлично отъ народнаго $ʹRōs$; да и у самаго Льва Діакона $ʹRōs$ (Езекиілево) и $ʹRōs$ (народное) разнятся по акцентировкѣ²¹⁶). Не странная ли, наконецъ, эта случайность перенесенія несклоняемаго библейскаго $ʹRōs$ на то именно племя, кото-

рому суждено, около той же эпохи, проявиться въ исторіи подъ склоняемою только въ единственномъ числѣ, собира- тельною славянскою формою Русь?

Мнѣ кажется пора бы ученымъ представителямъ скан- динавизма отстать отъ системы основанной, съ одной стороны, на изобрѣтенномъ Wáring, а съ другой, на изобрѣ- тенномъ Rôdhs, да и то еще подъ несуществующею у Нор- манновъ грамматическою формою.

Я ожидаю вопроса: откуда же, за отсутствіемъ швед- ской Руси, Финское Ruotsi, эсткое Roots для Шведовъ?

При разборѣ предположеній Шлецера о происхожденіи этихъ именъ отъ названія Рослагеномъ приморской части Шёланда, Парротъ замѣчаетъ:

«Если бы въ лексиконѣ Гупеля, изъ котораго Шлецеръ приводитъ переводное имя Шведовъ, онъ отыскалъ настоя- щее значеніе слова Roots, онъ конечно бы не вздумалъ опираться на его созвучіе (съ Рослагеномъ). Оно означаетъ вообще хребетъ (Grat), ребро (Rippe), а въ особенности стволъ (Stengel) на листѣ. Перенесеніе этого понятія на береговые утесы или скалы (Scheren), коими преимуще- ственно изобилуетъ Швеція, дѣлаетъ понятнымъ почему Финны называютъ Швецію Ruotsimaa, а Эсты Rootsima, странною утесовъ, Scherenland» (*Versuch einer Entwickl. d. Sprache, Abstamm. der Liv. Lett. Eesth. Erl. № 20*).

Эстское roots передаетъ стало быть значеніе нашего шесть, хребетъ, скала, какъ латинское crista значеніе пѣтушьяго гребня и горной вершины, какъ наше гребень значеніе горнаго хребта. Какъ германскіе народы пони- мали Чюдъ подъ именемъ Finne, скандинавскіе подъ име-

немъ Finnaг, то-есть луговыхъ жителей (отъ сѣвернаго fen, fenne, лугъ; см. *Schafar. Sl. Alt. I. 313*), такъ Эсты и Финны называли Шведовъ Ротсами, отъ слова roots, хребеть, скала. Rootsmaa, Швеція, утесистая страна; Rootsmees, Шведъ, обитатель утесовъ, горець. Точно въ такомъ же смыслѣ прозваны и Хорваты, отъ слова Horbu, Chrbu, обитателями горныхъ хребтовъ, Поляне отъ полей, Древляне отъ деревъ и т. д.

Окончательный свѣтъ на значеніе этническаго эстскаго Roots, финскаго Ruotsi, проливаетъ то имя которымъ прозвали себя шведскіе Лопари. Шведа они зовутъ не Шведомъ и не Родсомъ, а Таго, Tagolats (купецъ) или Laddelats (обитатель страны, Landbewohner); себя же отличаютъ названіями Ruothi и Ruotteladz (*Geijer, Gesch. Schwed. I. 93, 95*). Гейеръ (еще производившій финское имя Шведовъ отъ Рослагена) полагаетъ что это имя перешло, неизвѣстно когда, и на Лопарей; г. Куникъ (*Beruf. I. 95*) приводитъ замѣчаніе Гейера, но безъ объясненій. Я оставляю за шведскимъ историкомъ высказанное имъ, съ осторожною небрежностію, предположеніе; фактъ о которомъ онъ свидѣтельствуетъ по собственному дознанію, стоитъ особеннаго вниманія. Горные Лопари въ Швеціи (Fjälmanн, Fjällfolk, Gebirgsleute), называютъ себя Ruothi и Ruotteladz. Если принять что они перенесли на себя генетическое, древнѣйшее имя Шведовъ Rôds, hrôfs или какое либо другое, выйдетъ что въ то самое время (около половины IX вѣка) когда Славяне прозвались шведскимъ именемъ Rôdhs—Русь, Лопари прозвались тѣмъ же туземнымъ именемъ Шведовъ Rôdhs—Ruotteladz; что подобно Славянамъ,

они тогда же перестали звать Шведовъ Рѣсами, hgr̄s'ами; что наконецъ Шведы, уступивъ свое рѣдское имя, съ одной стороны Славянамъ, а съ другой Лопарямъ, отказались отъ своего древнѣйшаго туземнаго наименованія. Пусть вѣрять что хочеть въ эту фантазмагорическую, да и сверхъ того на отжившемъ рослагенскомъ мнѣ основанную операцію.

Приняли ли для себя шведскіе Лопари имя Ruothi и Ruotteladz отъ Эстовъ и Финновъ или сами прозвались этимъ, на общемъ имъ чюдскомъ языкѣ обозначавшимъ горныхъ жителей именемъ²¹⁷), ясно что начало его восходить къ эпохѣ древнѣйшаго ихъ поселенія на восточномъ берегу Скандіи. Когда отгѣснивъ Лопарей къ сѣверу, Шведы заняли ихъ мѣста (*Geijer I. 94*), имя Ruothi, Ruotteladz перешло у Эстовъ и Финновъ (подъ формами Roots, Ruotsi) на новыхъ поселенцевъ приморскаго Шѣланды, какъ у Грековъ скиѣское имя на разныя, другъ друга изъ Черноморія вытѣснявшія племена, какъ у Литовцевъ имя Gudai (Готы) на наслѣдившую отъ Готовъ днѣпровскія земли, южную славянскую Русь. Быть можетъ знатоки финскихъ нарѣчій прищутъ еще другія, болѣе научныя объясненія указанному историческому явленію; какъ отголосокъ мнимо-туземнаго названія Шведовъ Рѣсами, эстское Roots, финское Ruotsi можетъ отнынѣ стать на ряду съ варяжскимъ происхожденіемъ Фаргановъ.

ХІІ.

СЛАВЯНСКОЕ ПРОИСХОЖДЕНИЕ РУСИ.

Какъ у германскихъ народовъ племенные названія преимущественно основаны на историческихъ особенностяхъ, на политическомъ или воинскомъ значеніи племенъ, такъ названія славянскія взяты по большей части отъ природныхъ, мѣстныхъ отличій, т. е. отъ названій рѣкъ, горъ, лѣсовъ, озеръ и т. д. Таковы народныя и племенные Морава, Хорваты, Дубрава, Загорцы, Озеряты, Полабы, Полочане, Чрезпѣняне, Бужане и пр. Законы исторической аналогіи наводятъ на вѣроятность одинаковаго происхожденія имени Русь.

Коренное *rs*, *rys*, проявляется по преимуществу въ названіяхъ рѣкъ, источниковъ и озеръ у славянскихъ народовъ (см. *Kollar, Rozpr. o gten. 183*). Удивленный необъятнымъ множествомъ (*eine unübersehbare Menge*) происходящихъ отъ этого корня славянскихъ названій рѣкъ и лежащихъ близъ нихъ городовъ и селеній, Шафарикъ производитъ эти названія отъ предполагаемаго праславянскаго *gusa*—рѣка, соответствующаго по ономапотипи-

ческому выраженію подобнымъ звукамъ и у прочихъ европейскихъ народовъ (*Cas. Česk. Mus. VII.—Abk. d. Sl. 160*). «Корень этого слова», говоритъ онъ, «находится и въ другихъ, особенно древнихъ языкахъ, въ томъ-же смыслѣ и значеніи; Байеръ, отличный знатокъ европейскихъ и азіатскихъ языковъ, говоритъ о немъ: имена га, гог изъ древнѣйшаго общаго языка перешли къ Скиѣамъ и къ другимъ народамъ и значили рѣку; въ кельтс. языкѣ гус, гог значить озеро; съ нимъ сродно и нѣмецкое gieseln; и быть можетъ слово роса, гог».

Допуская отчасти основательность замѣчаній Байера и Шафарика, я однако вижу что ими опредѣлено только ономотопитическое значеніе кореннаго рс, въ тѣхъ словахъ индо-европейскихъ языковъ, которыя означаютъ воду или теченіе воды. Форма, подъ которою каждый изъ европейскихъ народовъ усвоилъ себѣ коренное рс, особое значеніе, которое онъ придалъ у себя производнымъ отъ этого корня, наконецъ историческая судьба этихъ производныхъ, оставлены безъ объясненія. Слова *ἄεός*, deus, Teut, Tiv, Div, также происходятъ отъ одного общаго, древняго корня и представляютъ одинаковое значеніе во всѣхъ языкахъ (сfr. *Grimm, D. M. 175 ff.*). Противорѣчитъ ли это происхожденію народнаго германскаго имени Teutsch отъ первобытнаго Teut? Или мы не должны признавать народнаго германскаго начала въ Тевтонахъ Пиеаса и Плу-тарха, въ названіяхъ Теутобургскаго лѣса и Теутендорфа, потому что есть греческій городъ *Θεοδοσία* и греческое имя *Θεοφάνης*? У скандинавскихъ народовъ первобытное alr, elb перешло въ названіе рѣкъ вообще, подъ формою

elf и elv. Заключение ли отсюда о нарицательномъ значеніи германскаго Elbe, славянскаго Лаба, а Нордальбинговъ и Полабовъ объяснять обитателями рѣчныхъ береговъ? Между германскимъ Teut и греческимъ Θεός, между скандинавскимъ elf и германскимъ Elbe, какъ между славянскимъ Русь и кельтійскимъ gos, существуетъ различіе имени отъ слова. У Грековъ, Латиновъ, Германцевъ, Кельтовъ производныя отъ общаго кореннаго rs сохранили первобытный смыслъ воды и теченія; отсюда греческое ροή, латинское guo, rivus, германское rieseln, кельтское gos; отсюда, пожалуй, и наше славянское рѣка. Но ни одно изъ этихъ словъ не перешло въ собственные имена рѣкъ и озеръ у Грековъ, у Римлянъ, у Германцевъ, у Кельтовъ. Откуда же у однихъ Славянъ это множество названій росъ, русь для славянскихъ водъ? Неужели это явленіе случайное, не представляющее особеннаго значенія? Ошибка славянскихъ изслѣдователей, и преимущественно нашихъ русскихъ, состоитъ не въ указаніи на очевидную связь между народнымъ именемъ Русь и коренными росъ, русь въ рѣчныхъ и мѣстныхъ названіяхъ у всѣхъ вообще славянскихъ народовъ, а въ невѣрномъ и нелогическомъ производствѣ этихъ названій отъ народнаго, по всей Славянщинѣ произвольно проводимаго Русь. Это значить отыскивать Тевтоновъ въ греческой Θεодосіи. Напротивъ, въ производствѣ народнаго Русь, отъ общеславянскаго Росъ, Русь (при настоящемъ опредѣленіи этихъ названій для славянскихъ водъ), я вижу столько же произвола и случая, сколько въ производствѣ народнаго Морава отъ Моравы, Полочанъ отъ Полоты, Нордальбинговъ отъ Эльбы (Albis).

a Sei

Уже Нарбуттъ (*Dzieje Staroż. nar. Litewsk. I. 175*) напалъ на ту мысль, что свѣтыя рѣки у Будиновъ (которыхъ онъ считаетъ предками Литвы, а Шафарикъ Славянами *Sl. Alt. I. 184 ff.*) именовались *ross*. Оставляя въ сторонѣ схваченное съ воздуха предположеніе о Будинахъ и ихъ переселеніи съ береговъ Волги на берега Нѣмана, я останавливаюсь на двухъ фактахъ, имѣющихъ особое значеніе для русской исторіи.

I. Отъ Волги - Рось до Нѣмана - Русь и до Куришгавской Русны, все пространство земли занимаемое словенскими и родственными имъ, по языку и по вѣрѣ, литовскими племенами, покрыто рѣками, носящими названія Рось, Русь, Роса, Руса.

1) Волга-Рось. Агаемеръ, писавшій около 215 лѣтъ по Р. X., говоритъ: «*reliquorum vero per Asiam fluminum et in diversa maria se emittentium Jaxartes et Oxus, et Rhyrnus et Rhos, et Cyrus et Araxes Caspio mari miscentur*» (*Hudson II. 48*). Нубійскій географъ: «*... Verum influit in illud (sc. mare Chozar) pars fluminis Ross, Athel vocati*» etc. (*Geogr. Nubiens. 243*). Г. Куникъ (*Beruf. II. 7. Anm.*) опровергаетъ 'Рѡ; Агаемера Птолемеевымъ 'Рѡ, Амміановымъ Rha, именами Волги, совпадающими съ существующимъ и донинѣ у Мордвы именемъ Волги-Rhau (*Schloez. N. G. 306*). Но развѣ прусское Memel исключаетъ литовское Нѣманъ ²¹⁸), германское Elbe славянское Лаба? Все, что можно заключить изъ разногласія между Агаемеромъ и Птолемеемъ, между Эдриси и Амміаномъ, состоитъ въ томъ, что одни получили свое названіе Волги отъ народа славянскаго, говорившаго Рось,

а другіе отъ народа финскаго, произносившаго Rhaui. На древность существованія имени Рось для Волги указываетъ и названіе Роксалановъ т. е. приволжскихъ Алановъ (*Schafar. Sl. Alt. I. 352. — Abk. d. Sl. 107*); этому имени Рось отвѣчаетъ можетъ-быть и названіе Волги у Геродота Ῥόρος (*IV, 122, 125*), напоминающее венгромонгольскую форму имени Русь Orosz, Urus. (См. *Mannert, Geogr. IV. 110. — Müller, Stromsyst. d. Wolga, 84, 103, 104. — Klaproth. tabl. hist. 23 — 24*).

2) Осколь-Рось (*Narbutt. I. 176*).

3) Нѣманъ-Рось. Такъ называется часть этой рѣки, протекающая волковскій повѣтъ (*тамъ же*).

4) Нѣманъ - Русь. Названіе нижняго Нѣмана (праваго рукава его) до самаго устья; иные называютъ его также Рось (*тамъ же*).

5) Куришгафъ-Русна. «Addo, probabile quoque esse Prussos ab amne Russo nominatos, quasi dicerentur Porussi et Prussi, i. e. accolae Russi fluminis. Est enim in Russia ostium amnis Memelae, quod hodieque Russa vocatur²¹⁹). Notum insuper est ipsum lacum Curonensem (das Churische Haff) olim vocari solitum Rusna, ut disertis verbis habent verba Privilegii Pacis inter Vladislaum jagellonidem Regem Poloniae et Paulum de Rusdorf Magistrum Ordinis Teut. in Cujavia dati» (*Hartknoch, Dissert. III. 64*).

6) Рось, впадающая въ Наревъ съ праваго берега ниже Остроленки (*Narbutt, I. 176*).

7) Рось, впадающая въ Szesczur съ лѣваго берега не далеко отъ Новаго Мѣста (*тамъ же*).

8) Русь или Руса (Синоп. Роса) въ новгородской гу-

берніи, впадающая въ озеро (*Нест. Шлец. I. 150*). По сохранившемуся въ нѣкоторыхъ спискахъ лѣтописи преданію, Славяне прозвались Русью отъ этой рѣки. Царевичъ Іоаннъ передъ службою Св. Антонію Сійскому: «Приписано бысть сіе . . . многогрѣшнымъ Иваномъ, во второе по первомъ писатели, колѣна Августова, отъ племени Варяжскаго, родомъ Русина, близъ восточныя страны, межъ предѣлъ Словенскихъ и Варяжскихъ и Агаряньскихъ, иже нарицается Русь по рѣкѣ Русѣ» (*Карамз. IX., прим. 612*). Густинскій лѣтописецъ (*с. 236*) говоритъ, что имя Русь производять «иныи отъ рѣки глаголемыя Рось».

9) Рось украинская, впадающая въ Днѣпръ съ праваго берега, ниже Канева. По этой Рси завелъ Ярославъ поселеніе изъ плѣнныхъ Ляховъ и ставилъ города (*Лавр. 65*).

10) Руса, впадающая въ Семь (*Кн. больш. черт. 91*).

11) Рось, впадающая въ озеро Jeziozozy (*Narbutt, l. c.*).

12) Эмбахъ - Рось, по Кодиуну у Шлецера (*Нест. II. 328*).

Сверхъ того: Роска въ Волини (*см. Карамз. III., прим. 77*); Порусье или Порусья, падающая въ Полисть (*Кн. б. черт. 182*) и множество другихъ ²⁹⁰).

II. Названія Русь, Рось для славянскихъ водъ проявляютъ особое религіозное начало и значеніе святости.

О русскихъ Славянахъ, какъ водопоклонникахъ по преимуществу, дошло до насъ не мало прямыхъ и достовѣрныхъ свидѣтельствъ, какъ въ лѣтописи Нестора, такъ и въ современныхъ ей памятникахъ: переводѣ С. Григорія Назіанзина, правилахъ митрополита Іоанна и т. д.; для

подробнѣйшихъ указаній отсылаю къ изслѣдованіямъ Снегирева, Гануша г. Срезневскаго и т. д. (см. также *Отр. о вар. вопр. Геден.* 63, 64). Принимая покуда преимущественное господство водопоклоненія у русскихъ Славянъ за исторически доказанный фактъ, я въ повтореніи одного и того-же названія для рѣкъ и источниковъ, вижу явно религіозную мысль, тѣмъ болѣе что имя Рось, какъ не рѣдко прилагаемое къ другому рѣчному имени (напр. Волга - Рось, Нѣманъ - Рось, Осколь - Рось и т. д.), облѣчаетъ первобытно - нарицательное значеніе; а какое же могло оно имѣть у Славянъ водопоклонниковъ, если не значеніе святости?

На это значеніе указываетъ и этимологія словено-русскаго, (только у русскихъ Славянъ существующаго) названія русалокъ. Шафарикъ (*Čas. Česk. Mus. VII. 299 sq.*), а за нимъ Юнгманъ (*Slown. IV. 959*) производятъ ихъ отъ русла; того же мнѣнія и г. Буслаевъ. «Понятіе о свѣтѣ», говоритъ онъ (*О вл. Христ. 15, 16*), «глубоко лежитъ въ названіи Русалокъ и въ вѣрованіи въ эти существа. Хотя онѣ живутъ въ водѣ, но свѣтъ былъ начальною ихъ стихіею. Рѣчное названіе Руса, откуда Русалка черезъ форму русло, ведетъ свое происхожденіе отъ слова: русый, распространившася не только на сѣверъ, гдѣ находимъ Фин. gus, красный, рыжій, но и на югъ, такъ что у Сербовъ руса постоянный эпитетъ головы: «и русу му осіјече главу». Въ значеніи же воды встрѣчаемъ не только въ Чехахъ: на potoku Ruzawě, но и въ кельт. gus, gos — озеро. Въ древнѣйшемъ періодѣ языка санскритскаго, именно въ языкѣ Ведъ, находимъ русат - rutilans, глаголь

же русъ остался и въ послѣдствіи, но только въ значеніи *ferire, occidere*, съ переменною же небнаго *ç* въ *ч*, перешелъ въ руч *lucere, splendere*. Начальная мысль этимологіи г. Бушлаева быть-можетъ вѣрна; но если не ошибаюсь, основное смѣшано въ ней съ производнымъ. По санскритски *guç* — *splendere*; въ зендскомъ языкѣ *gaoc* *splendere* и *lux* (*Bopp, Vergl. Gramm. 128, 28*); отсюда, съ одной стороны, производныя *ῥούσιος, gussaeus, rutilans*, русый, фин. *gus* и т. д.; съ другой, значеніе блеска и свѣта для водъ и росы (срвн. *alp. elb, albus* и формы *Elf, Elbe*) въ индоевропейскихъ языкахъ. У славянскихъ племень Скр. и Зендское: *guç*, *gaoc* переходитъ изъ нарицательнаго въ собственное, подъ формою Рось, Русь; здѣсь начало мифологическаго (славянскаго, а въ тѣснѣйшемъ смыслѣ, словено-русскаго) періода его. Этому періоду принадлежитъ существующее только въ русскомъ языкѣ (подобно названію русалокъ) слово: русло, быть-можетъ первоначально божественное олицетвореніе русла; и русло, и русалка отъ рѣчнаго, священнаго Русь²²¹). «Овъ рѣку богынію нарицаеть и звѣрь живущъ въ нѣи іакѡ Бога нарицаъ требу творитъ» (*перев. Грм. Наз. 88, 89*). Какъ отъ Нѣмана и Свитязя Нѣмнянки и Свитезянки (*Сметир. I. 119*), такъ отъ Рси или Русы, русалки. Литовская русалка именуется гуделкою, *gudielka*; но по литовски *guddusemme* - украинская Русь; *gudas* - Русянь; *gudai* - Русь въ множ. числѣ (*Schafar. Sl. I. 456. Anm. 4*).

Отъ первобытно общаго всѣмъ славянскимъ племенамъ вѣрованія осталось извѣстное у всѣхъ почти славянскихъ народовъ подъ названіемъ русалій, *rusadla*, весеннее

празднество. «Rusádla plur. gen. Rusadel, slav. Gömör. Pñgsten, feriae pentecostes» (*Palkowiču Slownjk, II. 2005*). «Swátky a gisté časy gakožto na Kračun, na Welikau noc a na Rusadla». (*Bartholomaeid. Memor. ap. Kollar. Rozpr. 354*). «Na Rusadlnie swiatky podle starjeho obyčęge králow staweti, tanze wywázeti, do starje kožuchy se obláčeti i gáčkowlěk se blázniti pod štraffanjm zakázáno bude» (*Акты Шумницкаго евангел. собора въ 1591 г. тамъ-же. 355*). Въ толкованіи на 62 канонъ Трульскаго собора, Θεод. Вальсамонъ (около 1100 г.) упоминаетъ о русалияхъ ρουσάλια, какъ о празднествѣ, справляемомъ, по худому обычаю, во внѣшнихъ земляхъ, ἐν ταῖς ἔξω χώραις (*Du Cange v. Rosalia*); извѣстіе относимое Шафарикомъ (*Sl. Alt. II. 179*) къ Славянамъ болгарскимъ. О нашихъ русалияхъ см. *Снегур. IV. 1 — 17*.

Сюда, быть можетъ, принадлежитъ и народное выраженіе святая Русь, какъ отголосокъ нашей языческой старины. Въ книгахъ до XVI вѣка не встрѣчаемъ его; у Курбскаго: святорусская земля (*Сказан. 46*). Какъ у германскихъ народовъ (*Grimm, D. M. 1195*), такъ и у насъ, понятія языческія нерѣдко переходили въ христіанскія; мнѣ объ Иванѣ Купалѣ вошелъ въ соединеніе съ праздникомъ въ честь св. Іоанна, и т. д.

«Несторъ справедливо ведетъ происхожденіе моравскаго имени отъ рѣки Моравы», говоритъ Шафарикъ (*Sl. Alt. II. 499*), названіе которой было такъ древне и уважаемо у Славянъ, что едвали есть славянская земля, гдѣ бы не нашлась или рѣка, мѣстечко, или область, носящія имя Моравы». Тоже самое можно сказать и о Славянахъ-

Росопоклонникахъ. Какъ Моравя, такъ и Русь — имя рѣки и народа.

На странное заявленіе г. Куника (*Beruf. I. 48 — 86*) относительно предполагаемаго имъ не-славянства формы имени Русь, я скажу только, что это имя составлено по первообразу и слѣдуетъ лингвистическимъ законамъ простыхъ собирательныхъ, — грамматической формы, принадлежащей къ древнѣйшему слою языковъ²²²); что слѣдовательно нѣтъ ни малѣйшей причины принимать обязательно-финскаго происхожденія русскихъ народныхъ собирательныхъ именъ, съ окончаніемъ на ь. Форма Чюдь, по всей вѣроятности, древнѣе племенныхъ Любь, Ямь, Пермь, Вель;²²³) къ какому же финскому первообразу должно ее отнести?

Въ другомъ мѣстѣ, на основаніи принимаемой имъ за неизмѣнное лингвистическое правило, мнимой невозможности перехода звука у въ звукъ о, г. Куникъ утверждаетъ что Греки и Мадыры, произносящіе *Ogosz*, узнали имя Руси не отъ Славянъ, а отъ призванныхъ Славянами Шведовъ-Россовъ (*ibid. 71, 72*. Срвн. *Замѣч. къ Касп. Дорна, 671*). Ученый изслѣдователь конечно не обратилъ вниманія на свойственную греческому языку склонность къ передачѣ своимъ ω, звука у въ словахъ заимствованныхъ изъ иноземныхъ нарѣчій; такъ на пр. латинскія *summa*, *suppedaneum*, *culus*, *mularium* — у Грековъ *σῶμα*, *σπεδίον*, *κῶλος*, *μωράλιον* (pro *μουλάριον*). О словѣ *gutta* (подагра) *Murepsus MS. sect. 3. cap. 82*: «καλεῖται καὶ αὐτὴ παρ' Ἰτταλοῖς Γῶτα» (*Du Cange, Gloss. med. et. inf. Gr.*). Римскій царь *Numa* у *Плутарха* и другихъ греческихъ

писателей Νόμας (*Thes. gr. l. ed. Didot, V, 1540*). Франкскій рыцарь Rousseau de Soli у Пахимера Ῥὼς Σολυμᾶς. Да и въ самомъ греческомъ языкѣ можно указать на ροῦσα, dog. ρῶσα и т. п.²²⁴).

Мадяры произносятъ Orosz; Персіяне и Татары Urus; Нѣмцы Riuze и Reussen; Шведы Ryss, Голландцы Ruyschen. Единственное заключеніе которое можно вывести изъ различности этихъ формъ, то, что каждый народъ передаетъ по духу языка своего, имя другаго народа.

ХІІІ.

СЛОВЕНЕ И РУСЬ.

Исслѣдователи, не хотѣвшіе отличить полу-ученыхъ затѣй печерскаго монаха отъ сокрытой въ его лѣтописи прямой и без-искусственной исторіи фактовъ, доводили систему его до безвыходныхъ заключеній. Шлецеръ допускаетъ по Нестору, что тотчасъ послѣ пришествія варяговъ, имя Руси превратилось въ общеславянское народное имя (*Нест. Шлец. II. 603*), явленіе, которому у другихъ европейскихъ народовъ исторія опредѣляетъ цѣлыя вѣка. Это не мѣшало ему дѣлать Олегово войско на Руссовъ, т. е. Норманновъ и на Словенъ, представителей всего прочаго войска, не исключая Чюди и Мери (*тамъ же, 681*), а въ другомъ мѣстѣ утверждать что Руссами при Олегѣ и Игорѣ были еще одни только Норманны т. е. варяги (*тамъ же, 703. III. 97*). Однихъ Норманновъ подъ именемъ Руси (до Ярослава включительно) понимаютъ и послѣдователи Шлецероваго ученія. У Круга норманнская Русь вездѣ противопоставляется Славянамъ, подъ именемъ которыхъ мы должны разумѣть всѣ славянскія пле-

мена, подвластныя варяжской династїи. «Рѣзкое отличїе между собственною Русью (Норманнами) и Славянами, Финнами и т. д. продолжается до позднихъ годовъ XI столѣтія», а въ доказательство: «Nest. 98; въ лѣто 6526 (1018): Ярославъ же совокупивъ Русь, и Варягы, и Словѣны... Правда русская 1: Аще ли боудеть Роусинъ, ли Словенинъ».... Далѣе: «въ договорахъ упоминается только о Руси (мы отъ рода Русскаго), но ни о Славянахъ ни о Финнахъ» (*Krug, Forsch. II, 280, 281. Anm. * — II. 358. Anm. *. срвн. I. 116*). У г. Куника: «Такъ какъ и поздняя Русь отличается у Нестора отъ славянскихъ племенъ, мы и здѣсь должны («тѣмъ и Русь корятся Радимичемъ») разумѣть подъ именемъ Руси, господствующее (норманское) племя, въ противоположность Славянамъ» (*Beruf. II. 189*). По примѣру Шлецера и Круга онъ приводитъ начальную формулу договоровъ: «мы отъ рода Русскаго», въ доказательство существеннаго отличїя Руси (Норманновъ) отъ Славянъ (*тамъ же, 177*). Погодинъ: «Ясное показанїе отношенїй между Русью и Славянами; народъ платилъ только дань, а жилъ по прежнему въ полной свободѣ» (*Измѣд. III. 247, прим. 585*).

Всѣ эти изслѣдователи подмѣтили фактъ, дѣйствительно существующій въ нашей исторїи, а именно, дѣленїе Руси на Словенъ и на собственную южную Русь. Они, кажется, ошиблись только въ опредѣленїи причинъ и значенїя этого факта, относя къ началу норманскому коренное явленїе словенорусскаго быта. Настоящїй смыслъ этого явленїя ясно высказанъ въ лѣтописи; отъ самаго Нестора узнаемъ мы два начальныхъ положенїя нашей исторїи:

1) Имя Руси, какъ народное, принадлежитъ всѣмъ племенамъ союза восточныхъ Славянъ; какъ племенное, одному только югу.

2) Имя Словенъ, исключительно племенное, принадлежитъ только Новгороду и его области; на Руси оно никогда не имѣетъ общаго значенія народнаго Славяне.

Аскольдъ и Диръ, мнимо-русскіе выходцы изъ заморья, оставляютъ Новгородъ, притонъ мнимо-русской (варяжской) народности. Они говорятъ Кіевлянамъ: и мы есмь Князи Варяжскіе», не русскіе (*Арх. сп. у Шлец. Нест. II. 12*). При поселеніи въ Кіевѣ они призываютъ своихъ единоплеменниковъ изъ Новгорода: «Аскольдъ же и Диръ остаа въ градѣ семъ, и многи Варяги скуписта, и начаста владѣти польскою землею» (*Лавр. 9*). До сихъ поръ мы не видимъ Руси; но при выступленіи изъ Кіева въ походъ противъ Грековъ, Русь является единственною дѣйствующею народностію, какъ въ греческихъ лѣтописяхъ, такъ и въ Несторовой; изъ Новгорода они вышли варягами; изъ Кіева выступаютъ, изъ Царьграда возвращаются Русью.

«Въ лѣто 6389. Поиде Олегъ, поимъ воя многи, Варяги, Чюдь, Словѣни, Мерю, Вель, Кривичи» (*Лавр. 10*). И здѣсь при выступленіи изъ Новгорода, исчисляются только сѣверныя племена; о Руси ни слова; это имя является уже по водвореніи Олега въ Кіевѣ, переходя не отъ Олега на Кіевъ, а отъ Кіева на Олега и Варяговъ его: «и рече Олегъ: се буди мати градомъ Русскимъ. Бѣша у него Варязи и Словѣни, и прочи прозвашася Русью» (*тамъ же*)²²⁵).

Игорь посылаетъ за море къ Варягамъ: «и посла по Варяги многи за море, вабя е на Греки» (*тамъ же*, 19); но изъ Кіева идетъ съ Русью: «Въ лѣто 6452. Игорь же совокупивъ вои многи, Варяги, Русь, и Поляны, Словѣни, и Кривичи, и Тѣверьцѣ, и Печенѣги» и пр. (*тамъ же*). Поляне-Русь *κατ' ἐξοχήν* названы поименно въ противоположность Словенамъ-Новгородцамъ.

Владимиръ изъ Новгорода: «Володимеръ же собра вои многи, Варяги и Словѣни, Чюдъ и Кривичи, и поиде на Рогъволода» (*тамъ же*, 32). Ярославъ изъ Новгорода: «И събра Ярославъ Варягъ тысячу, а прочихъ вой 40» (*тамъ же*, 61). Святополкъ изъ Кіева: «Пристрой безъ числа вой, Руси и Печенѣгъ» (*тамъ же*). Ярославъ на Святополка изъ Кіева: «совокупивъ Русь, и Варягы, и Словѣнѣ» (*тамъ же*, 62). Ярославъ на Печенѣговъ изъ Новгорода: «Ярославъ събра вой многъ Варягы и Словени, приде Кыеву» (*тамъ же*, 65) ²²⁶.

Имѣютъ ли эти факты особое историческое значеніе? А если имя Руси не случайнымъ образомъ выпущено во всѣхъ мѣстахъ Несторовой лѣтописи, гдѣ дѣло идетъ о Новгородѣ и сѣверныхъ племенахъ, какимъ образомъ могло это имя исчезнуть для тѣхъ именно городовъ (Новгородъ, Полоцкъ, Ростовъ, и т. д.), въ которыхъ находниками были Варяги? Какимъ образомъ, если имя Руси было принадлежностію призваннаго племени норманскихъ Родсовъ, именуется Русью только перешедшіе въ Кіевъ? ²²⁷ Новгородъ и сѣверные города были главнымъ притономъ варяжства, поселеніями тѣхъ самыхъ варяговъ-Руси, что

вышли съ Рюрикомъ изъ заморья: «Ти суть людѣ Ноугородьци отъ рода Варяжска, преже бо бѣша Словѣни»; а въ другихъ спискахъ: «и суть Новгородстѣи людѣ и до днешняго дне отъ рода Варяжска» (*Нест. Шлец. I. 340, 341*). «И по тѣмъ городомъ суть находници Варязи; а перьви населници въ Новѣгородѣ Словѣне, Полотьски Кривичи» и т. д. (*Лавр. 9*). Въ Новгородѣ норманская школа видитъ русскій Вауеихъ: «Первые обитатели Новгорода и его области, говоритъ» Кругъ (*Forsch. II. 248*), «были нѣкогда Славяне; но въ эпоху Рюрика тамъ поселилось такое множество Скандинавовъ, что языки обѣихъ народностей слышались одновременно; даже нѣтъ сомнѣнiя, что нѣкогда Норрена была господствующимъ нарѣчiемъ.» Куда же дѣвалось имя Руси для этихъ Новгородцевъ-варяговъ говорившихъ Норреною еще во времена Святослава? Подъ какимъ именемъ (Словенъ или Кривичей или Чюди) должны мы искать ихъ въ войскахъ Олега, Игоря, Владимира, Ярослава? Мы благодарны Нестору за его противорѣчiя; забывъ съ первыхъ строкъ лѣтописи, о своей системѣ происхожденiя Руси, онъ приводитъ факты въ ихъ настоящемъ, историческомъ видѣ; Словенами зоветъ исключительно сѣверныя, Русью южныя племена; о небывалой варяжской Руси нѣтъ болѣе и помину.

Только изъ этого основнаго факта могутъ быть объяснены иныя, доселѣ нестолкованныя или превратно понятыя особенности нашей исторiи. Таково сохранившееся у Нестора народное преданiе или сага о паволочныхъ парусахъ для Руси и кропивныхъ для Словенъ. Шлецеръ (*Нест. II. 681*) и Кругъ за нимъ (*Forsch I. 115. II.*

358. *Ант.* *.), полагають что имя Руси означает Норманновъ, а Словене все остальное войско Олега; г. Соловьевъ, что «подъ именемъ Руси здѣсь должно принимать не Варяговъ вообще, но дружину княжескую, подъ Славянами остальныхъ ратныхъ людей изъ разныхъ племенъ» (*Ист. Росс. I. 107*). Но гдѣ же и когда употребляетъ лѣтопись имя Словенъ (Новгородцевъ) въ его ученомъ общеславянскомъ значеніи XIX столѣтія? И то не для однихъ славянскихъ племенъ, а вмѣстѣ съ ними и для Чюди и Мери? Мы не имѣемъ права, вопреки здравому смыслу и неизмѣнному словоупотребленію нашихъ лѣтописей, предполагать въ имени Словенъ на возвратномъ пути, не тотъ же самый смыслъ, что при выступленіи въ походъ. А что Словене въ исчисленіи Олегова войска («поя же множество Варягъ, и Словенъ, и Чюди, и Кривичи, и Мерю и Поляны, и Сѣверо» и т. д.) означаютъ Новгородцевъ, кажется ясно. Какъ Новгородъ-Словене въ главѣ сѣверныхъ племенъ (Словене, Чюдь, Кривичи, Меря), такъ Поляне-Русь поименованы въ главѣ южныхъ (Поляне, Сѣверъ, Древляне и т. д.). Народному преданію, взятому безъ сомнѣнія изъ пѣсни, не было дѣла до великой Скуѣи грамотѣя, ученика Византійцевъ; оно знаетъ только объемлющія всѣ русскія племена названія Русь и Словене, и прямо указываетъ на древній антагонизмъ юга и сѣвера. «И рече Олегъ: ишійте прѣ паволочиты Руси, а Словѣномъ кропійныя. . . «И въспяша Русь прѣ паволочитые, а Словѣне кропійныя, и раздра я вѣтръ; и ркоша Словѣнѣ: имѣмся своимъ толъстинамъ, не даны суть Словѣномъ прѣ кропійныя» (*Лаер. 13*). При всей испорченности

Несторова текста, -здѣсь видна одна основная мысль; умышленное униженіе Олегомъ словенскаго племени передъ новогосподствующимъ русскимъ; Новгорода передъ Кіевомъ.

На томъ же этнографическомъ дѣленіи Руси основана и древнѣйшая терминологія Русской Правды. «Еще въ Правдѣ Ярослава», пишетъ Кругъ (*Forsch. I. 116*), «Руссы и Славяне формально противоплагаются другъ другу». Погодинъ не могъ, разумѣется, впасть въ эту ошибку, ни принимать выраженіе Словенинъ въ общеславянскомъ значеніи. Для согласованія текста съ своею системою, онъ обращаетъ Русскую Правду въ волостной, новгородскій уставъ. «Русская Правда», говоритъ онъ (*Изсмд. III. 336*), «написана въ Новгородѣ, ибо въ первой статьѣ сказано: аще ли будетъ Русинъ любо Словенинъ, и пр. Словенами назывались только Новгородцы; въ Кіевѣ были бы упомянуты Поляне, въ Черниговѣ Сѣверяне» и т. д. И въ другомъ мѣстѣ: «Правда называется Русскою, слѣдовательно она принадлежала Руси. Какой Руси? Той Руси, которая отличаетъ себя отъ туземцевъ въ первой строкѣ документа: если будетъ Русинъ, Словенинъ» и пр. (*тамъ же, 359*), т. е. норманской ²²⁸).

Отъ документа юридическаго мы въ правѣ требовать нѣкоторой точности. Если Русинъ означаетъ Норманна, а Словенинъ Новгородца, значить, что въ Правдѣ, данной кіевскимъ княземъ, нѣтъ мѣста для туземцевъ, Славянъ кіевскихъ, черниговскихъ и т. д.? Положимъ, что Ярославъ Норманнъ, что Правда дана въ Новгородѣ и

однимъ Новгородцамъ: развѣ между ними и южными племенами сношеній не было? А въ такомъ случаѣ, какую пеню платилъ Новгородецъ за убіеніе Полянина и обратно? Или Кіевъ, Черниговъ и пр. были внѣ права? Древнегерманскій законъ исчисляетъ не только туземныя, но и иноземныя племена; по праву Рипуарскихъ Франковъ Tit. 36, платилось виры за салійскаго Франка (*advena Francus*) 200 сол.; за Бургундца, Аламанна, Фриза, Баварца, Сакса 160; за Римлянина только 100 сол. (*Grimm. DRA. I. 398*).

Дошедшій до насъ подъ заглавіемъ Русской Правды юридическій уставъ, есть, вѣроятно, первый письменный сводъ древнихъ законовъ, искони извѣстныхъ на Руси подъ названіемъ Русской Правды. Быть можетъ, первоначальная, изустная редакція статьи о душегубствѣ восходитъ къ эпохи древнѣйшаго дѣленія Руси на Словенъ и на Русь; но и въ XI вѣкѣ выраженія Русинъ - Словенинъ были совершенно понятны, какъ обозначающія съ полною точностію всѣ племена, входившія въ составъ русской народности. Такovy были на югѣ (кромѣ коренныхъ четырехъ русскихъ племенъ), и слившіяся уже съ собственной Русью, славянскія племена Уличей, Тиверцевъ, Хорватовъ и т. д.; на сѣверѣ Новгородъ и Кривичи. Чюдъ, Меря, Мурома и прочіе данники (быть можетъ, также Вятчи и Радимичи) были внѣ права, если не принадлежали къ одному изъ исчисленныхъ въ первой статьѣ званій, т. е. если не были ни грядями, ни купцами, ни мечниками, ни ябетниками, ни изгоями. Варяги и Колбяги подлежали, безъ сомнѣнія, особому праву, опредѣленному особыми условіями.

Первобытное племенное дѣленіе Руси проглядываетъ и въ сказаніи о Словенѣ и Русѣ, какъ о прародителяхъ русскаго народа (см. *Карамз. I. прим. 70*). Слѣды преданія, на которомъ основана эта басня, восходятъ до X вѣка, до времянь Игоревыхъ (см. *и. XVI*).

И у иноземныхъ писателей встрѣчаемъ намѣки на этотъ самый историческій фактъ. Константинъ Багрянородный называетъ Новгородъ внѣшнею Русью, ἡ ἕξω Ρωσία (*de adm. imp. ed. Bonn. 74*), выраженіе крайне счастливое и безъ сомнѣнія переводное; у Нестора его уже не находимъ; въ позднѣйшихъ лѣтописяхъ говорится о верхнихъ земляхъ: «Изяславъ да дары Ростиславу что отъ Рускыи землѣ и отъ всихъ царьскихъ землѣ, а Ростиславъ да дары Изяславу что отъ верьхнихъ землѣ и отъ Варягъ» (*Ипат. 39*). Изъ арабскихъ писателей, коихъ извѣстіями однако трудно пользоваться, потому что подъ именемъ Славянъ они часто разумѣютъ волжскихъ Болгаръ (*Сенковскій у Шармуа 408*), Масуди (943 по Р. Х.) причитаеть Ладожанъ, т. е. Новгородцевъ къ русскимъ племенамъ. (*Frachn, Ibn - Foszl. 174. Bem. § 7*)²²⁹ и знаетъ что Словене и Русь обитали въ особомъ кварталѣ города Итиля, подъ управленіемъ одного общаго судіи и служили вмѣстѣ въ хазарскихъ войскахъ (*ibid. 71. Ann. 22. Charmoy, 317*). Къ тому-же источнику относимъ и смущавшую Эверса (*Krit. Vorarb. 171. Ann. 7*) терминологию исландскихъ сагъ, отличающихъ Русь отъ Гардарики: «dux aut magistratus, omnibus regibus Russiae et totius Gardarikiae praefectus» (*Ol. Trygv. cap. 138*). Подъ названіемъ Гардарики (*Gardaríki*) онѣ понимали всю Русь

вообще: hodiernas scilicet ferè regiones: Russiam magnam et parvam appellatas (*Script. hist. Island. XII. 177*); подъ названіемъ Голмгарда (Hölmgarðr) новгородскую область, Словенъ. Собственную Русь, въ племенномъ смыслѣ, онѣ называли Кенугардъ (Koenugarðr), т. е. кievской областью (у Гельмольда *lib. I. cap. I. Chumigard*), а въ исторіяхъ баснословныхъ или позднѣйшаго времени Русью, Rússland (*Script. h. Isl. XII. 508, v. Russia*). Отсюда наковецъ и двойное названіе Руси у литовскихъ племенъ; они понимали Словенъ подъ именемъ Кгеewу; Русь подъ именемъ Gu-dai (см. *Schafar. Sl. Al. II. 111*).

Ни лѣтопись, ни исторія не знаютъ на Руси, двухъ другъ другу противоположныхъ народностей, скандинавскую и славянскую (см. *смд. II*).

Дѣленію Руси на Словенъ и на собственную Русь, отвѣчаетъ у прочихъ славянскихъ народовъ, дѣленіе Полабовъ на Оботритовъ и Лутичей, Моравы на Мораву и Словаковъ, иллирійскихъ Словенъ на Хорутанъ и Словенцевъ. Но если въ племенномъ значеніи Словене противоплагаются Руси, въ общемъ смыслѣ они Русь, какъ въ общемъ смыслѣ Словаки Моравы, какъ мизійскіе Словене Болгары, иллирійскіе Словенцы Хорутане. Для Нестора Русью всѣ восточныя племена, говорившія словенскимъ нарѣчіемъ: «Се бо токмо Словѣнескъ языкъ въ Руси: Поляне, Деревляне, Ноугородьци, Полочане, Дреговичи, Сѣверь, Бужане, зане сѣдоша по Бугу, послѣ же Вельняне» (см. *II*). О Новгородѣ онъ не могъ бы скаазать: «отъ тѣхъ (Варягъ) прозвася Русская земля, Новугородьци», если бы дѣйстви тельно имя Руси не было, въ общемъ смыслѣ, принадлеж-

ностию какъ южныхъ, такъ и сѣверныхъ племенъ. Отсюда и выраженіе о Ярополкѣ: «Слышавъ же се Володимеръ въ Новѣгородѣ, яко Ярополкъ уби Ольга, убоявся бѣжа за море; а Ярополкъ посадники своя посади въ Новѣгородѣ, и бѣ володѣя единъ въ Руси» (*Лавр. 32*). По Словамъ Всеволода Георгіевича, Новгороду слѣдовало старѣйшинство во всей русской землѣ (*Лавр. 177*). Выраженіе Константина Багрянороднаго ἡ ἔξω Ῥωσία, свидѣтельствуетъ какъ о племенномъ, такъ и объ общемъ значеніи имени Русь.

Какъ общее достояніе всей словенорусской народности, въ сношеніяхъ съ иноземцами, употребляются исключительно имена Русь, и Русинъ. Олегъ, Игорь, Святославъ договариваются съ Греками отъ имени Руси, Русинъ противоплагается христіанину.

У Адама Бременскаго новгородская область именуется Русью: «Deinde latissima Polanorum terra diffunditur, cujus terminum dicunt in Russia regnum connecti. Haec est ultima et maxima Winulorum provincia, quae et finem illius facit sinus» sc. Baltici (*Ad. Brem. cap. 221*).

Въ любской привилегіи императора Фридриха I, въ 1187 г., Новгородцы названы Русью: «Ruteni, Goti, Normanni et ceterae gentes orientales ad civitatem saepius dictam veniant et recedant» (см. *Карамз. III. Прим. 243*).

У Гельмольда на берегахъ Балтики Русь: Slavorum populi multi sunt, habitantes in littore Baltici maris. Normanni septentrionale littus obtinent. At littus australe Slavorum incolunt nationes, quorum ab oriente primi sunt Ruzi, deinde Poloni» etc. (*Lib. I. c. 1*).

Въ жизнеописаніи св. Оттона: «Itaque Pomerania post se in Oceano, Daciam habet et Rugiam insulam, parvam sed populosam; super se autem, id est, ad dextram septentrionis Flaviam habet, et Prussiam, et Russiam» (*Script. rer. ep. Bamberg. I 648*).

Въ латинскомъ текстѣ договоровъ Новгорода съ Любекомъ и Готландомъ, Новгородцы именуется Русью: «Si ruthenus deliquerit in hospitem, intimabitur duci et oldermanno pogardiensium, qui causam complanabunt» etc. (*Изд. Тобиена 89*).

Смоляне, отличаемые, какъ и Новгородцы, отъ собственной Руси въ лѣтописи, названы Русью въ договорахъ 1229 г. съ Ригю: «Аже Латининъ дастъ Роусиноу товаръ свои оу дълго оу Смольнске, заплатити Немчиноу пьрвѣе, хотя бы нягмоу комоу виновать былъ Роусиноу» (*тамъ же, 59*).

Въ новгородской лѣтописи подъ 1314 г.: «Избиша Корѣла городчанъ (т. е. Новгородцевъ), кто былъ Руси въ корѣльскомъ городѣ» (*Новг. I. 70*).

При выселеніяхъ Русь всегда сохраняетъ общее народное имя; такъ галицкіе и венгерскіе Русины; Русь Пургасова въ мордовской землѣ.

Изъ этихъ двухъ историческихъ данныхъ, о дѣленіи Руси на Словенъ и на собственную южную Русь и съ другой стороны, объ общности имени Русь для всѣхъ словенорусскихъ племенъ, мы можемъ составить себѣ довольно вѣрное понятіе о значеніи имени Русь до Нестора и въ эпоху его.

Какъ народное, оно принадлежность всѣхъ славян-

скихъ племенъ, входившихъ въ составъ словенорусскаго союза. Только этимъ именемъ отличаетъ себя русскій народъ въ сношеніяхъ съ иноземцами.

Какъ племенное, имя Руси принадлежитъ южнымъ племенамъ, искони признававшимъ старѣйшинство Кіева; сначала только Полянамъ, Древлянамъ, Сѣверянамъ и, кажется, южнымъ Дреговичамъ; въ послѣдствіи, и прочимъ, съ ними слившимся юго-славянскимъ народностямъ.

Въ тѣснѣйшемъ смыслѣ Русью именуется только Поляне и Кіевъ; русскій синонимъ кіевскаго; Кіевъ былъ настоящимъ центромъ Руси. Мы читаемъ у Нестора: «Бѣ единъ языкъ Словѣнскъ: Словѣни, яже сѣдяху по Дунаеви, ихъ же пріяша Угри, и Марава, Чеси, и Ляхове, и Поляне, яже нынѣ зомова Русь» (*Лавр. II*). И далѣе: «А словѣнскъ языкъ и Рускый одинъ, отъ Варягъ бо прозванася Русью, а первѣе бѣша Словѣне: аще и Поляне звахуса, но Словѣнская рѣчь бѣ» (*тамъ же, 12*). Олегъ названъ русскимъ княземъ въ смыслѣ кіевскаго, старшаго: «А отъ перваго лѣта Михайлова до перваго лѣта Олгова Русскаго князя, лѣтъ 29; а отъ перваго лѣта Олгова, понѣже сѣде въ Кіевѣ, до перваго лѣта Игорева лѣтъ 31» (*тамъ же, 8*)²⁸⁰.

Значеніемъ имени Русь опредѣляется и соответствующее ему словенское.

Словенами, въ общемъ смыслѣ, именуется славянскія племена, признававшія областное старѣйшинство Новгорода, т. е. Новгородцы съ ихъ подраздѣленіями на Псковичей, Ладжанъ, Новоторжцевъ; Полочане и быть-можетъ верхніе Дреговичи; по крайней мѣрѣ при выступле-

ніи въ походъ изъ верхнихъ земель, въ войскахъ варяжскихъ князей не упоминается ни о Полочанахъ, ни о Дреговичахъ; они должны быть сокрыты подъ общимъ названіемъ Словенъ.

Въ тѣснѣйшемъ смыслѣ Словенами именуется одни Новгородцы.

Таково было древнѣйшее этнографическое дѣленіе Руси до половины XI столѣтія; Несторъ зналъ о немъ по преданіямъ и по дошедшимъ до него прежнимъ запискамъ; въ лѣтописи дѣленіе на племена прекращается съ смертію Ярослава; встрѣчающіяся въ извѣстіяхъ XII столѣтія племенные названія являютъ уже чисто географическій характеръ, напр. «Паки же Олговичи . . . почаша воевати . . . и до Вышгорода и до Деревъ» (*Ипат.*, п. 1136). «и тогда взя Курескъ и съ Посемьемъ, и Сновскую тысячу у Изяслава, и Случьскъ, и Кльчскъ, и вси Дрегвичѣ» (*тамъ же*, п. 1149). Причиною прекращенія древняго порядка дѣленія на племена было съ одной стороны введеніе христіанской вѣры, сравнявшей религіозныя отличія племенъ, посредствомъ одинаковаго уничтоженія народнаго и племеннаго языческихъ богослуженій; съ другой, возникшее отсюда, (на размноженіи княжескаго рода и колонизаціи сѣверовосточнаго края основанное) развитіе вотчиннаго начала. Уже при Несторѣ имена Словенъ, Полянъ, Сѣверянъ, смѣнились названіями Новгорода, Кіева, Чернигова; по мѣрѣ размноженія новыхъ центровъ княженій (въ Ростовѣ, Смоленскѣ, Суздальѣ и т. д.), русское имя, какъ принадлежность собственно днѣпровскихъ земель, переходитъ изъ племеннаго въ территориальное; отсюда неизвѣ-

стныя Нестору выраженія его продолжателей: «Иде архиепископъ Новѣгородскыи Нифонтъ въ Русь, позванъ Изяславомъ и Климомъ митрополитомъ» (*Новг. 10, н. 1149*). «Въ тоже лѣто поиде Гюрги съ сынами съ своими, и съ Ростовци, и съ Суждалци, и съ Рязанцы, и со князи Рязаньскыи въ Русь» (*Лавр. 145, н. 1152 г.*) «Се ся уже тако створило, князь нашъ убьень, а дѣтей у него нѣту, сынокъ его въ Новѣгородѣ, а братья его въ Руси» (*тамъ же, 158, н. 1175 г.*). Название Руси все болѣе и болѣе сосредоточивается на одномъ Кіевѣ; въ концѣ XII столѣтія является для Кіева особое имя русской области: «да то ты, а то Кіевъ и Русская область» (*Ипат. 144, н. 1195*). Русскимъ именемъ отличаются кіевскіе князья отъ черниговскихъ: «И приде ту вся земля Половецкая, и вси ихъ князи, а изъ Кіева Князь Мстиславъ со всею силою, а изъ Галича князь Мстиславъ со всею силою, Володимеръ Рюриковичъ съ Чернѣговци, и вси князи Рустіи и вси князи чернѣговскіи» (*Троиц. 217, н. 1223 г.*). Русскимъ именемъ ругается Владимиръ галицкій Кіевлянину Петру Бориславичу: «Поѣха мужъ Рускый обѣймавъ вся волости» (*Ипат. 72, н. 1152 г.*) Съ перенесеніемъ въ Москву великокняжескаго стола, имя Руси, какъ областное, пропадаетъ и для Кіева. Здѣсь изумленный изслѣдователь останавливается и спрашиваетъ: что же стало съ народнымъ именемъ Русь? гдѣ оно? Его нѣтъ нигдѣ, потому что оно вездѣ, отвѣчаю словами Пфистера на вопросъ объ исчезновеніи въ средніе вѣка народнаго германскаго имени (*Gesch. d. Deutsch. I. 30*). Смоленскъ не Русь, но Смолянинъ XIII вѣка Русинъ;

Новгородъ не Русь, но Новгородецъ XIV столѣтія Русинъ. По соединеніи въ одно цѣлое всѣхъ частей государства при Іоаннахъ, собрателяхъ русской земли, русское имя, сокрытое для историка, но никогда не исчезавшее для народа, внезапно является общимъ, связующимъ наименованіемъ всѣхъ частей обновленной и окрѣпшей Россіи.

XIV.

ЛѢТОПИСЕЦЪ НЕСТОРЪ.

Норманская школа не допускаетъ сомнѣній въ непреложности Несторовыхъ извѣстій о началахъ Руси²⁸¹); но странная бы вышла исторія народовъ, основанная на сказаніяхъ о ихъ происхожденіи, первыхъ лѣтописцевъ! Не говоря уже о римской волчицѣ, я напомнимъ о Григоріѣ турскомъ, выводящемъ Франковъ изъ Трои, о Дудо, производящемъ Датчанъ отъ Грековъ. Намъ говорятъ, Несторова повѣсть отлична отъ прочихъ, какъ достоверностию и простотою разсказа, такъ и совершеннымъ отсутствіемъ чудеснаго; это правда; на мѣсто легенды у него система; но съ этою системою мы свыклись только вслѣдствіе несчастной, въ продолженіи полутораста лѣтъ повторяемой мысли о скандинавской основѣ русской исторіи. Изслѣдователю, не посвященному въ литературныя тайны варяжскаго вопроса, не вѣрится ни въ изобрѣтенную Несторомъ, небывалую варяжскую Русь, ни въ изобрѣтенную Шлецеромъ небывалую скандинавскую²⁸²).

Несторъ писалъ около двухъ съ половиною столѣтій по

основаніи государства; откуда могъ онъ узнать что достовѣрное о началахъ русской земли? Положимъ, что до него были монастырскія записки, даже краткіе хронографы (см. *Погодина, Изслѣд. I. 89*); но этѣ записки начались не прежде XI столѣтія, не прежде введенія на Русь христіанской вѣры²⁸³). Извѣстно что на сѣверѣ христіанство принялось очень медленно; первые монастыри построены въ Кіевѣ; кіевскіе монахи не знали и не заботились о новгородскихъ дѣлахъ. Для нихъ, судя по внесенной въ Несторову лѣтопись, древнѣйшей хронологической таблицѣ (*Лавр. 7, 8. срвн. прим. 1*), первымъ русскимъ княземъ, представителемъ новой династіи, былъ Олегъ. Что извѣстіе о варяжскомъ происхожденіи Руси взято Несторомъ не изъ письменныхъ, достовѣрныхъ источниковъ, видно уже изъ совершеннаго отсутствія подробностей, какъ о предшествовавшихъ призванію варяговъ сѣверныхъ происшествіяхъ, такъ и о семнадцатилѣтнемъ княженіи Рюрика²⁸⁴).

Имѣлъ ли онъ матеріальныя доказательства основанію государства варяжскою Русью? Въ его лѣтописи не находимъ и намѣка на какой нибудь, съ этимъ событіемъ неразлучный историческій памятникъ; ни одного положительнаго факта, который бы свидѣтельствовалъ о варяжской Руси, какъ на примѣръ свидѣтельствуютъ о варягахъ названія варяжскаго моря, варяжской пещеры и острова; преданіе о варягахъ - мученикахъ при Владимирѣ, о варягахъ убійцахъ Ярополка и Бориса; какъ свидѣтельствуетъ о убіеніи Аскольда и Дира извѣстіе о мѣстоположеніи ихъ могилъ близъ Кіева.

Но если Несторъ не взялъ своихъ извѣстій о варяж-

ской Руси ни изъ письменныхъ свидѣтельствъ, ни изъ живыхъ историческихъ памятниковъ, ясно что они или заняты изъ народныхъ преданій, изъ сагъ и изъ пѣсенъ, какъ напр. сказанія о Славянахъ; или основаны на исторической системѣ, имъ самимъ выведенной, вслѣдствіе соображенія извѣстныхъ историческихъ фактовъ. О норманскихъ извѣстіяхъ и сагахъ говоритъ и Погодинъ: «Варяги точно также могли рассказывать Нестору о своихъ подвигахъ и подвигахъ предковъ, какъ ихъ соотечественники рассказывали дома сочинителямъ сагъ. Норманны и саги неразлучны, и безъ всякаго сомнѣнія ихъ было у насъ много. Варяги-то наговорили ему сказокъ, извѣстныхъ также на сѣверѣ, и о колесахъ, на которыхъ Олегъ въ лодкахъ подѣхалъ къ Царюграду, и о змѣѣ, которая ужалала его по предсказанію волхвовъ, и о воробьяхъ съ голубями, которые сожгли Коростень, и другія баснословныя извѣстія, въ которыхъ есть однакожъ историческое основаніе. Несторъ спокойно помѣстилъ всѣ ихъ рассказы въ свою лѣтопись. Они - же сообщили ему извѣстія о разныхъ иныхъ племенахъ, жившихъ преимущественно (не горячій ли это слѣдъ правды, не крѣпкое ли доказательство достовѣрности?) по берегамъ морей балтійскаго и нѣмецкаго, столько имъ извѣстнымъ; они - же сообщили ему извѣстіе и о пути изъ Варягъ въ Греки, о своемъ *Auster-Wegi* и *Vestr-vegi*» (*Измѣд. I. 102, 103*). То есть, они рассказали ему все, кромѣ касающагося до ихъ скандинавскаго міра. Они рассказали ему о призваніи Руси, но не сказали что Русь и Шведы одинъ и тотъ же народъ, вслѣдствіе чего Несторъ и не знаетъ что дѣлать съ заморскою

Русью послѣ призванія; они рассказали о Рюрикѣ, но скрыли отъ Нестора его шведское происхожденіе, и кто были его родственники, и гдѣ княжили до призванія трехъ братьевъ Славянами; они рассказали и о колесахъ, и о змѣѣ, и о воробьяхъ, по поводу юго-русскихъ событій; а о Новгородѣ и семнадцатилѣтнемъ княженіи Рюрика не сказали ни слова; ни слова о норманскихъ предпріятіяхъ и подвигахъ въ Германіи, въ Англіи, во Франціи, въ Испаніи. Точно также поступали они и у себя дома; рассказывали преимущественно о колесахъ, о змѣѣ и о воробьяхъ; но что Русь тѣже Норманны, что на востокѣ отъ упландскаго берега основалось огромное скандинавское государство, коего конунги Hraegkr, Helgi, Ingwar, Svenotto (по Байеру Святославъ) и т. д. доходили завоевателями до Волги и Миклагарда, этого они не сказали, чѣмъ и объясняется молчаніе о словено - русской Нормандіи въ источникахъ сѣвера ²³⁵).

Взялъ ли Несторъ свои извѣстія о началѣ Руси изъ туземныхъ преданій? Но въ преданіяхъ Славянъ, Русь всегда отдѣляется отъ варяговъ; народъ производилъ имя Руси отъ рѣки Росъ, отъ Русса сына Лехова, отъ разсѣянія; грамотѣи, отъ Езекиилева 'Ρως или отъ русыхъ (ῥούσιος) волось ²³⁶).

Остается допустить вѣроятность существованія системы, по которой Несторъ могъ производить имя Руси отъ варяговъ.

Но былъ ли Несторъ, по образованію своему и своего времени, въ состояніи соображать историческія системы?

Норманская школа выставляетъ въ личномъ характерѣ

лѣтописца преимущественно двѣ черты: добросовѣтность и невѣжество. «На всемъ этомъ обширномъ поприщѣ», говоритъ Шлецеръ (Нест. I. мз), «Несторъ есть одинъ только настоящій, въ своемъ родѣ полный и справедливый (выключая чудесь) лѣтописатель». А въ другомъ мѣстѣ, по поводу мнимыхъ побѣдъ Святослава надъ Греками: «глупый монахъ, лгавшій такъ безразсудно, вѣрно, думалъ, что патриотъ непремѣнно долженъ лгать» (*тамъ же, III. 160*). Характеристика поверхностная и одинаково несправедливая въ порицаніи и похвалѣ.

Въ Несторѣ должно отличить двѣ индивидуальности: лѣтописца и писателя. Какъ лѣтописецъ, въ сравненіи съ первыми историками другихъ народовъ, онъ замѣчательнѣе болѣе по отсутствію неправдоподобнаго, нежели по безусловному правдолюбію. По крайней мѣрѣ, его добросовѣтность подчинена вліянію какъ національнаго, такъ и христіанскаго чувства. Если изъ греческихъ лѣтописей онъ имѣлъ, какъ думаю, въ рукахъ одинъ только переводъ Амартолова времянника, съ продолженіемъ по 963 годъ, понятно что ему остались невѣдомы лѣтописныя извѣстія Грековъ о крещеніи Руси въ 865 году и подробности о войнѣ Святослава съ Цимисхіемъ. Но онъ не могъ не знать о крещеніи Аскольда и вообще о разпространеніи христіанства на Руси до Владимира, по другимъ, не менѣе достовѣрнымъ источникамъ. На могилѣ Аскольда поставлена перковь св. Николы; русскіе епископы именовались Фотіевыми еще при Владимирѣ; при императорѣ Львѣ, Русь считалась 61 епископствомъ восточной церкви; при Игорѣ была въ Кіевѣ церковь св. Іліи, куда водили къ

присягѣ христіанскую Русь и т. д. При этихъ живыхъ, положительныхъ фактахъ, нельзя допустить въ духовенствѣ XI столѣтія невѣденія общественнаго явленія, коего они были представителями; между тѣмъ, за исключеніемъ двухъ - трехъ указаній, именно свидѣтельствующихъ о его знаніи предмета, Несторъ молчитъ о христіанствѣ до 988 года; молчатъ, безъ сомнѣнія, изъ ложно понятаго рвенія къ варяжской династіи и памяти св. Владиміра. Онъ не знаетъ о почти современныхъ ему западныхъ миссіонерахъ и мученикахъ св. Адалбергѣ, Бруно и другихъ; но рассказываетъ подробно о двухъ мученикахъ-варягахъ, пришедшихъ изъ Грекъ. Все это не ложь, но и не простодушіе, добросовѣстность. Тѣже догадки, тѣже намѣки нахожу я и у Круга по поводу исторіи Рогнѣди (*Forsch. II. 425. Anm.*); я указываю въ другомъ мѣстѣ на причины молчанія лѣтописца о малыхъ князьяхъ, о язычествѣ, о самомъ варяжскомъ поморіи. Его правдолюбіе сообразно съ идеями вѣка и нерѣдко проистекаетъ отъ недостатка послѣдовательности въ понятіяхъ; оно проявляется особенно внесеніемъ въ лѣтопись и тѣхъ фактовъ, которые явно противорѣчатъ предшествующимъ имъ положеніямъ. Мы видѣли это на дѣлѣ. Онъ знаетъ варяжскую Русь за моремъ, только въ той мѣрѣ, которая ему необходима для поддержанія системы о происхожденіи русскаго имени отъ варяговъ; но не жертвуетъ этой системѣ ни историческою истинною, ни существовавшею на Руси этническою терминологією; онъ не выводитъ ни разу Руси изъ Новгорода, чѣмъ и опровергаетъ прежде-сказанное о варяго - русскомъ населеніи сѣверныхъ городовъ. Точно также поступаетъ онъ и

въ разсказѣ о взятіи Кіева Олегомъ; отъ Кіева переносятъ онъ имя Руся на Олега и его варяговъ, а не на оборотъ. Изъ преданій и пѣсенъ заимствуетъ онъ разсказъ о побѣдоносной войнѣ Святослава съ Греками; а вслѣдъ за разсказомъ вносятъ въ лѣтопись договоръ, свидѣтельствующій о ея неудачѣ. Этими противорѣчіями мы обязаны не его честности, какъ пишетъ Погодинъ (*Измѣд.* I. 225), ибо честность противорѣчій не допускаетъ, а свойственнымъ всѣмъ первоначальнымъ историкамъ забывчивости и неумѣнію согласовать свои положенія съ извѣстными фактами.

Какъ писатель, Несторъ прежде всего ученикъ Византійцевъ и ихъ болгарскихъ учениковъ; отсюда почти совершенное въ немъ отсутствіе языческаго сказочнаго начала, такъ не кстати превозносимое Шлецеромъ, подъ вліяніемъ, всемогущимъ въ его время, энциклопедической школы. Изъ народныхъ преданій, сохранившихся въ пѣсняхъ и въ былинахъ древнихъ Славянъ, выбралъ онъ свою исторію переселенія славянскихъ племенъ, очистивъ ее предварительно отъ всѣхъ мифологическихъ легендъ и намѣковъ, связавъ ее по византійски съ библейскимъ преданіемъ о столпокрушеніи; подвигъ благочестія и разумности, которому радоваться мы не можемъ, но обличающій въ лѣтописцѣ критическую сообразительность до которой не возвысился и Титъ Ливій. Критикомъ является онъ и въ разсказѣ объ основаніи Кіева: «Ини же не свѣдуше рекоша, яко Кій есть перевозникъ былъ; у Кіева бо баше перевозъ тогда съ оной стороны Днѣпра, тѣмъ глаголаху: на перевозъ на Кіевъ. Аще бо бы перевозникъ Кій, то не бы ходилъ Царюгороду» и т. д. (*Лавр.* 4)²⁸⁷. Такой складъ ума далека

отъ первобытной наивности какого нибудь нотаріуса короля Белы, съ его: *quid plura? iter historiae teneamus*. Греческій разсказъ о поражениі Игоря онъ умѣетъ и сократить и облечь въ историческую русскую форму; умѣетъ прировнять къ Руси и самыя греческія присловія, ибо знаменитая, чисто библейская притча: («есть притѣча въ Руси и до сего дне) погибоша аки Обрѣ, ихъ же нѣсть племени, ни наслѣдка») была извѣстна Грекамъ уже за два столѣтія до Нестора; въ письмѣ къ Симеону болгарскому патріархъ Николай говоритъ объ Авахъ: «ἀλλὰ καὶ οὗτοι ἀπώλοντο, καὶ οὐδὲ λείψανον τοῦ γένους ὑφίσταται» (*Spicil. roman. X. p. II. 201*).

Несторъ былъ, стало быть, въ состояніи соображать историческія системы; на системѣ основано и его сказаніе о происхожденіи Руси.

Прежде всего слѣдуетъ дать себѣ возможный отчетъ въ тѣхъ убѣжденіяхъ и фактахъ, по которымъ лѣтописцу приходилось располагать свой разсказъ о началахъ русской земли.

Варягами, въ смыслѣ народа, Несторъ знаетъ, въ свое время, только тѣ четыре племени изъ которыхъ, около конца XI-го столѣтія, набиралась греческая варангская дружина, то-есть: Шведовъ, Норвежцевъ, Датчанъ и Англичанъ.

Но, съ одной стороны, по вѣрному, въ народной памяти сохранившемуся преданію, съ другой, по варяжскимъ особенностямъ новгородскаго быта (см. *гл. V*), ему извѣстно что, въ эпоху призванія, на берегахъ балтійскаго (варяжскаго) моря, обитало еще другое племя, отличное отъ

Шведовъ, Норвежцевъ, Датчанъ и Англичанъ; между тѣмъ, какъ они, именуемое варягами. Это варяжское племя, по словамъ лѣтописца, выселилось сполна вслѣдъ за князьями («пояша по собѣ всю Русь»), въ землю Словенъ и Чюди, въ 862 году.

Кто же были, къ какой народности принадлежали, въ убѣжденіяхъ Нестора, эти загадочные варяги?

«За кого онъ (Несторъ) принимаетъ Варяговъ - Русь, говоритъ Погодинъ (*Геден. и его сист.* 4), это имѣетъ тяжелый вѣсъ для всякаго мнѣнія о происхожденіи Варяговъ-Руси»; а затѣмъ рѣшаетъ что онъ ихъ считаетъ Норманнами и сверхъ того, что и я чувствую себя принужденнымъ согласиться съ этимъ толкованіемъ убѣжденій лѣтописца. Мнѣ кажется, я ничѣмъ не далъ повода къ подобному обвиненію ²³⁸).

Какъ въ народной жизни, такъ и въ самой лѣтописи, насъ поражаетъ совершенное, почти непонятное при многообразности сношеній древней Руси съ Скандинавіею, отсутствіе германо - скандинавскаго элемента. Лѣтописцу знавшему о норманскомъ происхожденіи князей, о поселеніи въ славянской землѣ на востокъ, цѣлаго племени Норманновъ пришельцевъ или завоевателей, о рѣзкомъ отличіи въ продолженіи около двухъ столѣтій, господствующаго норманскаго племени отъ подвластныхъ ему туземцевъ, были разумѣется извѣстны такія подробности о скандинавизмѣ князей и пришлыхъ съ ними варяговъ, коихъ опущеніе представляется безпримѣрнымъ фактомъ въ лѣтописяхъ исторической письменности, неразрѣшимою историческою загадкою. Онъ не могъ не знать о супружествѣ Ярослава

съ Ингигердою, Гаральда съ Елисаветою, о пребываніи при дворѣ Ярослава норманскихъ конунговъ Олафа и Магнуса; наконецъ, о блестящихъ завоеваніяхъ Норманновъ на западѣ. Его молчаніе, при извѣстной ему одноплеменности русскихъ князей съ Скандинавами непонятно. Непонятно съ другой стороны, какимъ образомъ, въ обнимаемомъ начальною лѣтописью періодѣ двухъ съ половиною столѣтій, Русь противопоставляется въ ней Словенамъ только одинъ разъ (въ исторіи о парусахъ), Русинъ Словенину ни одного. Еще долго по завоеваніи Галліи Франками, Англіи Норманнами, слышатся въ лѣтописяхъ выраженія: такой то родомъ Франкъ, Норманнъ; такой то родомъ Галло - Римлянинъ, Саксъ. Такъ у Фредегара: «Anno IV regni TheudERICI Colenus genere Francus patricius ordinatur». «Ricomeres Romanus genere». «Ergo dux genere Francus». «Majordomus Claudius genere Romanus» (*Fredeg. Sch. Chron. cc. XVIII, XIX, XLIII, XXVIII*). Я уже не говорю о законномъ отличіи между побѣдителями и побѣжденными, на пр. въ визиготскихъ законахъ: «De divisione terrarum facta inter Gothum et Romanum, de silvis inter Gothum et Romanum indivisis relictis, ne post quinquaginta annos sortes Gothicae vel Romanae amplius repetantur» (*Canciani leg. antiq. Barbar, IV. 175—177*). Для Нестора (въ понятіяхъ норманской школы) Рогволодъ, Туръ, Асмудъ, Свенгельдъ, Претичъ, Блудъ и т. д. были варяги - Шведы - Русины; возможно ли чтобы онъ ни одного изъ нихъ не отличилъ, по роду и по народности, отъ туземцевъ? Умѣетъ же онъ назвать Митрополита Иларіона Русиномъ, въ противоположность предшествовавшимъ ему митрополитамъ изъ

Грековъ! Гдѣ же тутъ (по крайней мѣрѣ въ убѣжденіяхъ лѣтописца) два народа, Шведы и Славяне, такъ удачно отысканные Норманнистами?

За исключеніемъ первыхъ строкъ лѣтописи, въ которыхъ излагается воззрѣніе самаго Нестора на начала русской земли, онъ никогда и нигдѣ не отдѣляетъ Руся отъ туземцевъ, въ смыслѣ этнографическомъ; за то, какъ известно, положительно отличаетъ свою варяжскую Русь отъ остальныхъ четырехъ варяжскихъ (чисто-норманскихъ) народностей. Говорятъ онъ въ свое время уже не зналъ что Русь и Шведы одно и то же (*Thunmann, Östl. v. 378. — сгг. Krug. Forsch. I. 205. Anm. **); положимъ; но онъ зналъ по крайней мѣрѣ что Русь Скандинавы, Нѣмцы? А въ такомъ случаѣ имя Руси должно же хотя въ одномъ мѣстѣ лѣтописи, хотя въ первые годы Олега и Игоря, представить это значеніе. Онъ пишетъ: «а Ольга водиша и мужій его на роту; по Русскому закону кляшася оружьемъ своимъ, и Перуномъ богомъ своимъ, и Волосомъ скотынимъ богомъ, и утвердиша миръ» (*Лавр. 13*). По норманскому ли закону клянутся Олегъ и Шведы его Перуномъ и Волосомъ? «Сѣде Олегъ княжа въ Кіевѣ, и рече Олегъ: се буди мати градомъ Рускимъ» (*тамъ же, 10*). Неужели норманскимъ? «Мы же рцемъ къ ней (Ольгѣ): радуйся, Руское познанье къ Богу» (*тамъ же, 29*). Норманское познаніе? «а словѣнскъ языкъ и Рускій одинъ» (*тамъ же, 12*). Словенскій и шведскій?

Для лѣтописца знавшаго Шведовъ и вообще Норманновъ de visu, вполне сознававшаго ихъ отличіе отъ Славянъ по народности и по языку, эти выраженія, если допустить

что Несторъ считалъ своихъ варяговъ-Русь Скандинавами, рѣшительно непонятны.

Намъ скажутъ: лѣтописецъ молчитъ какъ о норманскомъ, такъ и о славянскомъ происхожденіи Руси. Справедливо; но въ славянской гипотезѣ, этому молчанію найти объясненіе не трудно. Скандинавовъ Несторъ видѣлъ лицомъ къ лицу; славянскихъ варяговъ онъ не зналъ; для нихъ уже сто лѣтъ какъ прекратилось и самое варяжское имя; русскаго они никогда не носили. Что и Несторъ, и его современники, и русскіе князья знали вообще о западномъ происхожденіи, изъ варяжскаго поморія, Рюрика и братьевъ его, несомнѣнно; собственно о племени изъ котораго они вышли уже никто не помнилъ; племенные названія Оботритовъ, Вагировъ, Руянъ и пр. поглощались для нихъ общимъ наименованіемъ варяговъ²⁸⁹). Съ принятіемъ христіанства, должна была порваться связь съ языческимъ поморіемъ; вѣроятно и сами язычники требовали этого разрыва, если судить по примѣру ихъ отношеній къ тѣмъ изъ близкихъ къ нимъ славянскихъ племенъ, которыя подчинялись вліянію западныхъ миссіонеровъ. Язычники Руяне, узнавъ о принятіи Штетеничами христіанской вѣры, отшатнулись отъ нихъ совершенно: «interea Rutheni comperta fide et conversione Stetinsensium, et quia in Christianitate penitus roborati sunt, a societate illorum se auertunt, commercia omnia mutuaque negotia institorum ex indignatione abrumptentes, quasi alterius iam fidei populo communicare in talibus non deberent» (*hist. anon. de v. S. Otton. in Script. rer. ep. Bamberg. I. 720*). Какимъ же изъ славянскихъ народныхъ именъ могъ Несторъ назвать свою варяжскую

Русь? а при предполагаемомъ имъ тождествѣ нарѣчій, могъ ли онъ отличать варяговъ-Русь отъ Словенъ по языку?

Я тѣмъ не менѣе убѣжденъ что лѣтописецъ зналъ о происхожденіи варяжскихъ князей болѣе того что онъ говоритъ. Въ этомъ ручается дошедшее до насъ, по другимъ источникамъ, преданіе о Гостомыслѣ, о выходѣ Рюрика изъ прусскихъ земель варяжскаго поморія и т. д. Несторъ имѣлъ основательныя причины къ молчанію. Его время было блестящею эпохою вендскаго язычества; и въ отношеніи къ князьямъ, и въ отношеніи къ народу, еще сильно державшемуся своихъ прежнихъ, до-христіанскихъ вѣрованій, было неловко напоминать о родствѣ благовѣрной династіи русскихъ князей, съ языческими еще потомками Святовита и Радогостя²⁴⁰). Съ другой стороны для Нестора, балтійскіе Славяне были тѣже Ляхи; онъ понимаетъ ихъ (конечно ошибочно, какъ и Кадлубекъ) подъ названіемъ двухъ ляхскихъ племенъ, Лутичей и Поморянъ; но могъ ли онъ назвать своихъ князей Ляхами? Потомки Рюрика (уже сами по себѣ, какъ Поморяне, враждебные Ляхамъ) наслѣдовали народную ненависть бывшую между Русью и Польшею; эту ненависть поддерживали непрерывныя войны между обоими народами; русскіе князья говорили въ знакъ пренебреженія: «мы есме не Угре, ни Ляхове» (*Ипат. 146*).

Кромѣ сказаннаго, убѣжденіе Нестора въ славянскомъ происхожденіи князей, проглядываетъ и въ формахъ и духѣ его разсказа объ основаніи государства, о первыхъ дѣйствіяхъ на Руси, новой династіи. Что варяги имѣвшіе дань на Словенахъ и изгнанные въ 859 году, были Скандинавы; что Скандинавами ихъ считалъ и самъ Несторъ, болѣе чѣмъ

вѣроятно; между ними и призванными не существовало, въ его мысли, другой связи кромѣ общности имени. Въ самомъ дѣлѣ, такъ называемая варяжская Русь лѣтописца, не только не представляется ему враждебною, по дѣйствию и происхожденію, Словенамъ народностию; но онъ еще видимо признаетъ за нею какое-то законное право обладанія, не одними призывавшими племенами, но и всею русскою землею вообще. На право указываютъ, сохранившіяся въ одномъ изъ позднѣйшихъ списковъ лѣтописи, слова Аскольда и Дира Кіевлянамъ: «и мы есме князи Варяжскіе» (*Арх. сп. у Шлеи. Нест. II. 12*). Будь варяги Норманны, Аскольдова мысль выразится словами: «и мы тоже норманскіе конунги». На право указываютъ и слова Олега: «вы нѣста князя, ни роду княжа, но азъ есмь роду княжа и се есть сынъ Рюриковъ». Эти слова не возможны, если родъ варяжскихъ князей не имѣлъ особаго права на покорность и уваженіе всѣхъ славянскихъ племенъ. «Вы нѣста князи» отвѣтъ на Аскольдово «и мы есме князи». Олегъ обличаетъ ихъ обманъ передъ Кіевлянами, принявшими ихъ только въ качествѣ старшихъ, варяжскихъ князей; а старшими, законными князьями для Кіевлянъ не могли быть норманскіе конунги. Побѣдивъ Сѣверянъ, Олегъ «взложи нань дань легьку, и не дасть имъ Козаромъ дани платити, рекъ: азъ имъ противень, а вамъ нечему» (*Лавр. 10*). Шлецеръ (*Нест. II. 273*) переводитъ ошибочно: «я противъ Хозаръ, почему вы не должны имъ ничего платити». Слова Олега значатъ: «я врагъ Хазарамъ, а съ вами враждовать мнѣ не за чѣмъ»²⁴¹). Эти слова не норманскаго конунга, которому было равно обладать Хазарами или Славянами,

а славянскаго, уже русскаго князя, ибо Сѣверяне входили въ составъ шести словено-русскихъ племенъ. Я не смотрю на разсказъ Нестора и его дополнителей какъ на выраженіе дѣйствительныхъ историческихъ фактовъ; никто изъ нихъ не слыхалъ Аскольдовыхъ словъ Кіевлянамъ, Олеговыхъ Аскольду и Сѣверянамъ; но форма разсказа и образъ изложенія дѣйствій первыхъ варяжскихъ князей, свидѣтельствуя о ихъ законности на Руси, свидѣлствуютъ въ то же время объ убѣжденіи лѣтописца и его современниковъ въ славянскомъ происхожденіи этихъ князей.

Впрочемъ Шлецеръ справедливо замѣтилъ что извѣстіе объ основаніи государства дошло до Нестора, только въ неопредѣленномъ, смутномъ преданіи. Ни князья, ни онъ самъ не знали ничего положительнаго о проишествіяхъ IX вѣка, о землѣ изъ которой вышли призванные варяги, объ имени которымъ отличались до призванія и т. п. Коренныя убѣжденія Нестора ограничиваются, если не ошибаюсь, слѣдующими положеніями:

1) варяжская династія не туземная, но призванная откуда-то, изъ варяжскаго поморія.

2) Она не шведская, не германская, не финская, не хазарская.

3) за исключеніемъ заморской родины, она не отличается ничѣмъ другимъ (или отличается весьма мало) отъ словено-русскаго племени.

Таковы положенія съ которыми приходилось лѣтописцу приступить къ выполненію даннаго имъ обѣта показать «откуда есть пошла Руская земля».

Несторъ былъ ученикъ Византійцевъ; для него грече-

скіе хронографы, хронографъ Георгія Амартола, были ученою святѣйшею; они казались и не могли не казаться ему всевѣдущими. Не зная ничего исторически положительнаго о происхожденіи Руси, пренебрегая народными преданіями, тѣсно связанными съ языческими, онъ отыскиваетъ у Грековъ начало русскаго имени и не встрѣчая его до 865 года т. е. до перваго похода Руси на Царьградъ, пишетъ: «Въ лѣто 6360, индикта 15, наченію Михаилу царствовати, нача ся прозывати Руска земля. О семъ бо увѣдахомъ, яко при семъ цари приходиша Русь на Царьгородъ, якоже пишется въ лѣтописаньи гречьстѣмъ; тѣмже отселѣ почнемъ и числа положимъ» (*Лавр.* 7). Этого мѣста, краеугольнаго камня Несторовой системы, никто, на сколько мнѣ кажется, еще не передалъ въ его положительномъ, для меня до очевидности ясномъ значеніи. Шлецеръ переводитъ: «Въ лѣто 852, индикта 15, при началѣ царствованія Михаила, началось имя русской земли. Ибо намъ извѣстно, что при семъ царѣ Руссы пришли къ Константинополю, какъ написано въ греческомъ времяяникѣ» (*Нест. Шлец. I. 255*). Погодинъ: «Первый слухъ объ русской землѣ въ началѣ царствованія Михаила; мы узнали объ этомъ, потому что Русь при этомъ царѣ приходила на Царьградъ, какъ написано въ лѣтописяхъ греческихъ» (*Изсмд. I. 244*). Кругъ: «Im Jahre 6360, im 15 Indikt. Da Michael angefangen hatte zu regieren, fing sich der Beiname des Russischen Landes an. Denn wir sind davon berichtet, wie unter diesem Tsar Russen vor Konstantinopel gekommen sind, wie auch geschrieben stehet in der Griechischen Chronik» (*Forsch. I. 159*). Г. Куникъ: «Nachdem in der 15

Indiction i. J. 6360 (= 852) Michael zu regieren angefangen hatte, begann das russische Land genannt zu werden. Denn wir haben davon Kunde empfangen, dass unter diesem Zaren Russen gegen Konstantinopel gezogen sind, wie nämlich in einem griechischen Jahrbuche geschrieben wird» (*Замѣч. къ Отр. Гедеем. 123*). Во всѣхъ этихъ переводахъ и передѣлкахъ, выраженіе «о семъ» (о семъ бо увѣдахомъ) приводится въ неправильную связь съ послѣдующимъ яко (яко при семъ цари), принимаемымъ въ смыслѣ нарѣчія что, какъ (dass, wie). Взятое въ этомъ значеніи, нарѣчіе яко плохо вяжется съ союзомъ бо (о семъ бо увѣдахомъ), да и весь оборотъ вообще дѣлается непонятнымъ. По крайней мѣрѣ я не нахожу логической послѣдовательности въ словахъ: «русское имя началось при Михайлѣ. Ибо намъ извѣстно что при немъ Русь приходили на Царьградъ». Мнѣ кажется слово яко имѣеть здѣсь значеніе понеже, потому что, такъ какъ. «Не воскреснуть нечестивіи на судъ ниже грѣшницы въ совѣтъ праведныхъ: яко (ὅτι, quoniam) вѣсть Господь путь праведныхъ, и путь нечестивыхъ погибнетъ» (*Псал. I. 5, 6*)²⁴⁹). Смыслъ Несторовыхъ словъ: «Въ царствованіе Михаила, земля наша начала прозываться Русью; мы же (бо) узнали (догадались) объ этомъ (т. е. о томъ что при Михайлѣ русская земля стала именоваться Русью), потому что (яко) при этомъ царѣ Русь приходили (въ первый разъ) на Царьградъ, какъ сказано въ греческомъ времяникѣ» или другими словами: «потому что при этомъ царѣ греческая лѣтопись упоминаетъ о Руси впервые по случаю похода на Царьградъ». Я заключаю: 1) при самомъ вступленіи въ исторію Руси, Несторъ чисто-

сердечно объявляетъ о системѣ ея происхожденія, основанной не на фактахъ, а на предположеніи; 2) предположеніе Нестора о началѣ русскаго имени въ девятомъ столѣтіи основано, по собственному его сознанию, на первомъ поминѣ о Руси у византійскаго лѣтописателя, не знавшаго и не говорящаго ни слова о ея происхожденіи.

Въ самомъ дѣлѣ византійскіе лѣтописцы узнаютъ Русь только въ слѣдствіе похода 865 года; какимъ бы хронографомъ ни пользовался Несторъ (а по всѣмъ вѣроятностямъ ему былъ извѣстенъ только одинъ Георгій Амартолъ), онъ находилъ въ немъ и описаніе похода, и сказаніе о Руси, какъ о новомъ, дотолѣ неизвѣстномъ народѣ.

Принимая точкою отпавленія русской исторіи первый поминъ о Руси въ византійскихъ хронографахъ, онъ дѣйствовалъ, какъ нѣсколько дѣсятковъ лѣтъ тому назадъ, тѣ европейскіе ученые которые не допускали присутствія въ Европѣ славянскаго племени до VI вѣка, потому что имя Славянъ встрѣчается впервые у Прокопія и у Иорнанда. Эти ученые разсуждали: если бы Славяне жили въ Европѣ до V или VI столѣтія, о нихъ безъ сомнѣнія было бы упомянуто у греческихъ и латинскихъ писателей. Несторъ, для кого вся классическая литература сосредоточивалась въ Георгіѣ Амартолѣ, говоритъ: еслибы имя Руси для Славянъ существовало до половины IX вѣка, Георгій Амартолъ непременно упомянулъ бы о немъ до 865 года²⁴³). Не то ли самое и съ одинаковою силою логики повторяютъ и тѣ изслѣдователи, которые не находя имени Русь у Теофана и Ал-Фергани, заключаютъ отсюда о невозможности существованія славянской Руси, до эпохи призванія Варяговъ?

Но если до 862—865 года имя Руси у насъ не существовало, откуда, по соображеніямъ Нестора, явилось оно? Къѣмъ занесено?

Нестору достовѣрно извѣстно, около тѣхъ же 862—865 годовъ, призваніе и водвореніе на Руси варяжскихъ князей. Годъ пришествія Рюрика онъ могъ приблизительно расчитать уже по соображенію съ извѣстнымъ, всѣми византійцами засвидѣтельствованнымъ походомъ его сына, Игоря Рюриковича, въ 941 году. Онъ естественно приводитъ фактъ призванія въ соединеніе съ началомъ русскаго имени, опредѣленнымъ по его мнѣнію, первымъ поминкомъ о Руси въ греческомъ хронографѣ. Въ самомъ дѣлѣ имя Руси является у Византійцевъ впервые въ царствованіе Михаила; къ тому-же времени относится начало варяжской династіи. Не должна ли прійти ему въ голову мысль объ историчеекой связи этихъ двухъ, современныхъ фактовъ? Историкъ нашей эпохи не рассудилъ бы иначе. Съ другой стороны, не естественно ли въ лѣтописцѣ XI столѣтія побужденіе отнести честь прозванія Руси къ первому князю владѣющаго рода? Не будь имя Рюрика такъ народно и такъ положительно знакомо самому Нестору²⁴⁴), онъ назвалъ бы его Русомъ, какъ называли Чехи и Ляхи мнимаго прародителя русскаго народа, и какъ лѣтописецъ XVI вѣка готовъ прозвать самаго Рюрика: «Но мню, яко паче всѣхъ сихъ достовѣрнѣйши се есть, еже преподобный отецъ нашъ Несторъ, лѣтописца Рускій, глаголетъ, яко отъ вожа, си есть князя своего Рурика, сіе имя пріять Русь: понеже въ оная времена отъ вожовъ своихъ славныхъ

и храбрыхъ народы и языки обыкошася именовати, якоже Ляхи отъ Леха, Чехи отъ Чеха и проч.» (*густинск. л. 236*)²⁴⁵).

На систему Нестора о происхожденіи русскаго имени отъ варягъ въ IX вѣкѣ, могло имѣть вліяніе и другое обстоятельство. Языческая Русь поклонялась святымъ рѣкамъ; преданіе о рѣкѣ «глаголемой Росѣ» (*густ. л. тамъ же*), какъ прародительницѣ народа, уцѣлѣло еще въ XVII вѣкѣ; при Несторѣ оно вѣроятно еще жило въ обрядахъ и пѣсняхъ повсюду празднуемыхъ русалій. Благочестивый монахъ не могъ терпѣть для имени своего народа, этимологіи пригвоздившей его на вѣки къ языческому идолу; онъ искалъ этому имени объясненія на пути историческихъ соображеній.

При всемъ томъ, производствомъ отъ варяговъ имени Русь, вопросъ еще окончательно рѣшенъ не былъ; какъ большая часть новѣйшихъ изслѣдователей, такъ и Несторъ понималъ что безъ положительнаго, спеціальнаго тому объясненія, здравый смыслъ не можетъ помириться съ исчезновеніемъ, тотчасъ послѣ призванія, варяжской Руси изъ ея первобытной, приморской отчизны. Отсюда, въ наше время, это множество германо - скандинавскихъ Русей (или лучше сказать ихъ туманныхъ призраковъ) у Фатера, Буткова, Гольманна, Крузе, гг. Куника, Бруна и другихъ; отсюда и придуманная Несторомъ героическая раздѣлка съ русскимъ Гордіевымъ узломъ: «попяша по собѣ всю Русь». Этою, конечно не слишкомъ хитрою уловкою устранялась возможность нескромныхъ вопросовъ о небывалой заморской Руси; на сколько, между тѣмъ, лѣтописецъ

крѣпко и послѣдовательно держался примышленной имъ гипотезы, видно изъ словъ: «Сиче бо ся зваху тѣя Варязи Русь, яко се друзіи зовутся Свое, друзіи же Урмяне» и пр. О существовавшихъ въ его время варягахъ Шведахъ, Норвежцахъ, Датчанахъ, Англичанахъ, онъ говоритъ въ настоящемъ наклоненіи: зовутся. О выморенныхъ имъ со дня призванія, варягахъ - Руси, въ прошедшемъ: звахуся²⁴⁶).

Какъ видно, система Нестора не имѣетъ ничего глубокаго, основнаго. Она не касается вопроса о словенорусской народности, но вертится единственно на задуманномъ имъ объясненіи имени Русь отъ варяговъ. Ея коренныя положенія: 1) «А Словѣнескъ языкъ и Рускый одинъ, отъ Варягъ бо прозвашася Русью, а первѣе бѣша Словѣне». Словенскій языкъ и русскій языкъ; словенскій народъ и русскій народъ — одинъ языкъ и одинъ народъ; различіе только въ названіяхъ; 2) «Сиче бо ся зваху тѣя Варязи Русь, яко се друзіи зовутся Свое, друзіи же Урмяне, Англыяне, друзіи Гѣте; тако и ся». Русь не Шведы, не Норвежцы, не Англичане, не Датчане; сходство только въ общемъ наименованіи варягами. Если бы между своими варягами-Русью и Словенами, при отличіи въ названіяхъ, лѣтописецъ предполагалъ отличіе германской народности отъ славянской, шведскаго языка отъ словенскаго, онъ сказалъ бы: «а Словѣнескъ языкъ и Рускый нынѣ одинъ», какъ въ другомъ мѣстѣ, гдѣ дѣло идетъ только объ имени, онъ говоритъ: «Поляне, яже нынѣ зовомая Русь». Но онъ заботится объ одномъ только прозваніи; его систе-

на далѣе не идетъ: «въ лѣто 6360 — нача ся прозывать Руска земля». «Отъ тѣхъ прозвася Руская земля, Новугородьци». «Поляне, яже нынѣ зовомая Русь». «Отъ Варягъ бо прозвашася Русью». И Шлецеръ замѣтилъ, что лѣтопись повторяетъ эти положенія, «какъ будто боясь что се не поймутъ» (*Нест. Шлеи. I. 342*). Несторъ этого въ самомъ дѣлѣ боялся.

XV.

Ῥῶς У ПАТРИАРХА ФОТІЯ.

Въ продолженіи многихъ годовъ, отъ Байера почти до нашихъ дней, извѣстіе патріарха Фотія о Руси 865 года, считалось первымъ поминомъ Грековъ о неизвѣстномъ имъ до той поры народѣ Русь. Съ этимъ воззрѣніемъ согласовалось и дошедшее до насъ въ бертинскихъ лѣтописяхъ сказаніе императора Теофила о Руси 839 года. Въ послѣднее время явилось новое мнѣніе, будто бы въ своемъ окружномъ посланіи и проповѣдяхъ, Фотій ясно выразилъ какъ свое убѣжденіе въ Норманствѣ народа Ῥῶς, такъ и давнее знакомство Грековъ съ этимъ народомъ (*Krug, Bull. sc. IV. 144. — Forsch. II. 356. — Kunik, Beruf. II. 372 ff.*). Это мнѣніе основано на слѣдующихъ доводахъ:

1) Одна изъ XIV проповѣдей или гомилій Фотія, произнесенная по случаю нападенія Руси на Царьградъ въ 865 году, начинается словами: «Τί τοῦτο; τίς ἡ χαλεπή αὐτή καί βαρεῖα πληγή καί ὀργή; πόθεν ἡμῖν ὁ ὑπερβόρειος οὗτος καί φοβερός ἐπέσκηψε κεράυνος»; (*Nauk. Lexic. Vindob. 201 — 215*). «Если взять здѣсь слово ὑπερβόρειος въ его

первобытномъ значеніи, замѣчаетъ г. Куникъ, Фотій указываетъ на высшій сѣверъ, куда Греки полагали Скандинавію».

2) Въ своемъ окружномъ письмѣ 866 года (*Photii epist. Londini 1651. 47 — 61*), Фотій называетъ Русь народомъ παρά πολλοῖς πολλὰκις δουλοῦμενον. «Какому другому европейскому народу того времени, говоритъ Кругъ (*Forsch. II. 356*) можно примѣнить эти слова, кромѣ Норманновъ, о которыхъ уже Ардевальдъ (жившій монахомъ въ Флери на Луарѣ, въ концѣ IX вѣка: *Bouq. VII. 359*) сказалъ: Nortmanni gens Aquilonalis, nostro generi plus aequa praecognita, non jam piraticam exercendo, sed libere terras nullo resistente pervadendo — и которые такъ прославились именно въ послѣднія десятилѣтія IX вѣка?» — «Кто же эти многіе, которымъ до половины IX столѣтія Русь давала себя часто узнать какъ воинственный, кровавый народъ? Разумѣется, подъ этими многими должно преимущественно понимать такіе народы, съ которыми Греки были въ частыхъ сношеніяхъ, напр. Италіанцевъ, испанскихъ Мавровъ и Франковъ» (*Kunik, Beruf. II. 373*).

3) Патриархъ говоритъ о Руси: «postquam vicinos in circuitu sub jugum miserunt (τοὺς περίξ αὐτῶν δουλοῦσάμενοι)». — Выборъ предоставляется между Ирландією, Шотландією, Англією, Шетландією и Фрисландією съ одной, между Славянами и Финнами съ другой стороны (*ibid. 376*).

Противъ значенія, будто бы указывающаго на Скандинавію, выраженія ὑπερβόρειος, я замѣчу что ни древніе, ни новѣйшіе Греки не обозначали имъ исключительно тотъ или другой сѣверный народъ. Геродотъ искалъ своихъ Гипер-

бореевъ въ Скиѣи, на сѣверъ отъ Чернаго моря (IV. 32); Константинъ Манассій называетъ Аваровъ обитавшихъ на Дунаѣ *προσαρκτίοι Σχύσαι* (ed. Bonn. 151. v. 3524); тоже выраженіе употребляетъ Кедринъ о Шведахъ: «τὰ ἔθνη κατοικοῦντα ἐν ταῖς προσαρκτίοις τοῦ Ὀκεανοῦ νήσοις» (ed. Bonn. II. 551). Левъ Діаконъ употребляетъ слово *ὑπερβόρειος* о Котрагахъ населявшихъ земли между Дономъ и Волгою: «λέγεται γὰρ Μυσοὺς ἀποίκους τῶν ὑπερβορέων Κотραγῶν, Χαζάρων τε καὶ Χουμάνων ὄντας τῶν εἰκειῶν μεταστῆναι ἤθῳ» (L. Diac. ed. Bonn. 103). Если Котраги, Хазары и Половцы были для Грековъ гиперборейями, удивительно ли что и Русь причислены Фотіемъ къ гиперборейскимъ народамъ?

Недостатокъ втораго доказательства заключается во первыхъ: въ неправильномъ толкованіи причастія *ἔρυλλομένου*; во вторыхъ: въ произвольномъ дополненіи слова *πολλοῖς*, будто бы подразумѣваемымъ у Фотія выраженіемъ *ἔθνεσι*. «*ἔρυλλεῖσθαι* dicitur res Vulgo jactari, Rumore vulgi celebrari, Divulgari: Sic ὑπὸ πολλῶν *ἔρυλλεῖσθαι* et ὑπὸ πάντων Multorum sermonibus s. omnium divulgari» (Thes. Gr. I. ed. Didot. IV. 429). Такъ и у Плутарха: «ταῦτα ὑπὸ πλείονων τε *ἔρυλληται*»; у Страбона: «Καὶ τοῦτο δὲ τῶν *ἔρυλλομένων* ἐστίν, ὅτι πάντες Κέλται φιλένειχοι τε εἰσὶ» (ed. Basil. 1571. p. 214). Здѣсь рѣчь идетъ стало-быть о народной молвѣ, а не о той положительной извѣстности какую Норманны могли стяжать у Франковъ, Мавровъ и т. д. Весьма понятно, что въ 866 году Греки, еще не опомнившіеся отъ ужаса, много и часто говорили между собою о неизвѣстномъ дотолѣ народѣ *Ῥῶς*, явившимся, какъ

молнія съ сѣвера, подъ стѣнами Царьграда. Смысль Фотіевыхъ словъ, если только не искажать его въ угодность невозможной системѣ, совершенно ясенъ и простъ: «не только Болгары. . . но и такъ называемые Русь, о которыхъ такъ много и часто говорится (въ народѣ). . . приняли вѣру христову» и т. д. Что онъ говоритъ о происшествіи всеизвѣстномъ и еще свѣжемъ въ памяти восточнаго христіанскаго міра, доказываетъ выраженіе τὸ μέγα τόλμημα, какъ достаточно обозначающее осаду Царьграда русскими кораблями.

Наконецъ, не проще ли отнести выраженіе τῶν περίξ αὐτῶν δουλωσάμενοι къ одолженію Аскольдомъ Древлянъ, Полочанъ, Уличей, Печенѣговъ и пр., нежели къ неизвѣстнымъ на востокъ норманскимъ опустошеніямъ Германіи, Англіи, Франціи, Испаніи и т. д.? Вникая въ общій смыслъ окружнаго посланія 866 года и цѣли съ которою въ немъ приводится извѣстіе о крещеніи Руси, очевидно что патріархъ ищетъ, съ одной стороны, представить народъ 'Рѡ; по возможности кровожаднымъ и необузданнымъ до крещенія; съ другой, придать ему возможную степень значительности, чтобы тѣмъ болѣе возвысить цѣну новаго пріобрѣтенія восточной церкви. Но допустивъ что въ Руси 865 года Фотій видѣлъ Норманновъ, ужасъ западной Европы и латинской церкви, могъ ли онъ довольствоваться словами τῶν περίξ αὐτῶν, приличными для обозначенія безименныхъ варварскихъ народностей, но конечно не для указанія на покоренныя Норманнами европейскія государства и не намекнуть ни словомъ на бесполезность усилій западнаго духовенства къ ихъ обращенію въ христіанскую

вѣру? Въ продолженіи многихъ годовъ Римъ и Византія спорили о причисленіи новообращенныхъ Болгаръ къ западному или восточному патріархату; а о побѣдѣ одержанной греческою церковью надъ латинскою, по крещенію Норманновъ, Фотій не упомянулъ бы и намѣкомъ въ посланіи имѣвшемъ цѣлью ниспроверженіе папской власти?

Настоящую характеристику Руси 865 года должно искать, не въ энцикликѣ писанной подъ влияніемъ извѣстныхъ политическихъ побужденій, а въ проповѣдяхъ патріарха, произнесенныхъ немедленно послѣ удаленія варваровъ изъ подъ стѣнъ Царьграда. Здѣсь (*hom. I. 209. — II. 218, 219*) Русь является народомъ скиѣскимъ, безчисленнымъ (ἔθνος ἀναρίθμητον), рабствующимъ (ἐν ἀνδραπόδοις ταπτόμενον; безъ сомнѣнія намѣкъ на хазарскую дань; срвн. р. 210: στρατὸς . . . δουλικῶς ἐνεσχευασμένος), неизвѣстнымъ (ἄγνωστον), живущимъ гдѣ-то вдали отъ Грековъ (πύρρω που τῆς ἡμῶν ἀποχισμένον), степнымъ или кочевымъ (νομαδικόν)²⁴⁷). Это характеристика не скандинавскаго племени.

XVI.

ΔΡΟΜΙΤΑΙ ΚΑΙ ΦΡΑΓΓΟΝ.

Изъ известныхъ до сихъ поръ византийскихъ историковъ только три упоминають, подъ тѣмъ же 941 годомъ, о названіи Руси Дромитами и ихъ происхожденіи отъ Франковъ.

a) Theophan. Contin. ed. Bonn. 423 — 425: Δεκάτης καὶ τετάρτης ἰνδικτιῶνος, Ἰουνίῳ δὲ μηνὶ ἑνδεκάτῃ, κατέπλευσαν οἱ Ῥῶς κατὰ Κωνσταντινουπόλεως μετὰ πλοίων χιλιάδων δέκα, οἱ καὶ Δρομίται λεγόμενοι, οἱ ἐκ γένους τῶν Φράγγων καθίστανται».

b) Georg. Hamart. Cod. graec. Vatican. № 153. p. 219²⁴⁸): «Ἰουνίῳ δὲ μηνὶ ἑνδεκάτῃ τοῦ μηνὸς ἰδ' ἰνδικτιῶνος, κατέπλευσαν οἱ Ῥῶς κατὰ Κωνσταντινουπόλεως μετὰ πλοίων χιλιάδων δέκα, οἱ καὶ Δρομίται λεγόμενοι, οἱ ἐκ γένους τῶν Φράγγων καθίστανται».

c) Symeon Magister ed. Bonn. 746: «Τῷ ἐνιαυτῷ ἐκείνῳ κατέπλευσαν οἱ Ῥῶς οἱ καὶ Δρομίται λεγόμενοι, οἱ ἐκ γένους τῶν Φράγγων ὄντες, κατὰ τῆς Κωνσταντινουπόλεως, μετὰ πλοίων χιλιάδες δέκα».

Сомнѣнія г. Куника (*Beruf. II. 409 — 415. — ap. Krug, Forsch. II. 785—807*) на счетъ подлинности С. Логовета, которому онъ прилагаетъ названіе *Pseudometaphrastes*, переносятъ его свидѣтельство изъ X-въ XI столѣтіе; остаются, тождественные въ этомъ мѣстѣ, продолжатели Теофана и Амартола, оба современники Игоря. Который изъ нихъ списывалъ другаго? Не взято ли ихъ извѣстіе изъ одного общаго, древнѣйшаго источника? Послѣднее мнѣ кажется вѣроятнѣе.

Изъ словъ продолжателя Теофана и Логовета, представителя норманскаго мнѣнія заключаютъ что въ X столѣтіи, Греки знали о происхожденіи Норманновъ-Руси отъ Франковъ т. е. народовъ германскаго языка²⁴⁹).

Но какимъ путемъ напали они на это этнографическое извѣстіе? Въ слѣдствіе ли собственныхъ лингвистическихъ и иныхъ наблюденій?

Эверсъ (*Vorarb. 143*) замѣтилъ справедливо, что общій характеръ византійскихъ историковъ той эпохи, не допускаетъ ни въ комъ изъ нихъ особаго умѣнія отличать варварскія народности по признакамъ ихъ родственныхъ отношеній. О продолжателѣ Теофана можно сказать это съ полною увѣренностію; если, съ одной стороны, онъ знаетъ о франкскомъ происхожденіи Руси, то, съ другой, причисляетъ Русь къ скиѣскимъ народамъ: «ἔθνος δὲ οὗτος Σκυθικὸν ἀνήμερόν τε καὶ ἄγροικον» (*Theophan. Contin. ed. Bonn. 196*). Что изъ этихъ понятій одно исключаетъ другое, не требуетъ доказательствъ.

Принять ли саксинавскій источникъ греческаго извѣстія?

Ученый Франкъ IX или X вѣка могъ бы конечно похваляться происхожденіемъ отъ Норманновъ, на основаніи приводимаго Горнандомъ, равенскимъ географомъ, Павломъ Діакономъ, Рабаномъ Мавромъ и другими, ученаго мнѣнія о выселеніи изъ Скандинавіи всѣхъ народовъ германской крови; непонятно, какимъ образомъ изъ тѣхъ же свидѣтельствъ ²⁵⁰) можно заключать о франкскомъ происхожденіи Норманновъ: «Dasselbe aber, was hier Symeon und der Fortsetzer des Theophanes von der Abstammung oder Verwandtschaft der Russen melden, sagen Einhards Zeitgenossen, der Abt Ermoldus Nigellus (834) und der Erzbischof von Mainz Rhabanus Maurus († 856) schon (s. oben. S. 14) von den Normannen, nämlich dass sie ein Volk fränkischer Abkunft seien» (*Krug, Forsch. I. 205, 206*). Они говорятъ именно противное. Норманны никогда не называли себя и не были называемы отъ рода Франковъ ²⁵¹).

Извѣстіе продолжателей и Логоета основано не на собственномъ ихъ наблюденіи, не на норманскомъ источникѣ, а на недоразумѣніи, коего ключъ находимъ въ болгарскомъ и русскихъ временникахъ, повѣтствующихъ о походѣ 941 года.

«Іуния же мѣсяца 18 день, 14 индикта, приплу Русь на Костянтинъ градъ лодіями, тысящъ 10, иже и скеди глаголемъ, отъ рода Варяжска сущимъ» (*Прил. къ Лавр. л. 245*).

«Всѣ списки, кромѣ Радз.» говоритъ Шлецеръ (*Ист. III. 50*) «прибавляютъ здѣсь: Руссы глаголемые отъ рода Варяжска. Очень ясно, что это занято изъ

продолж.: Dromitae, qui a Francis genus ducunt. Смѣшно, что Руссь узнаеть отъ Византійца о происхожденіи собственнаго своего народа. Съ Дромитами не зналь онъ, что дѣлать, почему и выпустилъ ихъ, а Франка и Варяга (Φράγγος, Βαράγγος) по единозвучію счель за одно».

Ошибка произошла дѣйствительно отъ единозвучія; только эту ошибку сдѣлалъ не русскій лѣтописецъ XI, а греческій X вѣка.

Въ войскѣ Игоря (если и принять именно 941 годъ исходомъ нашего извѣстія) было много варяговъ; Греки разумѣется и не думали отличать ихъ отъ Руси по народности. Между тѣмъ варяжское имя должно было дойти и до нихъ. Они сочли его, по единозвучію, тождественнымъ съ именемъ Франковъ, какъ по единозвучію, Левъ Діаконъ смѣшиваетъ Древянъ съ Германцами, Γερμανοὶ (*ed. Bonn. 106*). Эти Франки не ввели въ заблужденіе русскаго лѣтописца; онъ не думаетъ здѣсь о Фрягахъ, а исправляетъ, какъ слѣдуетъ, греческое Φράγγος своимъ русскимъ Варяги.

Теперь о Дромитахъ.

Въ своихъ дополненіяхъ къ изысканіямъ Круга (*Forsch. II. 782 — 817*), г. Куникъ возвратился къ мнѣнію производящему имя Дромитовъ отъ названія Тендерской косы Ахиллесовымъ бѣгомъ — δρόμος Ἀχιλλέως. Противъ этой, впрочемъ съ грамматической точки зрѣнія безупречной этимологіи, возставалъ преимущественно Кёлеръ въ *Mém. de l'Acad. d. Sc. T. X. 1826. p. 531 — 818* и кажется не безъ основанія. Отъ Грековъ названіе Руси Дромитами выдти не могло, не потому только что никакая Русь, да и

вообще никакой другой народъ не жительствовагь на Тендерской косѣ, но и по причинѣ самой неопредѣленности этого имени. Слово δρόμος имѣеть множество различныхъ значеній въ греческомъ языкѣ; кромѣ основнаго бѣгъ (cursus), оно означаетъ мѣсто ристалища, гуляніе, крытый портикъ, преддверіе храма, оркестръ (*Theo. Gr. l. v. δρόμος*), а въ послѣдствіи и церковную службу, officium ecclesiasticum (*Du Cange, Gloss. m. et inf. Graec.*). Производное отсюда δρομίτης получало географическій смыслъ не иначе какъ въ соединеніи съ другимъ, опредѣленнымъ мѣстнымъ названіемъ; на пр. Ἀχιλλειδρομίτης, Σταυροδρομίτης и т. п. (см. *Kunik, ap. Dorn, 678*). О производныхъ отъ мѣстностей посвященныхъ памяти Ахиллеса, Стефанъ византійскій говоритъ: «Gentile, Achilleotes, et etiam Achilleites esse potest, et Achilleodromites» (*de Urb. v. Ἀχιλλεῖος δρόμος*). Взятое отдѣльно, слово δρομίτης относилось бы къ Ахиллесову бѣгу, вакъ слово πολίτης (cives, municeps) къ жителямъ Неаполя, Константинополя и т. п. Странно также что Дромитами Русь названы у Грековъ только одинъ разъ, по поводу Игорева похода; географическія названія такъ скоро не исчезаютъ; еще страннѣе что Симеонъ Логоветъ, большой охотникъ до заимствованныхъ изъ мифическихъ преданій древней Греціи словопроизводствъ, не обратилъ вниманія на классическое, общепринятое (по г. Кунику) толкованіе слова «Дромить» отъ Ахиллесова бѣга, а предпочелъ ему прозаическое: ἀπὸ τοῦ ἔξεως τρέχειν (отъ скорога бѣга). Не кроется ли здѣсь переводъ? Кругъ думалъ о варягахъ; но производить варяговъ отъ глагола варяю лингвистически неудобно. Быть можетъ греческому

Δρομίτης; легло въ основаніе другое славянское слово, именно: хоусарь, chusar.

Изъ сличенія рукописи синодальной библіотеки № 148 (изъ Сербскихъ), съ рукописью костромскаго богоявленскаго монастыря, № 295 (см. *Прилож. къ Лавр. л. стр. 245*), оказывается что гдѣ первая читаетъ объ Игоревои Руси: «и убо сихъ плъку мнозѣхъ пославшу въ Виоиницѣи странѣ, яко пищу себѣ и ину потребу купити, и обрѣтъ плкъ ихъ реченный Варда», — вторая (по всѣмъ признакамъ на Руси обновленная) переводитъ: «и се Русь хусы послаша въ Виоинійскія, яко да пищу имъ и прочее припасуть; приключися се и хусѣ, Варда Тока злѣ сіе преложи» и пр. Слово хуса передаетъ здѣсь греческое *συνταγμα*, агмен, соhогs, полкъ (срвн. *Georg. Monach. ed. Bonn. 915*). Первоначальное, коренное значеніе хусы есть ходъ и походъ, какъ уже видно изъ сохранившагося въ чешскомъ и моравскомъ нарѣчіяхъ слѣва: *chůze, chůza* — *incessus, peregrinatio* (*Jungm.*). Тоже самое должно сказать и о словѣ полкъ; въ смыслѣ похода оно встрѣчается въ лѣтописи: «бѣша бо многи погубли на полку» (*Лавр. 30. стрн. 189*). Самое «слово о полку Игоревоѣ» тоже что «слово о походѣ». Въ смыслѣ похода, хусы, слѣдуетъ понимать и выраженіе Игоревои пѣсни: «Рекъ Боянъ, и ходы на Святъславля пѣстворца» и пр. Княжій полкъ, полчане — жениховы бояре, поѣзжане (*Далъ*).

Слова хуса и хусарь, означавшія сначала ходъ и ходака, получили въ послѣдствіи, какъ и средневѣковыя *cursarii*, значеніе разбоя, разбойника. См. гл. LXXII «о татѣхъ и хоусарѣхъ» въ законникѣ Царя Стефана Ду-

шана (*Palacky, Starosl. pravo w Čech. a w Srbsku, 105. и Miklos. Gloss. Palaeosl. v. Хоуса*). Дунайскіе Славяне, вѣроятно называвшіе русскихъ грабителей IX — X вѣка хусар'ями (ходаками, полчанами) передали это слово Грекамъ въ то время когда, при переносномъ уже значеніи (*chodes* у Чеховъ *Hezumstreifer*; у насъ ходакъ мироѣдъ, волокита), оно еще сохраняло свой начальный этимологическій смыслъ, вполне соответствующій греческому *δρομίτης* (*δρομίτης* отъ *дрόμος*, какъ *όπλίτης* отъ *όπλον*). Съ прекращеніемъ разбойничьихъ набѣговъ на Царьградъ (Святославъ велъ уже регулярную войну съ Греками), названіе Руси хусарями-дромитами вышло изъ употребленія.

XVII.

Ῥῶς Ὑ ΣΙΜΕΟΝΑ ΛΟΓΟΘΕΤΑ.

Любопытное извѣстiе о происхожденiи русскаго имени отъ нѣкогого храбраго Роса, сохранилось у Симеона Логоѳета:

Ῥῶς δὲ, οἱ καὶ Δρομίται φερόνυμοι, ἀπὸ Ῥῶς τινὸς σφοδ-
ροῦ, διαδραμόντες ἀπηχῆματα τῶν χρησαμένων, [ἐξ ὑποθήκης
ἢ θεοκλυτίας τινός], καὶ ὑπερσχόντων αὐτούς, ἐπιμέκ-
ληνται» (*Sym. Mag. ed. Bonn. 707*).

Комбефисъ переводить: «Russi qui et congruo rei nomine Dromitae nuncupantur, a Ros quodam viro forti, cum sive monitu ac consilio sive divino quodam afflatu ac oraculo, pro potestate illis utentium eisque superiorum, iniurias noxamque evasissent, dicti sunt.»

До сихъ поръ, сколько мнѣ извѣстно, одинъ г. Куникъ занялся у насъ изслѣдованiемъ этого извѣстiя Логоѳета (*Beruf. II. 409—421, 495*); но при желанiи подвести его подъ сказанiе лѣтописи о призванiи Рюрика, едва ли не затемнилъ еще болѣе смыслъ его. Не входя въ подробности его предположенiй, я только замѣчу, что преданiе, носящее

тройной характеръ таинственности, отдаленности и чудеснаго, не можетъ быть отнесено къ историческому, почти современному событію.

Болѣе прочихъ затруднительно выраженіе ἐξ ὑποθήκης ἢ θεολυτίας τινός, обличающее въ повѣствователѣ не со-всѣмъ ясное уразумѣніе причинъ самаго дѣйствія; но какъ предложеніе вставное и къ тому же не вовсе непонятное, при всей своей неопредѣленности, оно не измѣняетъ общаго смысла преданія. Замѣчаніе, что причастіе χρησάμενος, обыкновенно требующее дательнаго падежа, не можетъ относиться (въ смыслѣ преслѣдованія, угнѣтенія) къ послѣдующему αὐτούς, слишкомъ исключительно; изъ Византійцевъ, неизвѣстный сочинитель книги de Velitatione bellica Nicephori Phocae, ставитъ χρᾶσθαι съ винительнымъ падежомъ: «τὸ δὲ, καὶ αὐτοὶ μόνοι ταύτην χρησάμενοι²⁵⁹» (sc. μέθοδον), καὶ πεῖραν αὐτῆς ἐγκολπωσάμενοι τινα, κατὰ τὸ ἡμῖν ἐφικτόν.» hoc, quod ipsi nostro arbitrio eam (rationem) persequentes, aliquem eius usum, quantum quidem in nobis fuit, contraximus (ed. Bonn. 184).

И у древнегреческихъ писателей есть примѣры этого, конечно ошибочнаго словостроенія (см. *Thes. Gr. l. v. χρᾶσθαι* p. 1621). За тѣмъ, соглашаясь вполне съ предлагаемою г. Куникомъ пунктуаціею греческаго текста, къ которой еще прибавляю необходимую по моему мнѣнію παρὲνθεσις, я перевожу: «Руссы, они же и Дромиты, прозвались своимъ именемъ отъ нѣкоего храбраго Роса, послѣ того какъ имъ удалось спастись отъ ига народа, овладѣвшаго ими и угнетавшаго ихъ, по волѣ или предопредѣленію боговъ». Слово θεολυτία не находится даже у Дюканжа

Gloss. inf. Graecit.; θεοκλήτης = deorum imploratio, ehexratio. Здѣсь это слово напоминаетъ древне-русское выраженіе милость божія вмѣсто гнѣва. (См. *Солов. Ист. Р. II. дополн. 19*). Комбефисъ относить предложеніе ἐξ ὑποθήκης и т. д. къ причастію διαδραμόντες, что при вычурной до невѣроятности фразеологій Логовета, конечно, возможно; избавленіе угнетенныхъ совершается въ слѣдствіе совѣтовъ или вдохновенія храбраго Роса. Теперь, кто былъ народъ притѣснитель, кто избавитель Русь, къ какому времени относится это таинственное преданіе, опредѣлить нѣтъ возможности; только безъ сомнѣнія не къ Рюрику и Олегу. Быть можетъ къ аварскому игу? или древнѣйшему, намъ вовсе неизвѣстному событію? γένετο δ' ἄν τᾶν ἐν τῷ μακρῷ χρόνῳ.

Сказаніе о Лехѣ, Русѣ и Чехѣ, какъ прародителяхъ трехъ славянскихъ народовъ, записано у Богухвала (1250): «Ex hiis itaque Pannoniis tres fratres, filii Pan, principis Pannoniorum, nati fuere: quorum primogenitus Lech, alter Rus, tercius Czech nomina habuerunt» (*Водурф. ар. Sommersb. II. 19*) Густинская лѣтопись упоминаетъ о Руссѣ, сынѣ Леховѣ (*Прибавл. къ Ипат. л. 236*). Наши сказки знаютъ о Словенѣ и Русѣ (*Карамз. I, прим. 70 и 91*). Добровскій, Добнеръ, Шлецеръ, Карамзинъ и другіе доказывали позднѣйшее изобрѣтеніе этихъ басней; они принадлежатъ къ исторической школѣ не понимавшей цѣны и значенія преданій. И Погодинъ упрекаетъ меня въ томъ что позднѣйшія нелѣпыя преданія я принимаю въ соображеніе, а древнѣйшее, ясное, прямое (преданіе о небывалой варяжской Руси) я опровергаю (*Гедон. и его*

смет. 15). Мнѣ кажется я опровергаю это ясное и прямое преданіе, не однѣми баснями. Что же до самихъ басенъ, на чемъ основано мнѣніе Погодина и другихъ о ихъ составленіи въ позднѣйшее время? Несторъ производитъ Радимичей и Вятчей отъ двухъ братьевъ, Радима и Вятка; кралодворская рукопись и Козьма пражскій знаютъ Чеха прародителемъ чешскаго племени; это не позднѣйшія, это наидревнѣйшія сказанія Славянъ, сказанія равныя по историческому значенію, греческому объ Эллинѣ, сынѣ Девкалиона и Пирры, римскому о Ромулѣ, германскому о Туиско. Уже одной этой аналогіи было бы достаточно чтобы укрѣпить свое мѣсто въ русской исторіи, за этимъ баснословнымъ Русомъ, прародителемъ русскаго племени. Что же когда дошедшее до насъ въ источникѣ XIII столѣтія преданіе, оказывается букввальнымъ почти повтореніемъ преданія занесеннаго къ Грекамъ при Олегѣ, а быть можетъ и при Аскольдѣ! Норманнисты и даже Шафарикъ напрасно возстаютъ противъ того что они находятъ и что можетъ дѣйствительно быть нелѣпаго въ сказаніи о Русѣ; Перуну и Волосу, на сколько мнѣ извѣстно, не поклоняется нынѣ никто изъ ревнителей славянства въ русской исторіи; тѣмъ не менѣе, какъ существованіе, такъ и давность ихъ въ славянскомъ язычествѣ, опредѣляются показаніями лѣтописи и Вацерада. Дѣло стало быть не въ томъ былъ ли дѣйствительно какой то Русъ прародителемъ русскаго племени, а въ томъ что любознательному Византійцу, допрошавшему Русина IX—X-го вѣка о происхожденіи его народа и народнаго имени, этотъ кievскій Русинъ не сказалъ (по общепринятому со временъ Шлепера мнѣнію) что на-

родъ 'Рѡ, нападавшій на Грековъ въ 865 — 907 годахъ, получилъ свое имя отъ поработившихъ его за три или за сорокъ лѣтъ шведскихъ Рѡсовъ; а производилъ Русь и имя Руси отъ туземнаго, славянскаго Руса, любимца боговъ, не завоевателя, а избавителя въ доисторическую, баснословную эпоху, русскаго племени отъ чужеземнаго ига ²⁵³).

XVIII.

БЕРТИНСКІЯ ЛѢТОПИСИ.

До водворенія въ Кіевѣ варяга Олега, южная Русь состояла подъ властію Хагановъ, по всей вѣроятности намѣстниковъ великаго Хагана Хазаріи. Это положеніе утверждается на слѣдующихъ свидѣтельствахъ:

а) Помѣщенное въ бертинскихъ лѣтописяхъ подъ 839 г. извлеченіе изъ письма греческаго императора Θεοφιλα къ Людовику благочестивому: «Misit etiam cum eis quosdam, qui se, id est gentem suam, Rhos vocari dicebant, quos rex illorum, Chacanus vocabulo, ad se amicitiae, sicut assererant, causa direxerat» (*Annal. Bertin. ap. Pertz, I. 434*).

б) Отвѣтъ Людовика II на письмо, въ которомъ Василій Македонянинъ упрекалъ его въ присвоеніи себѣ не слѣдующаго ему титула римскаго императора, *imperator Romanorum*. Письмо Василя до насъ не дошло; отвѣтъ Людовика напечатанъ у Баронія *Annal. Ecclesiast. T. XV. Lucae, 1744 fol. ad ann. 871*; у Muratori, *Script. T. II. P. 2. ed. Mediol. 1726. p. 246*; у Перца *Chron. Salerni-*

тап. V. p. 523. Отстаивая свои права на титуль римскаго императора, Людовикъ возражаетъ по пунктамъ (впрочемъ по ббльшей части ошибочно) на присланную ему отъ Василя роспись императорскимъ, королевскимъ, княжескимъ и инымъ, греческою канцелярією утвержденнымъ титуламъ; онъ говоритъ: *Sed ne hoc admiratione caret, quod asseris, Principem Arabum Protosimbolum dici, cum in voluminibus nostris nichil tale repperiatur, et vestri codices modo Architon modo Regem vel alio quolibet vocabulo nuncupent. Verum nos omnibus litteris scripturas sacras praeferimus, quae per David non protosimbulos, set Reges Arabum et Saba proficere confitentur; Chaganum vero non praelatum Avarum, non Gazanorum aut Nortmannorum nuncupari reperimus, neque principem vulgarum, set regem vel dominum Vulgarum. Quae omnia idcirco dicimus, ut quam aliter se habeant quae scripsisti, legens in Graecis voluminibus ipse cognoscas»* и пр. (*Pertz, V. 523*). Отсюда видно, что по мнѣнію Василя, хаганскій титуль слѣдовалъ князьямъ (*Praelati*) Аваровъ, Газановъ (Хазаръ?) и того народа, который въ письмѣ Людовика названъ Нортманнами, но который, конечно, былъ обозначенъ иначе въ письмѣ греческаго императора. Дѣло идетъ о Руси, это несомнѣнно; но подъ какимъ именемъ? Кругъ (*Bullet. scient. IV. 145. — Forsch. II. 206*) и г. Куникъ (*Beruf. II. 240 — 246*) полагаютъ что подъ именемъ 'Ρῶς; но имя 'Ρῶς для Норманновъ въ Германіи неизвѣстно; канцелярія Людовика не угадала бы ихъ подъ непонятнымъ для нея псевдонимомъ. Въ письмѣ Василя стояло то имя, которымъ императоръ Левъ (886 — 912) отличалъ Русь своего времени, т. е.

βορείοι Σκίθαι (*Cl. Aelian. et Leon. Imp. Tactica, cap. XIX § 70*). У Константина багрянороднаго: «εἴτε Χάζαροι εἴτε Τοῦρκοι εἴτε καὶ Ῥῶς ἢ ἕτερον τῶν βορείων καὶ Σκυθικῶν» (*de adm. imp. ed. Bonn. 82*). Гдѣ греческій императоръ думаетъ о своихъ русскихъ сѣверянахъ (βορείοι), Людовикъ полагаетъ что рѣчь идетъ о сѣверянахъ германскихъ (Nortmanni), дѣйствительно не титуловавшихъ своихъ конунговъ Хаганами. Ошибиться было тѣмъ легче что у скандинавскихъ и германскихъ грамотѣевъ среднихъ вѣковъ Скандинавія не рѣдко именуется Скиѳією (Skythiodh и Svithiodh; Scythia magna — Svithiodh hin mikla; см. *Schafar. Sl. Alt. II. 91, 92*). Такъ и у равенскаго географа: «Magna insula antiqua Scythia. . . quam et Jordanus sapientissimus cosmographus Scanzam appellat» (*L. I. § XII. p. 26*). «Nortmanni . . . a Scitia inferiori . . . egressi» (*Annal. Saxo ap. Pertz, VIII. 689*).

с) Положительное свидѣтельство арабскаго писателя Ибнъ-Даста (903 — 913 г.); «Русь имѣеть царя, который зовется Хаканъ-русь» (*Хвольсонз, извѣст. и пр. 35, § 2*).

д) Похвальное слово митрополита Иларіона В. К. Владимиру:

1. «О законѣ Моисеомъ . . . и похвала Кагану нашему Владимиру, отъ него же крещени быхомъ».

2. «Похвалимъ же и мы, по силѣ нашей, малыми похвалами великая и дивная сътворшаго нашего учителя и наставника, великаго Кагана нашеа земля, Владимиръ».

3. «Сей славный отъ славныхъ рождься, благородный отъ благородныхъ, Каганъ нашъ Владимиръ».

4. «Съвлечежеса убо Каганъ нашъ и, съ ризами

вѣтхаго челоуѣка, сложи тлѣнныя, оттрясе прахъ невѣрствія».

5. «Паче же помолися о сынѣ твоємъ, благовѣрномъ Каганѣ нашемъ Георгіи, въ мирѣ и въ здравіи пучину житія преплутвѣ».

6. «Азъ милостію... Бога мнихъ и прозвѣтеръ Иларіонъ, изволеніемъ Его, отъ богочестивыхъ Епископъ священъ быхъ и настолованъ въ... градѣ Києвѣ, яко ми быти въ немъ митрополиту, пастуху же и учителю. Быша же си въ лѣто СФНФ (1051) владычествующу благовѣрному Кагану Ярославу сыну Владимиру» (*Твор. св. Отц. Годъ сторой. Кн. II. 223 — 255*).

е) Слово о полку Игоревѣ: «Рекъ Боянъ, и ходы на Святъславля пѣснотворца стараго времени Ярославля Ольгова когана хоти» (*изд. Пекарскаго 18. Зап. Ак. V. кн. I*).

Съ этими свидѣтельствами согласенъ и смыслъ лѣтописи упоминающей о хазарской дани въ 859 году: «Въ лѣто 6367. Имаху дань Варязи изъ заморья на Чюди и на Словѣнехъ, на Мери и на всѣхъ Кривичѣхъ; а Козари имаху на Полянѣхъ, и на Сѣверѣхъ, и на Вятичѣхъ, имаху по бѣлѣ и вѣверицѣ отъ дыма» (*Лавр. 8*).

Ни одно изъ начальныхъ явленій нашей древней исторіи не утверждено на доказательствахъ болѣе положительныхъ, официальныхъ, независящихъ другъ отъ друга. Русскій хаганатъ въ 839—871 годахъ вѣрнѣе призванія варяговъ, договоровъ Олега, Игоря, Святослава, лѣтописи Нестора. Между тѣмъ, норманская школа допускаетъ (разумѣется при своихъ объясненіяхъ) приведенныя нами подъ литерами в — е сви-

дѣтельства, отвергаетъ одно первое, а именно показаніе бертинскихъ лѣтописей. Дѣло понятное. Существованіе въ 839 году народа Rhos, подъ управленіемъ Хагановъ, уничтожаетъ систему скандинавскаго происхожденія Руси; Шведы хагановъ не знали.

Струбе (*Dissert. sur les anc. Russes, p. 3*) и Шлецеръ (*Ист. I. 322 — 324*) отыскивали въ Хаканѣ (*Chacanus*) бертинскихъ лѣтописей, скандинавское личное Насон - Наquinus (у Струбе), Нѣкан — Гоканъ (у Шлецера). Кругъ (*Forsch. I. 163 — 210*) и г. Куникъ (*Beruf. II. 218*) доказали до очевидности что выраженіе *vocabulum* (*Chacanus vocabulo*) не имѣетъ отнюдь исключительнаго значенія личнаго имени, но точно также означаетъ титулъ или званіе; тѣмъ не менѣе и опять таки на основаніи Пруденціева выраженія «*Chacanus vocabulo*», г. Брунъ выводитъ снова на сцену небывалаго шведскаго королька Нѣкон'а, будто бы отправившаго небывалыхъ шведскихъ Рѣсовъ, послами къ императору Теофилу въ 839 году (*Зап. Ак. XXIV. Кн. I. 32, 33*)²⁵⁴). Мнѣ кажется вопросъ этотъ поставленъ не такъ такъ слѣдуетъ. Ни изъ вѣроятныхъ словъ греческаго письма Χαχάνος τοῦνορα, ни изъ ихъ латинскаго перевода у Пруденція «*Chacanus vocabulo*», нельзя угадать на вѣрно шло ли дѣло о титулѣ или о личномъ имени; да признаться и не стоитъ угадывать. Суть вопроса въ томъ, какое русское слово или какое шведское имя легло въ основаніе гречизированной, въ письмѣ Теофила, формѣ Χαχάνος? Я считаю таковымъ тюркское Хаканъ²⁵⁵) и утверждаю свое мнѣніе (независимо отъ исторической оцѣнки извѣстія бертинскихъ лѣтописей) на цѣломъ рядѣ положительныхъ

свидѣтельствъ о хаганскомъ титулѣ первыхъ русскихъ правителей. Г. Брунъ указываетъ на личное скандинавское *Hákon*. Но противъ этого толкованія (еще покуда съ одной лингвистической точки зрѣнія) говоритъ что въ шведскомъ языкѣ нѣтъ словъ начинающихся на *sh*; мягкому же германскому *h*, можетъ отвѣчать только греческій *spiritus asper*, но отнюдь не χ ²⁵⁶). Замѣтимъ еще что въ предположеніи г. Бруна, Пруденцій именно думалъ о скандинавскомъ личномъ *Hákon*; но могъ ли онъ, если угадалъ скандинавское *Hákon* подъ греческимъ искаженіемъ *Χαχά-υος*, оставить это искаженіе неисправленнымъ въ своемъ переводѣ?

Кругъ, которому не посчастливилось найти тѣ «другія древне-нѣмецкія формы имени *Hákon*, къ которымъ подходитъ форма *Chacanus*» (Брунъ, *l. c.* 33) искалъ объясненія мѣсту бертинскихъ лѣтописей, на иномъ пути. Хаганскій титулъ, думаетъ онъ, не былъ туземнымъ титуломъ правителя народа *Rhos* въ 839 году; этимъ титуломъ обзываетъ его отъ себя императоръ Теофилъ, имѣя въ виду сравнять князя *Rhos* по чину, съ правителями Аваровъ и Хазарь, сосѣдствовавшихъ Руси (какой Руси? ужъ не шведской ли въ 839 году?) народовъ. Тоже самое дѣлаетъ въ 871 году императоръ Василій; онъ тоже прилагаетъ отъ себя титулъ Хагана княжившему въ то время въ Кіевѣ Норманну Аскольду (*Forsch. I. 206*). Изъ приведенныхъ выше пяти свидѣтельствъ объ управленіи южной до-варяжской Руси Хаганами, Кругу были извѣстны только два первыхъ; онъ не зналъ ни Ибнъ - Даста, ни похвальнаго слова митрополита Иларіона, ни слова о полку Игоревѣ; не

зналъ стало быть что восточные и русскіе документы подтверждаютъ историческій фактъ, засвидѣтельствованный греческими и латинскими. Но и при отсутствіи этихъ, поистинѣ неопровержимыхъ пояснительныхъ текстовъ, непонятно какъ онъ могъ увлечься системою до той нелогичной догадки, будто бы Теофилъ приложилъ отъ себя хаганскій титулъ князю неизвѣстнаго ему народа Шведовъ, жившаго не въ сосѣдствѣ Аваровъ и Хозаръ (слѣдовательно не имѣвшаго ничего общаго съ ними), а гдѣ то на дальнемъ, въ Греціи неизвѣстномъ сѣверѣ. Или Теофилъ не могъ просто писать: «quos rex illorum, ad nos, amicitiae sicut asserunt, causa direxit»? Своимъ «Chacanus vocabulo» онъ обманывалъ безъ нужды франкскаго императора. Если есть что исторически и логически вѣрное, это то что греческій императоръ приложилъ правителю народа Rhos титулъ Хагана, потому что слышалъ этотъ титулъ отъ русскихъ пословъ. Но если въ 839 году владыки Руси титуловались Хаганами, то должно принять что ни они, ни народъ Rhos не были Скандинавами, такъ какъ Шведы Хагановъ не знали, мнимые же норманскіе варяги-Русь водворились у восточныхъ Славянъ не прежде 862 года.

Автору призванія Родсовъ предстояла неблагодарная обязанность согласовать мнѣніе Круга съ разрушающими его окончательно русскими свидѣтельствами о доваряжскомъ хаганатѣ въ южной Руси. Онъ не измѣнилъ и не могъ измѣнить системы своего предшественника. И у него титулія Хаганомъ русскаго князя въ 839 году идетъ отъ Грековъ (*Вериф. II. 232*). Сознывая, на основаніи русскихъ источниковъ, что Славяне перенесли на Аскольда и Рюри-

ковичей почетный титулъ Хагановъ (Феофилъ угадалъ стало быть въ 839 году тотъ титулъ, подъ которымъ русскіе правители будутъ извѣстны въ 864), онъ однакоже не допускаетъ официального подтвержденія этого титула греческою канцеляріею и изъ словъ Людовика: «Chaganum vero non Praelatum Avagum, non Gazanorum aut Nortmannorum nuncupari reperimus» — заключаетъ: «Die Griechen hatten dem fränkischen Antwortschreiben nach geschrieben, dass den Chaganen (welche hier an der Stelle der principes der Araber stehen) dreier Völker, nämlich der Awaren, Gasanen und Nordmannen der Titel praelatus gegeben werde» (*Beruf. II. 239*). Греки писали именно противное: несуществующее въ греческомъ языкѣ слово praelatus означаетъ правителя, владыку вообще: «Praelatus, Magistratus, qui populis praeest» (*Du Cange*). Да и въ томъ же самомъ письмѣ есть мѣсто объясняющее значеніе этого слова: «Et si Graecos et noviter editos revolvās codices, invenies procul dubio plurimos tali nomine vocitatos, et non solum Graecorum, sed et Persarum, Epirotarum... Gothorum et aliarum gentium Praelatos Basileorum appellatione veneratos». Василій писалъ: «владыкамъ (прелатамъ) Аваровъ, Газановъ и сѣверныхъ Скивоовъ прилагается титулъ Хагановъ». Канцелярія Людовика имѣвшая въ виду опровергнуть (правдою или неправдою) каждое слово восточнаго императора, могла, разумѣется, отыскать такіе греческіе тексты, въ которыхъ правители Аваровъ и Хазаръ (если только считать Газановъ Хазарами) обзывались не хаганскимъ, а другимъ какимъ либо титуломъ; навѣрное знала она что конунги Нортманновъ

(ибо она угадывала или хотѣла угадать Нортманновъ въ Васильевыхъ βέραισι Σχιδάι) Хаганами не назывались. Да и что же становится въ этомъ новомъ предположеніи г. Куника съ Хаганомъ 839 года? Въ этомъ году Теофилъ изобрелъ для шведской Руси, несуществующій у нея титулъ Хагановъ; а въ 871, когда Славяне дѣйствительно перенесли этотъ титулъ на Рѣдса Аскольда, Василій отказываетъ въ немъ ему? Онъ не хочетъ оказать Хаганамъ Аваровъ, Газановъ и Руси чести принадлежащаго имъ хаганскаго титула (*Beruf. II. 240*), а Теофилъ прилагаетъ его отъ себя и безъ всякой нужды князю незнакомаго ему даже по имени народа Rhos?

Покуда о хаганатѣ 839 года было извѣстно одно свидѣтельство бертинскихъ лѣтописей, еще можно было допустить возможность сомнѣнія въ настоящемъ смыслѣ Пруденціевыхъ словъ «Chasapus vocabulo». Въ теперешнемъ положеніи вопроса, отвергать безъ малѣйшаго повода прямую связь между показаніемъ 839 года и четырьмя остальными, между свидѣтельствами греческими, восточными и туземными, значитъ идти на переکورъ всѣмъ законамъ исторической критики и оцѣнки матеріаловъ.

Существованіе русскаго Хаганата въ IX вѣкѣ (839—871 г.) неопровержимый историческій фактъ, а вмѣстѣ съ нимъ и существованіе въ сосѣдствѣ Хазаръ и Аваровъ, совершенно чуждаго скандинавскому началу, народа Rhos.

Кромѣ верховнаго Хагана, были у Аваровъ и Хаганы второстепенные, титулуемые однакожъ великими: «πρεσβύτεται ὁ Χαγᾶνος πρὸς ἑτέροισι τρεῖς μεγάλας Χαγᾶνοισι» (*Theophyl. ed. Bonn. 285*). У Хазаръ, по свидѣтельству

арабскихъ писателей, при верховномъ или Великомъ Хаканѣ, былъ намѣстникомъ или халифомъ Хаканъ-Бехъ; а подь нимъ Кендеръ - Хаканъ ²⁵⁷). Такимъ второстепеннымъ Хаганомъ, быть можетъ намѣстникомъ изъ туземныхъ князей великаго Хагана Хазаріи, былъ по всей вѣроятности тотъ династъ народа Rhov, о которомъ бертинскія лѣтописи упоминають подъ 839 годомъ. Въ 864 году Хаганомъ (намѣстникомъ?) южной Руси является Аскольдъ; въ Дирѣ (Dieg-Dierek) едвали не придется признать русскаго князя-данника, изъ рода Кіева. Аскольдъ былъ Венгръ; а мы знаемъ по Константину Багрянородному (*de adm. imp. ed. Bonn. 170*), что въ IX вѣкѣ Угры состояли къ великому Хагану Хазаріи въ полу-союзномъ, полу-данничьемъ отношеніи. Безпристрастное изученіе русскаго лѣтописи привело г. Соловьева къ той мысли, что самое преданіе о томъ что Аскольдъ и Диръ были члены дружины Рюриковой, могло явиться вслѣдствіе желанія дать Рюрикову роду право на Кіевъ (*Ист. Р. I. 102 и прим. 175*); о завоеваніи Аскольдомъ Кіева не говоритъ и сама лѣтопись; а изъ списковъ упоминающихъ о ратяхъ его противъ Болгаръ, Полочанъ, Печенѣговъ (*Ник. I. 16, 17*), Древлянъ и Уличей (*Пол. Воскр. Алт. у Шлец. Нест. II. 12*) ни одинъ не знаетъ о войнахъ съ Хазарами или съ тѣми изъ славянскихъ племенъ которыя признавали хазарскую власть. Сѣверяне, Радимичи и Вятичи платятъ хазарскую дань при Олегѣ и Святославѣ, какъ платили въ 859 году. Подобныя отношенія къ Хазарамъ непоятны въ Норманнѣ Аскольдѣ мнимомъ избавителѣ (по г. Кунику *Beruf. II. 264*), Кіева отъ хазарскаго ига ²⁵⁸). На отношенія далеко не враждеб-

ныя южной Руси къ угорскому племени намекають и извѣстіе лѣтописи о томъ, какъ въ 898 году (или еще ранѣе), Угры, никѣмъ не тревожимые, стояли вежами подъ Киевомъ; и засвидѣтельствовавшее исторіею выселеніе вмѣстѣ съ ними въ закарпатскія земли, многочисленной русской колоніи, предковъ нынѣшнихъ венгерскихъ Русиновъ. Память угро-хазарскаго державства на югѣ сохранилась въ прозваніи Киева венгерскимъ именемъ Szombat (крѣпость): «τὸ κάστρον τὸ Κιοάβα, τὸ ἐπωνομαζόμενον Σαμβατάς» (*Const. P. de adm. imp. ed. Bonn. 75*)²⁵⁹). Кругъ (*Forsch. II. 254. Anm. **) приводитъ мѣсто Пулжавы: «construxit in Hungaria civitatem Trnaw, quae in vulgari ungarico Sambath Constantiae nuncupatur». Fejér ap. Boczek, III. 43: «Bela, Ungariae rex, hospitibus de Sumbothel (Tyrnawia)» quae quondam fuit illustris reginae Constantiae «terram Parna confert. Dt. XVI. Kal. Decembris. 1244». «У Герберштейна: Rima-Sambat (Rima Szombat) подъ 1551 г. (*Selbstbiogr. in Font. rer. Austriac. I. 386, 388*). Не къ Олегу и Игорю, а къ предшествовавшему имъ тюркскимъ обладателямъ Руси, относится по всей вѣроятности характеристика русскаго князя у Ибнъ-Фоцлана: «von seinem Hochsitz steigt er nicht herunter. Wenn er daher ein Naturbedürfniss befriedigen will, thut er es vermittelt einer Schale; will er ausreiten, so führt man ihm sein Pferd bis zum Hochsitze hin, von wo ab er es besteigt; und will er absteigen, so reitet er so nahe an denselben, dass er auf ihn wieder absitzen kann. Er hat einen Stellvertreter (Chalifa, Vice-König), der seine Heere anführt, mit den Feinden kriegt, und seine Stelle bei seinen

Unterthanen vertritt» (*Fraehn, Ibn-Fozl. 21, 23*). Это не по славянски и не по скандинавски.

Съ водвореніемъ въ Кіевѣ варяга-Славянина Олега, титулъ Хагана исчезаетъ для русскихъ князей. Въ 871 году Василій называлъ Аскольда Хаганомъ сѣверныхъ Скиоовъ; въ 920 — 946 Константинъ и Романъ титулуютъ Игоря архонтомъ Руси, какъ сербскихъ, хорватскихъ, моравскихъ князей — архонтами Сервіи, Хрватіи, Моравіи (*Const. Porph. de Cerim. ed. Bonn. I. 690, 691*). Въ догворахъ, Олегъ и Игорь названы великими князьями русскими.

Но въ памяти русскихъ людей, нѣкогда знаменитый и поэзіею прославленный титулъ Хагана (отсюда и слово когань въ Сл. о п. Игоревѣ), живетъ еще долго по замѣненіи его княжескимъ. Митрополитъ Иларіонъ (Русинъ) воскрешаетъ для Владимира и Ярослава поэтическую формулу древнѣйшихъ временъ; и въ наше время народъ и поэзія величаютъ русскихъ Императоровъ царскимъ титуломъ.

Я обращаюсь къ второй половинѣ вопроса возбужденнаго извѣстіемъ бертинскихъ лѣтописей.

Изо всѣхъ изслѣдователей, трудившихся въ теченіи слишкомъ столѣтія, надъ объясненіемъ Пруденціевыхъ словъ, одинъ только Шлецеръ понялъ что Свеоны его, назвались Руссами - Rhos, отнюдь не въ Германіи, а въ Константинополѣ и только въ Константинополѣ (*Нест. I. 319*). Эверсъ полагаетъ что эти Шведы выдали себя за Rhos въ Ингельгеймѣ, а въ Константинополѣ явились подъ своимъ настоящимъ именемъ Шведовъ (*Krit. Vorarb. 131, 134*). Кругъ (*Forsch. I. 165*): «Die Fremden sagen,

ihr Volk werde Rhos genannt. . . . Ob sie in Konstantinopel sich selbst auch Rhos genannt haben, oder nicht, gleichviel. Г. Куникъ (*Beruf. II. 201*): «Das Ergebniss dieser Nachforschungen, dass nämlich die Rhos ihrer Abkunft nach zum Schwedischen Volksstamme — gentis Sueonum — gehörten und dass sie sich selbst weniger als Schweden, sondern vielmehr als Rhossen betrachteten, wird von den Franken für ein ganz sicheres, also wahrscheinlich auf sichere nationale Merkmale begründetes, ausgegeben». — Ошибочность этихъ толкованій, придуманныхъ подъ влияніемъ полнаго убѣжденія въ существованіи генетической шведской Руси или, по крайней мѣрѣ, въ неславянскомъ происхожденіи русскаго имени, объясняется основаннымъ на этомъ убѣжденіи, вѣковымъ невниманіемъ къ фразеологіи бертинскихъ лѣтописей. Безпристрастный изслѣдователь видитъ съ перваго взгляда, что Пруденцій вноситъ въ свою лѣтопись, не столько рассказъ о содержаніи письма Теофила къ Людовику, сколько собственный, переводный текстъ этого письма:

«Misit etiam cum eis quosdam «qui se, id est gentem suam, Rhos vocari dicebant, quos rex illorum Chacanus vocabulo, AD SE amicitiae, sicut asserebant, causa direxerat», petens per memoratam epistolam, quatenus benignitate imperatoris redeundi facultatem atque auxilium per imperium suum totum habere possent, quoniam itinera, per quae AD ILLVM Constantinopolim venerant, inter barbaras et nimiae feritatis gentes immatissimas habuerant, quibus eos, ne forte periculum incidere, redire noluit» (*Pertz, I. 434*).

Изъ различія въ употребленіи словъ *ad se* и *ad illum*, видно совершенно ясно что при началѣ разсказа т. е. отъ словъ «*qui se*» до слова «*dirigerat*» включительно, Пруденцій говоритъ не отъ себя, а отъ имени греческаго императора, его собственными словами; въ противномъ случаѣ, слѣдовало бы и здѣсь не *ad se* а *ad illum*. Въ этомъ первомъ періодѣ, лѣтописецъ употребляетъ весьма обыкновенную (преимущественно Тацитовскую) фразеологию, по средствомъ которой передается, въ сокращенномъ видѣ, самый текстъ письма или рѣчи дѣйствующаго лица, почему въ древне-латинскихъ изданіяхъ подобныя мѣста классиковъ не рѣдко отмѣчаются знакомъ « ». Этимъ объясненіемъ, утвержденнымъ на положительномъ грамматическомъ правилѣ, устраняются предположенія Эверса, Круга и другихъ, будто бы Шведы назвали себя Русью и въ Ингельгеймѣ; изъ словъ бертинскихъ лѣтописей видно только что именемъ *Rhos* они назвались въ Константинополѣ. Замѣчаніе г. Куника (*Beruf. II. 213*). будто бы пояснительныя слова «*id est gentem suam*» принадлежать собственно Пруденцію, основано на томъ же не вполне вѣрномъ уразумѣніи синтаксическихъ формъ его рѣчи. Если, въ чемъ думаю никто не усомнится, глаголь *asserebant* (*quod rex illorum, Chacanus vocabulo ad se amicitiae, sicut asserebant, causa direxerat*) относится къ сказанному этими Шведами въ Константинополѣ, то къ тому же сказанному въ Константинополѣ долженъ относиться и соотвѣтствующій ему глаголь *dicebant* (*qui se, id est gentem suam, Rhos vocari dicebant*)²⁶⁰). Я повторяю: весь начальный періодъ, отъ словъ «*qui se*» до слова «*dirige-*

хегат», буквально перенесенъ въ лѣтопись, изъ бывшаго въ рукахъ у Пруденція письма греческаго императора. По всѣмъ вѣроятностямъ это письмо (въ переводной формѣ) гласило: «Mittimus etiam cum nostris legatis quosdam, qui se, id est gentem suam, Rhos vocari dicunt, quos rex illorum, Chacanus vocabulo, ad nos amicitiae, sicut asserunt, causa direxit; petimusque» и т. д.

Къ одинаковому заключенію приводитъ и грамматическое изслѣдованіе формы того имени, подъ которымъ Свеоны бертинскихъ лѣтописей значатся въ письмѣ Теофила. Я замѣтилъ въ другомъ мѣстѣ, что какова бы ни была скандинавская форма мнимаго русскаго имени Шведовъ, этой формѣ нельзя было проявиться подъ несклоняемымъ греческимъ Ῥῶς, явно передающимъ несклоняемое, или точнѣе, рудиментарно склоняемое славянское Русь. Въ Ингельгеймѣ еще менѣе чѣмъ въ Константинополѣ. Еслибы слова лѣтописи «qui se, id est gentem suam Rhos vocari dicebant» относились къ Шведамъ въ Германіи, если бы эти Шведы назвались своимъ шведскимъ Rodhsar у Франковъ, Пруденцій передалъ бы это имя не подъ непонятнымъ для него Rhos, а подъ германо-латинскою формою Rodsi, Rossi, Russi²⁶¹). Въ ушахъ Пруденція, для котораго шведскій языкъ разнился отъ франкскаго только въ мѣрѣ нарѣчія (*Krug, Forsch. I. 171*), греческое Ῥῶς — Rodhs, передающее не множественное Rodhsar, а единственное Rodhs, звучало бы какъ единственныя Danus, Northmannus въ словахъ: «misit cum eis quosdam, qui se, id est gentem suam Danus (Northmannus) vocari dicebant». Если бы подъ собирательною русскою формою Свеа въ словахъ

лѣтописи: «придоша Свеа подѣ Ладогу», франкскій лѣтописецъ угадалъ Шведовъ, онъ конечно перевелъ бы «*venegunt Sueones*» а не «*venegunt Svea*».

Наконецъ о невозможности допустить это неслыханное въ Швеціи и Германіи имя 'Ρῶς — Rhos для Шведовъ, свидѣлствуютъ и подозрѣнія которымъ подверглись эти Шведы, при дворѣ франкскаго императора: «*Quorum adventus causam imperator diligentius investigans, comperit eos gentis esse Sueonum, exploratores potius regni illius nostrique quam amicitiae petitores ratus, penes se eo usque retinendos iudicavit, quod veraciter invenire posset, utrum fideliter eo necne pervenerint*». Для каждаго, непредубежденнаго судіи, причина подозрѣній Людовика понятна съ перваго взгляда. Люди о которыхъ Теофилъ пишетъ, съ ихъ собственныхъ словъ, что они принадлежать къ какому то народу Rhos, состоящему подѣ управленіемъ Хагановъ, оказались Шведами. Этого мало. Они увѣрили Теофила что имъ изъ Ингельгейма легко вернуться на родину т. е. съ береговъ Рейна въ землю этого неслыханнаго, азіатскаго племени Rhos. Подѣ вліяніемъ этихъ болѣе чѣмъ странныхъ показаній, франкскій императоръ принимаетъ ихъ за норманскихъ лазутчиковъ. Этого простаго, непринужденнаго, единственно возможнаго толкованія Пруденціевыхъ словъ, норманская школа допустить не можетъ, не отказавшись отъ своихъ основныхъ положеній. Шлецеръ пишетъ съ видимою неохотою: «Неизвѣстно почему сочли ихъ (Свеоновъ) теперь здѣсь за шпионовъ; можетъ быть потому что у нихъ были два по наружности различныя названія» (*Ист. I. 323*). По Шлецеру, въ слѣдствіе принятой имъ

системы финно - скандинавскаго происхожденія Руси, эти Шведы назвались въ Константинополѣ тѣмъ именемъ Ruotsi, которымъ ихъ обзывали чюдскія племена. Принять ли что и въ Ингельгеймѣ они явились подъ своимъ чюдскимъ названіемъ? На это не достало духа и у самаго Шлецера. Но если въ Ингельгеймѣ они назвались настоящимъ своимъ именемъ Шведовъ, то почему же не назвались они этимъ именемъ и въ Константинополѣ? Кругъ понимаетъ не менѣе Шлецера, что неслыханное для Шведовъ имя Rhos должно было поразить своею дикостію западнаго императора (*Forsch. I. 171*); но указать на это имя какъ на прямую причину подозрѣній Людовика, онъ не смѣетъ; греческое посольство разъяснило бы тотчасъ что этимъ именемъ 'Ρῶς (красные) называли себя не сами Шведы, а были такъ прозваны Греками; ибо такова, какъ извѣстно, придуманная Кругомъ система происхожденія русскаго имени. Что же побудило Людовика признать шпионовъ въ этихъ Свеонахъ - Rhos? То, думаетъ Кругъ, что живущіе на дальнемъ сѣверѣ Шведы отправили посольство въ Константинополь! — Еще болѣе затрудненій представляетъ этотъ вопросъ для тѣхъ изслѣдователей, которые подобно Погодину и г. Кунику, считаютъ имя Руси туземнымъ шведскимъ. Они принуждены допустить что имя Rhos для Шведовъ, не могло возбудить никакихъ подозрѣній при франкскомъ дворѣ, такъ какъ тождественность обоихъ именъ (Шведовъ и Rhos) была совершенно извѣстна или, по крайней мѣрѣ, безъ затрудненія объяснима въ Германіи. Въ самомъ дѣлѣ для Франковъ Швеція была не terra incognita; миссія Ансгарія въ Швецію относится къ

829—831 году; норманскія посольства являлись часто при франкскомъ дворѣ; еще до Ангарія, въ 823 году Людовикъ посылалъ своихъ графовъ Теотарія и Родтмунда въ Скандинавію, для точнаго изслѣдованія этого края; они донесли императору все что могли узнать объ этихъ земляхъ: «*imperator omnia, quae in illis regionibus comperire potuerunt, patefecerunt*» (*Einh. Ann. p. 48*). И Кругъ (*Forsch. I. 169 — 171*) и г. Куникъ приводятъ всевозможныя свидѣтельства о тѣсномъ знакомствѣ Франковъ съ Швеціею 839 года: «какъ же легко было Людовику, говоритъ г. Куникъ (*Beruf. II. 201. Anm.*), получить совершенно вѣрныя свѣдѣнія о народности этихъ Rhos!» Но не по одному же бессмысленному произволу рѣшился онъ задержать ихъ у себя? Отыскивая причину недовѣрчивости франкскаго двора, г. Куникъ останавливается преимущественно на показанной Шведами цѣли ихъ посольства въ Константинополь — *amicitiae causa* (*ibid. 204*). Разборъ предлагаемыхъ по этому поводу объясненій см. въ прим.²⁶²); здѣсь я позволю себѣ замѣтить, что если причиною подозрѣній Людовика не считать двуименности этихъ Свеоновъ-Rhos, останется допустить что въ своей длиннѣйшей объ этомъ дѣлѣ реляціи (бывшей, какъ видно изъ письма Гинкмара, въ рукахъ самаго императора), Пруденцій не сказалъ ни слова о томъ положительномъ фактѣ, который является исходною точкою дѣйствій Людовика. Но это, какъ сейчасъ увидимъ, логически немислимо.

Веденіе государственныхъ лѣтописей (*Reichsannalen*) при Каролингахъ, было дѣломъ не частной инициативы, а официальной обязанностію тѣхъ лицъ изъ духовнаго званія,

на которыхъ оно возлагалось (см. *Ranke, Abh. d. Berl. Akad. 1854. S. 434*). Этимъ, приближеннымъ къ императору лицамъ (Реймскій архіепископъ Гинкмаръ былъ значительнѣйшимъ государственнымъ мужемъ временъ Карла лысаго), предоставлялись всѣ, до ихъ должности касавшіеся официальные документы; собранію таковыхъ положилъ начало самъ Карлъ великій, внесшій въ особую книгу (*Codex Carolinus*) всю свою переписку съ папскимъ дворомъ (см. *Wattenbach, Deutschl. Geschichtsq. 105*). Какъ письмо Теофила (*Kunik, Beruf. II. 205*), такъ и копию съ отвѣта Людовика, Пруденцій имѣлъ слѣдовательно въ рукахъ. Но возможно ли предположить чтобы въ этомъ отвѣтномъ посланіи къ греческому императору, не были изложены причины побудившія Людовика къ болѣе чѣмъ немилостивому обращенію съ людьми, порученными его благосклонности? Людовикъ удержалъ этихъ Rhos у себя (*penes se retinendos iudicavit*) и, разумѣется, въ заточеніи. Такой образъ дѣйствій требовалъ дипломатическаго объясненія, основаннаго на фактѣ коего значеніе было бы довольно важно чтобы оправдать принятія Франкскимъ дворомъ (вопреки народному праву и посольскому званію Свеоновъ - Rhos)²⁶⁸ строгія мѣры предосторожности. Этотъ фактъ намъ хорошо извѣстенъ; люди которые въ Константинополѣ называли себя Rhos, признаны въ Ингельгеймѣ Свеонами, слѣдовательно обманщиками. На этомъ основаніи Людовику было не трудно убѣдить Теофила въ законности своихъ дѣйствій; между тѣмъ, для полнѣйшаго оправданія себя въ глазахъ греческаго императора (ибо и въ IX вѣкѣ учтивость соблюдалась въ интернаціональныхъ отношеніяхъ дворовъ), онъ счелъ

долгомъ прибавить, что въ этихъ Свеонахъ онъ подозрѣваетъ лазутчиковъ подосланныхъ для развѣдки не только Франкской, но и византійской имперіи; въ случаѣ же если они будутъ признаны въ самомъ дѣлѣ виновными, онъ не возьметъ рѣшенія ихъ судьбы на себя, но возвратитъ ихъ въ Константинополь на судъ императора. По всему видно что это дѣло было не безъ важности, по крайней мѣрѣ въ дипломатическомъ отношеніи ²⁶⁴). Теперь если признать дѣйствительными тѣ побудительныя причины дѣйствій Людовика, на которыя указываютъ Кругъ и г. Куникъ, (но о которыхъ не сказано ни слова въ разсказѣ Пруденція), въ какомъ свѣтѣ представится намъ, предназначенная преимущественно для Франкскаго императора, реляція лѣтописи? Окажется что, или Людовикъ, въ письмѣ къ Теофилу, не счелъ нужнымъ объяснить своему союзнику, на какомъ основаніи онъ заподозрѣлъ въ шпіонствѣ порученныхъ его попеченіямъ пословъ и повелѣлъ заточить ихъ; или что Пруденцій выпустилъ изъ своей полу-официальной реляціи объясненіе, безъ котораго поступокъ Людовика являетъ всѣ признаки сумасбродства. И то и другое невѣроятно ²⁶⁵).

Шлецеръ писалъ: «Люди называемые въ Германіи Шведами, Sueones, въ Константинополѣ называютъ себя Руссами, Rhos. Вотъ главное положеніе выводимое нами изъ сего мѣста» (*Ист. Шлец. I. 319*). И я принимаю это положеніе, но только при слѣдующей оговоркѣ: «Люди всегда и вездѣ именующіе себя Шведами, называемые и въ Германіи Шведами, Sueones, назвали себя въ Константинополѣ, въ Апрѣлѣ — Маѣ мѣцѣ 839 года, Руссами, Rhos. По прибытіи ихъ въ Ингельгеймъ, съ посольствомъ

греческаго императора, оказалось что они не Rhos, а Шведы, Sueones. Въ слѣдствіе чего они, какъ обманщики и шпионы, были задержаны по приказанію Людовика».

Кто же однако были эти люди? Шведы на вѣрное; но почему подъ именемъ Rhos?

Посылать посольство въ Константинополь, ради дружбы (*κατὰ φιλίαν*, *Const. P. de adm. imp. ed. Bonn. 144*), въ самомъ же дѣлѣ для полученія подарковъ, было въ обычаѣ варварскихъ, преимущественно тюркскихъ народовъ того времени; о жадности къ подаркамъ Хазарь, Угровъ, Руси свидѣтельствуютъ всѣ греческіе писатели (см. *гл. VIII*). Что и вице-хаганы имѣли своихъ пословъ, знаемъ мы отъ Менандра: «*Postquam fama ad finitimas Turciae gentes pervenerat, legatos Romanorum advenisse, eosque una cum Turcorum legatis Byzantium redire, eius regionis dux Disabulum supplex oravit, ut reipublicae Romanae visendae gratia sibi quoque legatos mittere liceret*» (*Exc. e Menandr. ed. Bonn, 300*). Подобному кievскому династу легко могло прійти въ голову отправить посольство въ Константинополь; величіе и богатство имперіи были извѣстны во всей Черноморіи. Шведовъ онъ послалъ потому что они состояли при немъ дружинниками и были извѣстны ему какъ люди опытные въ бою и въ совѣтѣ; быть можетъ и потому только что они сами вызвались на опасный подвигъ. Что употреблять при посольствахъ иноземныхъ гостей, было въ обычаяхъ того времени, намъ извѣстно (см. *гл. VIII*). Въ Царьградѣ Шведы сказались Русью, то-есть представителями русской народности; иначе и быть не могло; и въ настоящее время,

австрійскіе послы изъ чешскихъ и итальянскихъ магнатовъ, объявляютъ объ австрійской, не о чешской и итальянской народности. Узнавъ объ отправленіи греческаго посольства въ Германію, они вздумали присоединиться къ нему, потому ли что дѣйствительно боялись возвратиться въ Русь по прежней дорогѣ, или потому что надѣялись на получение новыхъ подарковъ въ Германіи. Вернуться въ Кіевъ они могли какъ двинскимъ, такъ и сѣвернымъ варяжскимъ путемъ.

Быть можетъ (и это вѣроятнѣе) они были и обманщики, какъ на примѣръ мнимые послы отъ Ольги къ Оттону: «*Legati Helenaе, reginae Rugorum quae sub Romano imperatore Constantinopolitano, Constantinopoli baptizata est, ficte, ut post claruit, ad regem venientes, episcopum et presbyteros eidem genti ordinari petebant*» (*Pertz I. Const. Regin. ad. ann. 859*). Выдать себя за пословъ отъ Хагана Руси, получить греческіе подарки и, обманувъ Теофила, обмануть и Людовика, было совершенно въ характерѣ тѣхъ Норманновъ, которые по нѣскольку разъ принимали крещеніе (*baptizati et rebaptizati, Bouquet IX, 209*), для того только, чтобы приобрѣсти новыя одежды и подарки.

Людовику, какъ уже сказано выше, не могло не показаться подозрительнымъ что люди, принадлежащіе къ неслыханному на западѣ и безъ сомнѣнія азіатскому народу Rhos (такъ какъ они сказались посланными отъ Хагана Руси; хаганскій же титулъ былъ хорошо извѣстенъ у Франковъ, въ слѣдствіе ихъ сношеній съ Аварами), что эти люди, говорю я, явились на берега Рейна, чтобы оттуда возвратиться по Германіи (*per imperium suum totum*), къ

себѣ, на свою азіатскую родину. Императоръ велитъ навести справки; узнать причину ихъ прибытія въ Германію, *adventus causam*; оказывается что эти Rhos — Шведы. На сдѣланный имъ запросъ, эти Шведы (безъ сомнѣнія уже заранѣе приготовившіеся къ отвѣту) объявляютъ что на востокѣ, въ сосѣдствѣ и подъ властію Хазарь, есть дѣйствительно народъ Русь, состоящій подъ управленіемъ «царя, который зовется Хаканъ-русь» (*Ибнъ-Даста*); что они, Шведы, дружинники и гости Хакана Руси, отправлены имъ послами къ греческому императору, ради дружбы; что въ Константинополѣ, они должны были сказать себя, то-есть народъ отъ котораго были посланы, Русью; что имъ удобнѣе возвратиться на Русь варяжскимъ, нежели черноморскимъ путемъ; наконецъ, что если бы они были обманщики, то конечно бы не явились ко двору Людовика, гдѣ ихъ тотчасъ же должны были признать Шведами. Это объясненіе было естественно и правдоподобно; оставалось узнать, все ли дѣйствительно обстоитъ какъ они говорили. Но добиться на Рейнѣ, извѣстій о Руси 839 года, было дѣломъ времени и случая ²⁶⁶).

XIX.

АХМЕДЪ-ЭЛЬ-КАТИВЪ. — ЛУДПРАНДЪ.

О присутствіи въ древнерусской исторіи скандинавскаго элемента говорятъ, какъ наши лѣтописи (варяжскій путь, варяги-союзники Олега, Игоря и Владимира; договоры и пр.), такъ и скандинавскія Саги Олафа Тригвасона, Эймунда и т. д. О раннихъ сношеніяхъ Скандинавовъ съ востокомъ свидѣлствуютъ открытые въ Швеціи, Норвегіи, Даніи многочисленныя клады куфическихъ монетъ; съ Греціею, кромѣ сагъ и византійскихъ исторій, находямыя въ руническихъ (иногда до-христіанскихъ) надгробныхъ надписяхъ, прозванія Girdski, Gerski, Gyrdskur, которыми отличали себя Норманны, ѣздившіе въ Константинополь и въ Русь.

На Руси Норманны слыли подъ общимъ именемъ варяговъ.

На востокѣ и въ Греціи они причислялись къ Руси и были называемы Русь. Почему, мы скоро увидимъ. Существованіе самаго факта неоспоримо; его научное значеніе въ нашей исторіи опредѣляется слѣдующею, на положитель-

ныхъ данныхъ основанною оговоркою: Норманны дѣйствительно являются въ иныхъ извѣстныхъ случаяхъ подѣ именемъ Руси, но у писателей тѣхъ только народовъ, или имѣвшихъ дѣло съ тѣми только народами, къ которымъ они приходили черезъ Русь или вмѣстѣ съ Русью. Таковы были Арабы и Греки; таковы, между западными лѣтописцами— Пруденцій и Ліудпрандъ. У себя дома и у тѣхъ лѣтописцевъ, которые знали ихъ не по арабскимъ или по византійскимъ извѣстіямъ, Норманны никогда не именуется Русью. Ясно, что этимъ наименованіемъ они обязаны своимъ отношеніямъ къ славянской Руси.

Недосмотръ этого основнаго историческаго явленія произвелъ не мало замѣшательства въ вопросѣ о началахъ русскаго народа.

Первымъ связующимъ началомъ между Норманнами и землю восточныхъ Славянъ были сношенія (преимущественно торговыя) съ востокомъ и Греціею. Что торговыя сношенія Руси съ востокомъ предшествовали скандинавской торговлѣ, естественно; эти сношенія восходятъ исторически до послѣднихъ годовъ VII вѣка, «хотя, говоритъ Савельевъ (*Мухамм. Нум. XLV*), вѣроятно, они существовали (впрочемъ въ меньшемъ размѣрѣ) и въ шестомъ и въ пятомъ столѣтіи». Норманны стали принимать въ нихъ участіе едва ли прежде VIII—IX вѣка. Немногіе изъ нихъ, и сначала вѣроятно не часто, ходили сами въ Итилъ и въ Болгаръ; основанная на взаимныхъ выгодахъ торговля производилась преимущественно по передачѣ отъ Норманновъ Славянамъ, отъ Славянъ Арабамъ и на оборотъ;

о такой скандинавской торговлѣ по передачѣ, свидѣтельствуеъ и Горнандъ въ VI вѣкѣ: «Hi (Suethans) quoque sunt, qui in usus Romanorum saphirinas pelles, commercio interveniente, per alias innumeras gentes transmittunt» (*de reb. Get. cap. 3*). Здравый смыслъ, указывающій на торговлю Норманновъ съ востокомъ, какъ на одну изъ вѣтвей древнѣйшей русской торговли, убѣждаетъ насъ и въ ея невозможности безъ предварительныхъ, дружескихъ сношеній съ славянскими племенами-посредниками. Не тремястами гривень платимыхъ варягамъ мира дѣля, не мнимымъ родствомъ между Русью и Скандинавами объясняются ихъ не рѣдко пріязненные отношенія къ восточнымъ Славянамъ со второй половины IX вѣка, а самую необходимость мира, которымъ предоставлялось Норманнамъ несравненно болѣе выгодъ невѣрнаго по своимъ результатамъ нападенія на славянскія земли³⁶⁷). Тѣ изъ нихъ, которые ходили сами въ Болгарь и Итиль, примыкали безъ сомнѣнія къ русскимъ караванамъ, пользуясь такимъ образомъ русскимъ знаніемъ мѣстностей и обычаевъ; въ Итилѣ жили на русскомъ подворіи; слыли подъ именемъ Руси и называли себя Русью, такъ точно какъ нѣмецкій купецъ, ѣздящій для торговли въ Кяхту, долженъ называть себя и быть называемъ русскимъ у Китайцевъ. У тѣхъ изъ арабскихъ писателей, которымъ были извѣстны племенные подразделения Руси, Норманны, приходившіе въ Болгарь и Итиль съ сѣверными, словенскими караванами, причислялись къ словенскому (новгородскому) племени. Такъ у Масуди: «Руссы состоятъ изъ многихъ, различныхъ народовъ. Одинъ изъ нихъ называется Лодагія (Ладожане) и есть

многочисленнѣйшій. Сии (Ладожане) производятъ торговлю въ Испанію, въ Римъ, Константинополь и Хозарію» (*Fraehn, Ibn-Fozal. 71. 174*). Это извѣстіе относится не къ однимъ Новгородцамъ; подъ именемъ Ладожанъ здѣсь должны быть сокрыты Норманны.

Сношенія Норманновъ съ Греками основаны на тѣхъ же началахъ. Они или участвуютъ въ походахъ Руси противъ Грековъ, въ качествѣ наемниковъ, или торгуютъ съ Русью, или вмѣстѣ съ Русью вступаютъ на службу къ греческимъ императорамъ. Приходятъ они всегда черезъ Русь и до конца X вѣка не иначе какъ съ Русью; живутъ на русскомъ подворіи у св. Мамы («и приходящимъ имъ, да витають у святого Мамы» *догов. Игор.*); вступаютъ въ русское отдѣленіе флота и т. д. Норманновъ (хоть и не однихъ) узнаемъ мы въ иноземцахъ гостяхъ, о которыхъ упоминается въ договорахъ: «да приходятъ Русь, хлѣбное емлють, елико хотять, и иже придуть гостье, да емлють мѣсячину на 6 мѣсяць» и т. д. (*Дог. Олега Лагер. 13*). «О томъ аще украденъ будетъ челядинъ Рускый, или въскочить... да имуть ѿ въ Русь; но и гостье погубиша челядинъ, и жалуютъ, да ищутъ ѿ» и т. д. (*тамъ же, 15*)²⁶⁸. Эти гости отличаются отъ Руси не только оказанными Руси передъ ними явными преимуществами, но и народностию; гость противопологается Руси; челядину русскому, т. е. принадлежащему Руси, — гостиный. По смыслу статьи «о работающихъ въ Грецѣхъ Руси», наслѣдіе Русина передается въ Русь «отъ взимающихъ куплю Руси»; наслѣдіе иноземца «отъ различныхъ ходящихъ въ Греки». Безъ русской княжеской грамоты («аще ли безъ

грамоты придуть» и т. д.) не допускался въ Царьградъ никто изъ приходившихъ въ Грецію черезъ Русь; мы видимъ, что и въ концѣ XV столѣтія, Новгородцы не дозволяли литовскимъ гостямъ торговать съ Нѣмцами помимо себя: «а гостю твоему торговати съ Нѣмци нашею братьею» (*Догов. 1471 г. съ Казим. польск. изд. Тоб. 118*). Греки не могли и не хотѣли обращать вниманія на случайности народныхъ отличій между варварами наемниками или купцами. «Qui cupit in Farganos aut Chazaros recipi, solvit litras septem» говоритъ Константинъ (*de Cerim. ed. Bonn. I. 693*). Желаящіе могли вступать въ отдѣленіе Фаргановъ или Хазарь, не будучи ни Хазарами, ни Фарганами.

Не забудемъ, что у Норманновъ, какъ и у прочихъ народовъ среднихъ вѣковъ, было въ обычаѣ прилагать себѣ имя того народа, съ которымъ они вели торговля или инья сношенія. Русскіе купцы, торговавшіе съ Греціею, назывались Гречниками и просто Греками «... Половци... шедше въ пороги начаша пакостити Гречникомъ» (*Ипат. 93*). «Въ се же лѣто Давыдъ зая Гръкы въ Олешьи» и пр. (*Давр. 88*)²⁶⁹. Поляками назывались Чехи, торговавшіе съ Польшею: «in sola Praga 1200 divites mercatores erant, qui Lechiaci dicti assidue ibi commorabantur» (*J. Hussii doct. et res gestae a M. Zachar. Theob. jun. 6*); Рузаріями—регенсбургскіе купцы, ѣздившіе въ Русь для торговли: «Ruzarii quocunque tempore vadant (in Russiam), duo talenta solvant, et in reditu ex Ruzia, dimidium talentum» (*грам. Леон. австр. 1190 г. у Поход. Изслѣд. III. 267. прим. 631*). Норманны именовали своихъ гречниковъ

Греками Gerski, Gerskir; Дальманнъ (*Forsch. I. 263*) полагаетъ, что Gerski, Girski означаетъ не Грека а Русина (обитателя Гардарикѣи) и есть ничто иное какъ измѣненное Gardski отъ Gardhr, Gardhar. Если такъ, то встрѣчаемое въ руническихъ надписяхъ Gerski (Gardski) оказывается туземнымъ, скандинавскимъ переводомъ того имени, которымъ Норманны отличали себя и были отличаемы на востокѣ и въ Греціи, т. е. имени Русь. Подъ этимъ именемъ должно искать ихъ у Грековъ, до учрежденія особаго варангскаго корпуса, въ послѣдніе года X вѣка.

Совокупностію этихъ обстоятельствъ объясняется, поразившее всѣхъ изслѣдователей древнерусской исторіи, перенесеніе русскаго имени на Норманновъ; но, повторяю, это явленіе ограничивается тѣми источниками, которымъ они извѣстны по своимъ отношеніямъ съ востокомъ и Греціею, при посредничествѣ Руси. Норманны, какъ особое германское племя, Скандинавія, какъ особая сѣверная земля, неизвѣстны Арабамъ и Грекамъ. Понимая скандинавскихъ пришельцевъ подъ общимъ именемъ Руси (если и допустить, что они умѣли отличать одинъ народъ отъ другаго), они слѣдовали принятому искони обыквенію разумѣть подъ однимъ какимъ-нибудь общимъ названіемъ всѣ варварскія народности, состоявшія между собою въ географической, или торговой, или иной связи. Для Грековъ всѣ народы, жившіе на сѣверъ отъ Чернаго моря были Скивами; по сношеніямъ южныхъ Славянъ съ Гуннами и Аварами, они причисляютъ ихъ къ Аварамъ и Гуннамъ: на востокѣ и до нынѣ всѣ западно-европейскіе народы — Франки. «Было время», говоритъ Шлецеръ (*Ист. I. 202*),

«въ которое слово Угры, Унгары употреблялось лѣтописателями точно какъ слово Турки и Гунны; всякому, вновь пришедшему съ востока, дикому народу давали они это названіе, пока не узнавали его короче».

Этого - то обычнаго историческаго явленія не хотѣли понять, въ жару своихъ полемическихъ увлеченій, тѣ самые изслѣдователи, которымъ, кажется, такъ естественно смѣшеніе волжскихъ Болгаръ съ Славянами у Якута (*Fraehn, Ibn-Foszl. LV*) и даже совершенное перенесеніе на Болгаръ славянскаго имени (*Сенковск. Библ. д. ч. I. 40*).

Только при одинаковомъ перенесеніи русскаго имени на Норманновъ, становятся понятны противорѣчія арабскихъ писателей въ ихъ извѣстіяхъ о языческой Руси. «Иные изъ Руси», говоритъ Димешки (*Fraehn, Ibn-Foszl. 73*), «брѣютъ себѣ бороду, другіе красятъ ее желтою краскою». Въ послѣднихъ мы угадываемъ Норманновъ; (см. *м. X. 362. прим. 191*). Къ Норманнамъ, принимавшимъ участіе въ походѣ 968—969 года Руси на Болгаръ, относится отчасти и приводимое у Ибнъ-Гаукала извѣстіе, что тотчасъ по раззореніи Итиля и Семендера, они (Руссы) пошли на Грецію (*Rum*) и Испанію (*Andalus. — Fraehn, I. F. 63, 64*²⁷⁰). На Грецію пошла славянская Русь съ Святославомъ; въ Испанію отправилась ббольшая часть Норманновъ, которыхъ, собственно въ своемъ войскѣ, Святославъ, кажется не терпѣлъ.

И такъ Норманны являются подъ именемъ Руси у арабскихъ и византійскихъ писателей, какъ: Маляры подъ именемъ Турковъ у тѣхъ-же византійскихъ писателей; Болгары — подъ именемъ Славянъ у Якута; Мордва — подъ

именемъ Руси у Ибн-Гаукала; Авары — подь именемъ Гунновъ у Грековъ; Славяне — подь именемъ Аваровъ и Гунновъ; Русь — подь именемъ Грековъ у Адама бременскаго; а въ настоящее время, у европейскихъ народовъ всѣ кавказскія племена подь общимъ названіемъ Черкесовъ.

Теперь становится понятно почему Норманны никогда не именующіе себя Русью въ своихъ туземныхъ историческихъ документахъ, неизвѣстные подь этимъ именемъ и западнымъ лѣтописцамъ, знавшимъ ихъ по прямымъ съ ними сношеніямъ, являются подь именемъ Руси у арабскихъ писателей, а до водворенія въ Греціи варангскаго имени, и у греческихъ (или у ихъ западныхъ передатчиковъ), т. е. у писателей такихъ народовъ, которые знали Норманновъ не иначе какъ по ихъ сношеніямъ съ славянскою Русью.

Этотъ фактъ даетъ намъ ключъ къ объясненію двухъ, многоизвѣстныхъ въ исторіи варяжскаго вопроса, письменныхъ иноземныхъ свидѣтельствъ.

Ахмедъ-эль-Катибъ.

Египетскій уроженецъ Ахмедъ-эль-Катибъ, писавшій свою книгу земель въ 889—891 году, говоритъ: «на западъ отъ города именуемаго Elg'esira (Algesiras) есть городъ именуемый Ischibilija (Sevilla), лежащій на большой рѣкѣ, которая есть рѣка Кордобы. Въ этотъ городъ ворвались въ 229 году (844 по Р. Х.) невѣрные (Mag'us), именуемые Русью (el-Rus), и грабили, и разбойничали, и топили, и жгли» (*Fraehn, Bullet. de l'Acad. 1838. T. IV. № 9. 10. — Kunik, Beruf. II. 285 — 320*).

Мы узнаемъ изъ свидѣтельства христіанскихъ и арабскихъ историковъ, что эти невѣрные, грабившіе Севилью въ 844 году, были никто иные какъ Скандинавы, Норманны (см. *Кипик*, I. с.).

Отсюда Норманская школа заключаетъ: Норманны, грабившіе Севилью въ 844 году, именуются Русью у Ахмедъ-эль-Катиба; слѣдовательно Норманны и Русь одинъ и тотъ-же народъ; имя Руси есть племенное или общинное имя Норманновъ.

Прежде всего, откуда у Ахмедъ-эль-Катиба имя Руси для Норманновъ 844 года?

Ахмедъ-эль-Катибъ, говорятъ, вѣроятно былъ лично въ мухаммеданскихъ земляхъ западной Африки; здѣсь онъ узналъ имя Руси для Норманновъ 844 года отъ Арабовъ, которымъ оно было сообщено Шведами, взятыми въ плѣнъ послѣ неудачной осады Севильи и ихъ пораженія Абдерраманомъ (см. *Кипик* I. с. 288* и 316).

Но не говорили же эти шведскіе плѣнники своего русскаго имени только тѣмъ Арабамъ, которымъ было суждено передать его Ахмедъ-эль-Катибу! Подъ этимъ русскимъ именемъ должны были узнать ихъ и сражавшіеся съ ними испанскіе Мавры, и Рамировы Астурійцы. Почему же современная албайльдская хроника и другія христіанскія лѣтописи, знаютъ не Русь, а однихъ только Норманновъ? Почему арабскіе лѣтописцы, повѣствующіе о нашествіи 844 года, безъ сомнѣнія по современнымъ источникамъ, знаютъ не Русь, а однихъ только Mag'us?

Если въ 844 году Шведы назвались Русью въ Испаніи, отчего не назвались они Русью, и прежде и послѣ

844 года, въ Германіи, въ Англіи, во Франціи? Сначала г. Куникъ думалъ, что, исключительно занятые набѣгами на восточныя земли, они не участвовали въ походахъ Норвежцевъ и Датчанъ на западныя (*Veruf. I. 152, 153*); во второй части своей книги (*313 ff.*) онъ беретъ это положеніе назадъ и не безъ основанія; къ собраннымъ у него доказательствамъ можно прибавить свидѣтельство древней хроники (*Chron. vet.*) у Дюшена: *Dani Sueuicque, quos Theotisti Norman. Aquilonares appellant, a Turoni S. Martini precibus fugati sunt, tempore Caroli Stulti. Hi per XL annos nunc Ligerim, nunc Sequanam invehantur, urbes vastantes*». Но если такъ, то непонятно, какимъ образомъ имя Руси, которымъ Шведы отличаютъ себя постоянно и исключительно въ Россіи, въ Греціи и на востокѣ, является для нихъ на западѣ только разъ и только у одного писателя въ 844 году.

Ахмедъ-эль-Катибъ, путешествовавшій изъ одной страсти къ наукѣ по многимъ мухаммеданскимъ землямъ, бывшій, какъ полагаютъ, и въ западной Африкѣ, посѣтилъ, безъ сомнѣнія, и приволжскія мухаммеданскія владѣнія, о которыхъ, должно быть, говорилъ въ недосшедшихъ до насъ главахъ объ Арменіи и кавказскихъ странахъ. Передъ нимъ были стало-быть двѣ категоріи источниковъ (западная и восточная) его свѣденій о Норманнахъ вообще, о Норманнахъ 844 года въ особенности. На западѣ или по извѣстіямъ съ запада онъ узналъ, что *Mag'us* (арабское *appellativum* Норманновъ) разорили Севилью въ 844 году; на востокѣ, что эти *Mag'us* приходятъ для торговли въ Итилъ и Болгарь, и слывуть у его едино-

вѣрцевъ подъ общимъ именемъ Русь. Въ 889—891 годахъ это имя было уже извѣстно Арабамъ въ слѣдствіе воинскихъ предпріятій Аскольда и Олега; мы знаемъ что въ нихъ участвовали и Норманны-варяги. Ахмедъ-эль-Катибъ соединяетъ въ одно, полученныя имъ изъ двухъ разныхъ источниковъ, свѣденія, и разорителей Севильи называетъ «невѣрными, которыхъ именуютъ Русью» *el mag'us ellesine jukal lehum el-Rus* ²⁷¹).

При повѣствованіи о походѣ Руси на Болгаръ въ 969 году, византійскій Грекъ сказалъ бы «οὗ Ῥῶς οὗ καὶ Ταυροσκηῶται λεγόμενοι» ворвались въ Болгаръ и сожгли его.

У арабскихъ писателей, какъ западныхъ, такъ и восточныхъ, Норманны, даже послѣ крещенья, именуются постоянно и исключительно *Mag'us*. Это имя для Скандинавовъ перешло едва ли не въ особое, этнографическое названіе (см. *Kunik, Beruf. II. 310 ff.*). О *Mag'us* 844 года знаютъ, изъ восточныхъ писателей, Масуди и Абульфедда: «*Noch vor dem Jahre der H. 300 waren in Spanien Seeschiffe gelandet, mit Tausenden von Menschen angefüllt, die die Küsten mit Verheerung überzogen. Die Einwohner Spaniens hielten sie für ein Magier-Volk*» (*Mas'udy ap. Fraehn I. F. 137.*) — «*Im Jahre 230 (d. i. 844 od. 845) landeten die Madschus an den äussersten Küsten von Spanien und drangen siegreich bis vor Sevilla*» (*Abu'l-feda ibid. 138*). Но если Русь — Норманны, т. е. *Mag'us*, почему не именуются они *Mag'us* ни у Масуди, ни у Абульфеды, ни у Ибнъ-Фоцлана, ни у Муккадези, ни у кого изъ другихъ арабскихъ писателей? Отвѣтъ находимъ

у г. Куника: Арабы не прилагали имени *Mag'us* славянскимъ народностямъ (*Beruf. II. 306*). Если же въ извѣстныхъ случаяхъ, или по невѣденію, или по принятому обыкновенію, они и понимали подъ именемъ Руси приходившихъ на востокъ, вмѣстѣ съ Русью, отдѣльныхъ Норманновъ, то все-же знали, что Русь славянскій (или даже тюркскій), но отнюдь не скандинавскій народъ ¹⁷³).

Людпрандъ.

«Habet quippe (Cplis) ab Aquilone Hungaros, Pizenacos, Chazaros, Russios, quos alio nomine nos Nortmannos appellamus, atque Bulgaros nimium sibi vicinos» (*Lindpr. hist. l. I. cap. 3*).

«Gens quaedam est sub Aquilonis parte constituta, quam a qualitate corporis Graeci vocant Russos, nos vero a positione loci vocamus Nordmannos. Lingua quippe Teutonum Nord aquilo, man autem mas, seu vir dicitur, unde et Nordmannos, Aquilonares homines dicere possumus. Hujus denique gentis Rex Inger vocabulo erat, qui collectis mille, et eo amplius navibus Constantinopolim venit» (*ibid l. V. cap. 6*).

Желая по возможности возвысить цѣну этихъ свидѣтельствъ Людпранда о тождествѣ Руси и Норманновъ, Кругъ (*Forsch. I. 193*) представляетъ его однимъ изъ ученѣйшихъ мужей своего времени, свѣдущимъ въ нѣмецкомъ, латинскомъ и греческомъ языкахъ. Скорѣе бы можно (вмѣстѣ съ Шлецеромъ, *Hest. III. 47, 48*) назвать его полуученымъ педантомъ, охотникомъ до цитатъ изъ Виргилія и Цицерона, а пуще всего до классическихъ и не

классических словопроизводствъ. Лангобардъ по рожденію, Италіанецъ по воспитанію и по образу мыслей, онъ мало заботится о точности своихъ этнографическихъ показаній и въ этомъ отношеніи далеко отстоитъ отъ писавшаго слишкомъ за сто лѣтъ до него Эйнгарда. Въ 949 году онъ былъ въ Константинополѣ посломъ отъ короля Беренгара; въ 968 отъ императора Оттона II. По убѣжденію эльвирскаго епископа Ресемунда, онъ написалъ въ 958 году, въ Франкфуртѣ на Майнѣ, исторію подъ заглавіемъ: *Liudprandi Ticinensis Ecclesiae Levitae rerum ab Europaе Imperatoribus et regibus gestarum lib. VII.* Описание посольства 968 года помѣщено въ бонскомъ изданіи Льва Діакона р. 343 — 373.

Эверсъ (*Krit. Vorab. 139*) доказывалъ, что Ліудпрандъ причислялъ къ Норманнамъ всѣ народы, которые слыли у Грековъ подъ названіемъ сѣверныхъ, т. е. Венгровъ, Печенѣговъ, Русь и т. д.; Кругъ замѣчаетъ справедливо (*Forsch. I. 116. Anm. 3 u 194 ff.*), что онъ слѣдовалъ не греческому, а франкскому словоупотребленію; но онъ, кажется, ошибается на счетъ значенія норманскаго имени у Франковъ и Ліудпранда.

Говоря вообще, нѣтъ сомнѣнія, что подъ именемъ Норманновъ, германо-латинскіе писатели среднихъ вѣковъ понимаютъ обыкновенно или однихъ Норвежцевъ или только три скандинавскихъ народа. Между тѣмъ есть случаи, въ которыхъ это имя прилагается и не однимъ Скандинавамъ и на такое распространенное значеніе норманскаго имени у франкскихъ лѣтописцевъ указываютъ слова Адама бременскаго: «*Dani vero et Sueones, ceterique trans Daniam*

populi, ab historicis Francorum omnes Nordmanni vocantur, cum tamen Romani scriptores eiusmodi vocent hyperboreos, quos Marcianus Capella multis laudibus extulit» (*cap. 220*).

По мнѣнію Круга (*I. 10 **), Адамъ б. хотѣлъ сказать: имя Нордманновъ есть племенное названіе Норвежцевъ; франкскіе лѣтописцы прилагаютъ его ошибочно всѣмъ Скандинавамъ. («Auch bei Adam v. Bremen sind Nordmanni in der Regel Norweger; nur da, wo er Franken ausschreibt, wird der Ausdruck von allen drei Nordischen Völkern gebraucht, wie pag. 2, 5, 7, 18 u s. w.»)

Уже Дальманъ замѣтилъ (*Gesch. v. Dänem. I. 68 Anm. 1*), что Адамъ б. зоветъ и Шведовъ Норманнами. Напр. въ слѣдующемъ, собственно ему принадлежащемъ мѣстѣ: «Quippe Sueones et Gothi, vel ita, si melius dicuntur Nordmanni, propter barbaricae excursionis tempora, qua paucis annis multi reges cruento dominati sunt imperio, Christianae religionis penitus obliti, haud facile poterant ad fidem persuaderi. Accerimus autem a saepe dicto rege Danorum Svein» etc. (*cap. 49*). Онъ не могъ возставать противъ употребленія франкскими лѣтописцами слова Nordmanni въ общемъ смыслѣ Скандинавовъ, когда самъ именуетъ Норманнами Шведовъ и Готовъ и притомъ указываетъ на это словоупотребленіе какъ на лучшее: vel ita, si melius dicuntur Nordmanni²⁷⁸). Объ общности норманскаго имени для Скандинавовъ у германскихъ лѣтописателей свидѣтельствуетъ и древне-франкская хроника у Дюшена: «Dani Suevique, quos Theotisci Norman. i. e. Aquilonares appellant» (*Chron. a Pipino usque ad Ludov. VII*).

Въ предположеніи Круга, выраженіе: «Ceterique trans Daniam populi» должно относиться къ Норвежцамъ. Но Норвежцы, Nordmanni по преимуществу, понимаются сами собою подъ названіемъ Норманновъ. Такъ у Эйнгарда: «Dani et Sueones quos Nordmannos vocamus» *Annal. p. 6*); въ приведенной выше древней хроникѣ у Дюшена: «Dani Suevique quos Theotisci Normaf i. e. Aquilonages appellant». Не хотѣли же они сказать, что у Германцевъ и Франковъ Норманнами называются Датчане и Шведы, за исключеніемъ Норвежцевъ. Адаму б. было извѣстно для Норвежцевъ, кромѣ племеннаго Nordmanni, и другое племенное Norwegi (*cap. 238, 239, 240: Norwegia, Nordwegia*). Онъ сказалъ бы: «Dani vero et Sueones, nec non Norwegi», еслибы словами «ceterique trans Daniam populi» онъ не означалъ и не скандинавскія, за Данією живущія племена. Приступая къ своему libellus de situ Daniae, онъ говоритъ: «Non incongruum videtur, simul etiam de situ Daniae, vel reliquarum, quae trans Daniam sunt, regionum natura scribere.» Подъ этими «остальными за Данією находящимися краями» онъ понимаетъ, кромѣ Скандинавіи, земли Славянъ, Эстовъ и Финновъ.

Онъ сравниваетъ употребленіе слова Nordmanni у франкскихъ историковъ съ употребленіемъ слова Hurgobogei у римскихъ. Но извѣстно, что у Римлянъ и Грековъ имя Гипербореевъ не прилагалось никакой опредѣленной народности, а поочередно всѣмъ, на отдаленномъ сѣверѣ обитавшимъ народамъ. Что именно Адамъ разумѣлъ подъ выраженіемъ Hurgobogei, видно изъ его словъ: «Quatuor

omnes Hyperborei hospitalitate sint insignes (срвн. его описание Прусс: homines humanissimi, qui obviam tendunt ad auxiliandum hiis, qui in mari periclitantur *cap. 227*), praecipui sunt nostri Sueones» etc. (*cap. 229*).

Какъ Франкскій лѣтописецъ (Dani Suevique quos Theotisci Norman appellant) свидѣтельствуесть объ исключительности норманскаго имени для Скандинавовъ у германскихъ этнографовъ, такъ Адамъ бременскій (Dani vero et Sueones, ceterique trans Daniam populi, ab historicis Francorum omnes Nordmanni vocantur) о распространеніи норманскаго имени и на нескандинавскія народности, у Франкскихъ историковъ.

Къ кому именно относится упрекъ Адама, увидимъ ниже; Эйнгардъ употребляетъ всегда слово Nordmanni въ смыслѣ Скандинавовъ; но въ приписываемой Эйнгарду лѣтописи *Annales Regum Francorum, Pipini, Caroli Magni et Ludovici*, читаемъ подъ 798 г.: «Transalbiani autem qui Nordmanni vocantur, superbia elati, eò quod legatos regis impunè occidere potuerunt» etc. У Фолькуина († 990) *de gestis abbatum Lobiensium* § 16: «Gens quaedam Aquilonaris, de qua forte dictum est: ab Aquilone pandetur omne malum; quam plerique Nortalbincos (var: Northabbrincos), alii usitatus Nortmannos vocant, pyratiam agens, novo et inaudito retro ante temporibus modo, Franciam est aggressa» etc. (*Pertz, VI. 61*). У Рабана Мавра (ар. *Goldast script. rer. alem. II. P. I. p. 67*): «Litteras quippe, quas (sic) utuntur Marcomanni, quos nos Nordmannos vocamus, infra scriptas habemus; a quibus originem, qui Theodiscam loquuntur linguam, tra-

hunt; cum quibus carmina sua incantationesque ac divinationes significare procurant, qui adhuc paganis ritibus involvuntur.» Въ первомъ изъ этихъ мѣстъ, гдѣ Норманнами названы Transalbiani-Саксонцы, Кругъ предлагаетъ читать Nordliudi вмѣсто Nordmanni (*Forsch. I. 66*); о второмъ онъ доказываетъ что Nortalbinci — Nortmanni Фолькуина были дѣйствительно Скандинавы. Онъ правъ; но изъ сличенія обоихъ извѣстій, все-же видно, что названія Трансальбинговъ, Норделбинговъ и Норманновъ употреблялись не рѣдко для обозначенія всего заальбскаго сѣвера; при исключительно скандинавскомъ значеніи норманскаго имени, такое смѣшеніе именъ и понятій было бы невозможно. Маркоманновъ Рабана Мавра нельзя считать Скандинавами (*Krug, ibid. I. 81*), не доказавъ предварительно, что ихъ руническій алфавитъ былъ не сакскаго, а сѣвернаго происхожденія; многозначительно въ этомъ отношеніи сужденіе В. Гримма: «Ihre, de runar. patria ist gleichfalls der Meinung, dass die Markomannen des Hrabanus die überelbischen Saxen seyen, stützt aber darauf zum Theil seine seltsame Behauptung von dem Ursprung der Runen in Deutschland. Suhm crit. Historie af Danmark I. 158 — 65. 291 — 97, widerspricht ihm, und will die Markomannen durchaus in Dänemark suchen, mithin unser Alphabet zu einem nordischen machen; diese Ansicht widerlegt sich indessen schon durch die bloße Bemerkung, dass diese Runen von den nordischen gar sehr verschieden sind; auch sind die Worte des Hrabanus klar» (*W. Grimm, Ueb. d. Run. 152**). Самое выраженіе «qui adhuc paganis ritibus involvuntur» идетъ скорѣе къ крещенымъ уже при

Карлѣ В. Саксамъ, нежели къ еще почти совершенно языческой въ эпоху Рабана (839—863) Скандинавіи.

Разумѣлись ли при случаѣ и поморскіе Славяне подъ названіемъ Норманновъ? Это слѣдуетъ уже изъ общности географическихъ наименованій Transalbani, Nordalbingi, Marcomanni, Nordliudi. Anonym. Saxo (in *Menken Script. rer. Germ. II. p. 65*): «Carolus M. assumpsit etiam populum Transalbinum ad 10,000 utriusque sexus et per omnes terras distribuit, unde hodie per Teutonium Slavicæ villae inveniuntur.» Adam brom. cap. 83: «Tunc Slaui à Christianis iudicibus plus iusto compressi, excusso tandem iugo seruitutis, libertatem suam armis defendere sunt coacti. Principes autem Winulorum erant Mizzidrog et Mistrowoi, quorum ductu seditio inflammata est. Hiis ergo ducibus Slaui rebellantes, totam primo Nordalbingiam ferro et igne depopulati sunt. Deinde reliquam peragrantes Slauaniam, omnes Ecclesias incenderunt, et ad solum usque diruerunt.» Helmold I. cap. 58: «Vocantur autem usitato more Marcomanni gentes undecunque collectae, quae Marcam incolunt. Sunt autem in terra Slavorum Marcae quamplures, quarum non infima nostra Wagirensis est provincia, habens viros fortes et exercitatos praeliis tam Danorum, quam Slavorum» (cfr. *ibid. cap. 87*). Уже Эйнгардъ писалъ ad ann. 799: «Saxones de Nordluidis»; глоссаторъ XII вѣка (*Archiv d. Gesellsch. f. teut. Gesch. III. 365*) переводитъ: «Gothi, Meranare; Wandali, Nortlute; Amelungae, Baiog.» Но въ XII ст. Вандалами назывались исключительно Венды. О родствѣ, или лучше сказать о смѣшеніи Саксовъ и Вендовъ,

есть и другія свидѣтельства; *Chronic. Quedlinburg. ad. ann. 804: Wagri Saxones; Ordericus Vitalis (IV p. 513)* утверждаетъ, что около половины XI вѣка, въ землѣ Лутичей было племя, поклонявшееся Водану, Тору и Фреѣ; *Chron. Pulkawaе p. 17 a. 1100 — 1156*, что до XII столѣтія население бранденбургской Марки состояло изъ смѣси Славянъ и Саксовъ.

Изъ прямыхъ свидѣтельствъ о приложеніи Славянамъ норманскаго имени, я знаю только два. *Annal. Fuldens. ad. ann. 889 (Pertz I. 406)* повѣствуютъ: «*Advenientibus etiam ibidem (т. е. въ Forchheim) undique nationum legatis Nortmannorum, scilicet ab aquilone Sclavanorum, pacifica optantes, quos rex audivit et sine mora absolvit.*» Въ тѣхъ же *Annal. Fuldenses ad ann. 880* упоминается о епископѣ Марквардѣ, убитомъ въ сраженіи противъ Норманновъ; а въ *Chron. Hildesheim. (Pertz IX, 851)*: «*Marcquardus dehinc quintus episcopus successit, qui etiam in Gandesheim trabes aecclesiae posuit, qui 4 ordinationis suae anno occisus est a Sclavis.*»

Увѣрять, послѣ приведенныхъ примѣровъ, что подъ названіемъ Норманновъ, Лудпрандъ долженъ былъ непременно разумѣть только три скандинавскихъ народа, требованіе рѣшительно невозможное. Онъ писалъ въ Франкфуртѣ на Майнѣ, одномъ изъ центровъ тогдашней образованности; ему были хорошо извѣстны тѣ *Dani-Nortmanni*, которыхъ онъ описываетъ разорителями Кельна, Ахена, Триера (*III. c. 13. — IV. c. 7*); онъ не могъ полагать ихъ между Венгровъ, Печенѣговъ и Хазарь, ни считать кievскаго Игоря владыкою всѣхъ Норманновъ вообще (*hujus denique gentis*

Rex Inger vocabulo erat). Ясно что онъ говоритъ только о томъ народѣ который назывался у Грековъ 'Ρῶς (т. е. о кievской Руси) и который онъ, Лiудпрандъ, причисляетъ къ Норманнамъ, какъ по сѣверному его положенiю (a positione loci), такъ и по паціональному свойству съ тѣми племенами, которыя у Франкскихъ историковъ (поз.... vocatus) обыкновенно слывутъ подъ названiемъ сѣверныхъ, aquilonares, Nortmanni. Всего рѣшительнѣе повлiали на этническую терминологию его, извѣстiя о народѣ 'Ρῶς, которыя ему сообщилъ его отчимъ, бывший въ Константинополѣ посломъ отъ короля Гугона и очевидцемъ пораженiя Игоревой Руси: «Quoniam meus vitricus, vir gravitate ornatus, plenus sapientiae, regis Hugonis fuerat nuncius; pigrum non sit mihi inserere quod eum de imperatoris sapientia et humanitae, et qualiter Russios vice-rit, audiui saepius dicere» (*V. cap. 5*).

Отчимъ Лiудпранда присутствовалъ при казни русскихъ плѣнниковъ въ Царьградѣ: «Quos omnes Romanus in praesentia Hugonis nuncii, vitrici scilicet mei, decollari praesepit» (*ibid. cap. 6*). Что въ числѣ Игоревыхъ войскъ былъ варяги и Печенѣги (срвн. *Лавр. подъ 944 г.*: «Игорь же совокупивъ вои многи, Варяги, Русь, и Поляны, Словѣни, и Кривичи, и Тѣверьцѣ, и Печенѣги... поиде на Греки» и пр.) болѣе чѣмъ вѣроятно. Варяги-наемники (Скандинавы, Венды, Маркоманны: *Piratae diversis admodum collecti ex familiis. Paschas. Radbert.*) какъ отличные моряки, болѣе другихъ привычные къ морскимъ битвамъ, стояли безъ сомнѣнiя впереди русскаго флота; имъ первымъ пришлось испытать губительное дѣйствiе греческаго огня; изъ нихъ

кто не былъ убитъ, непременно попался въ плѣнъ. Этихъ плѣнниковъ, если судить по словамъ Лїудпранда «quos omnes Romanus decollari praecerit» было не много; бѣльшая часть изъ нихъ принадлежала вѣроятно къ норманскому племени. Распрашивалъ ли Гугоновъ посолъ этихъ людей? Можетъ быть; во всякомъ случаѣ онъ узнавалъ и Норманновъ въ числѣ привезенныхъ въ Константинополь пиратовъ; по вмѣстѣ съ тѣмъ узнавалъ для нихъ и общее греческое наименованіе Ῥῶς. Почему они такъ назывались у Грековъ, онъ не развѣдывалъ, а сообщилъ своему зятю простое (и отчасти справедливое) извѣстіе, что морскіе разбойники, слывшіе на западѣ подъ именемъ Норманновъ, называются у Грековъ Ῥῶς. Лїудпрандъ счелъ нужнымъ украсить это извѣстіе словопроизводствомъ русскаго имени отъ прилагательнаго ῥούσιος, русскій и краснѣй; «gens . . . quam a qualitate corporis Graeci vocant Russos».

Ему было тѣмъ легче допустить для Русн названіе Норманновъ, въ смыслѣ Aquilonares, что въ Италіи всѣ сѣверныя народности разумѣлись подъ общимъ географическимъ Septentrionales, какъ напр. въ буллѣ папы Григорія IV: «ipsumque filium nostrum iam dictum Anscharium et successores eius legatos in omnibus circumquaque gentibus Danorum, Sueonum, Nortwehorum, Farriae, Gronlandan, Halsingolandan, Islandan, Scrideuindum, Slaunorum, nec non omnium Septentrionalium et Orientalium nationum, quocunqne modo nominatarum delegamus» (*Privil. Archiecl. Hamtamburg. 145*)²⁷⁴). Въ Греціи онъ слышалъ для Русн названіе сѣверныхъ Скивовъ οἱ λεγόμενοι Ῥῶσι Σκῦται.

На это неправильное упоминание Лиудпрандомъ норманскаго имени и намекаетъ кажется Адамъ бременскій, въ приведенныхъ выше его словахъ о Франкскихъ историкахъ. Адамъ зналъ Славянъ народомъ сѣвернымъ (*arctoa gens, cap. 195*), гиперборейми; но не смѣшивалъ ихъ съ Норманнами. Онъ зналъ и Русь «*cujus metropolis ciuitas est Chiue, aemula sceptri Constantinopolitani, clarissimum decus Graeciae*» (*cap. 66*); но Руссовъ Скандинавами-Норманнами не считалъ. Едва ли и самое выражение «*Franco-rum historici*», вмѣсто болѣе обычнаго *scriptores*, не относится къ Лиудпранду — историку: «*ab hoc tempore Luitprandus diaconus Ticinensis aecclesiae hystoriam suam orditur*» (*Sigb. chron. ad. ann. 891*).

Какъ Адама бременскаго, такъ и его современника, бельгійскаго монаха Сигберта, ученаго и начитаннаго лѣтописца жамблузскаго монастыря (1030 — 1112), поразило въ исторіи Лиудпранда непонятное перенесѣніе на Русь норманскаго имени и обратно. Онъ передаетъ почти буквально текстъ Лиудпранда о походѣ 941 года; но выбрасываетъ изъ него слово *Nordmanni*. «*ad ann. 936: Inger rex Russorum, sciens exercitus Grecorum esse ductos contra Saracenos et ad insularum custodias dispersos, ad expug-nandam Cplim cum mille et eo amplius navibus venit, adeo de victoria iam securus, ut Grecos non occidi, sed capi preciperet. Quibus imperator Romanus cum paucis viriliter occurrens, circumcirca Greco igni iniecto pene omnes cum navibus exussit, paucis evadentibus, omnes que captivos decollari iussit*» (*Sigeb. chron. ap. Pertz, VIII. p. 343 — cfr. Annal. Saxo ad ann. 938, ibid. p. 602*).

Этимъ опущеніемъ норманскаго имени для Руси, въ выпискѣ многоуважаемаго имъ Ліудпранда, Сигбертъ явно свидѣтельствуесть о степени удивленія, какое возбудила въ немъ невѣроятная этнографическая ересь его заальпійскаго авторитета ²⁷⁵).

Не на столько осмотрительнымъ и благоразумнымъ оказался Діаконъ Іоаннъ, составитель венеціанской хроники въ концѣ X, началѣ XI, столѣтія. Онъ пишетъ подъ 860—863 г.: «Ео tempore Normannorum gentes cum trecentis sexaginta navibus Constantinopolitanam urbem adire ausi sunt. Verum quia nulla ratione inexpugnabilem ledere valebant urbem, suburbanum fortiter patrantes bellum quam plurimos ibi occidere non repercerunt, et sic predicta gens cum triumpho ad propriam regressa est» (*Joh. Diacon. Chron. Venet. et Gradense, ap. Pertz, IX. p. 18*). О славянской Руси Діаконъ Іоаннъ вѣроятно никогда не слыхалъ; а отъ Кремонскаго епископа, коего хроника быстро разошлась по всѣмъ городамъ сѣверной Италіи, онъ узналъ что подъ именемъ 'Ρῶς, Греки разумѣли Норманновъ. Вычитавъ въ византійскихъ источникахъ разсказъ о походѣ этихъ 'Ρῶς въ 865 году, онъ счелъ долгомъ замѣнить неслыханное въ Италіи имя Руси, издавна и хорошо извѣстнымъ на западѣ и Ліудпрандомъ съ русскимъ именемъ отождествленнымъ, норманскимъ. Большаго шума изъ-за этого мнимаго «наидрагоценнѣйшаго» извѣстія (*Погод. Борьба съ нов. истор. ерес. 382*) дѣлать не стоило, по крайней мѣрѣ не доказавъ предварительно что оно взято изъ писанной скандинавскими рунами реляціи Аскольда и Дира о походѣ на Грековъ ²⁷⁶).

XX.

КОНСТАНТИНЪ БАГРЯНОРОДНЫЙ.

Занесенная императоромъ Константиномъ багрянороднымъ въ его такъ называемую книгу объ управленіи государствомъ, русскія названія дѣпровскихъ пороговъ, стоятъ на первомъ мѣстѣ въ ряду свидѣтельствъ приводимыхъ въ доказательство норманскаго происхожденія Руси. Объ этихъ названіяхъ и о мнимо-норманскихъ именахъ русскихъ князей, слышатся и до сихъ поръ еще восторженные отзывы, какъ о двухъ столпахъ на которыхъ покоится скандинавская теорія происхожденія русскаго государства; и вѣроятно подобные отзывы будутъ повторяться еще до тѣхъ поръ, пока мы не сознаемъ ничтожности въ дѣлѣ науки, свидѣтельствъ уединенныхъ отъ общаго ея строя. Въ самомъ дѣлѣ, какъ фактъ выдѣленный изъ среды другихъ ему современныхъ явленій, извѣстія Константина представляютъ много соблазнительнаго для свыкшихся съ мыслию о Норманствѣ Руси; въ четырехъ, если не въ пяти названіяхъ пороговъ, скандинавское начало неотрицаемо. Только достаточно ли этого сознанія, пожалуй этого

факта, для рѣшенія спорнаго вопроса о русской народности? Тотъ же Константинъ говоритъ о Хазарахъ: «κατὰ τὸ τῶν Χαζάρων ἔθος καὶ ζάκωνον», а въ другомъ мѣстѣ о Печенѣгахъ: «κατὰ τὰ ζάκωνα αὐτῶν» (*de adm. imp. ed. Bonn. 170, 73*) и уже Стриттеръ (*Мет. рор. III. 805*) замѣтилъ что являющееся одновременно хазарскимъ и печенѣжскимъ слово ζάκωνον, есть ничто иное какъ славянское законъ. Левъ Діаконъ обзываетъ собраніе кметовъ при Святославѣ, русскимъ словомъ κομέντος—комонство; Кедринъ (*ed. Bonn. II. 588*) говоритъ тоже самое о Печенѣгахъ: «συμβουλήν προετίθεσαν, ἣτις καὶ αὐτοῖς κομέντων ὠνόμαστα». Если къ этимъ извѣстіямъ примѣнить тотъ, исключительно лингвистическій методъ, по которому до сихъ поръ обсуждался вопросъ о днѣпровскихъ порогахъ, выидеть что Хазары и Печенѣги, называвшіе свои постановленія закономъ, были славянскаго рода; подтвержденіемъ же этому мнѣнію будетъ служить, засвидѣтельствованное Кедриномъ употребленіе Печенѣгами русскаго слова комонство, въ смыслѣ военнаго совѣта или собранія. Эверсъ, вѣрившій въ тюркское происхожденіе Руси, воспользовался бы этою лингвистическою находкою; между тѣмъ, варварское слово ζάκωνον употреблено Константиномъ изъ одной авторской прихоти; тоже слово, подъ формою ζακόνιν, встрѣчается и у Дамаскина Студиты (*Du Cange, Gloss. Gr.*) Слово κομέντος (κομέντων?), комонство, могло быть дѣйствительно усвоено Печенѣгами, въ слѣдствіе ихъ близкихъ отношеній къ Руси; но не выводитъ же отсюда одноплеменность обѣихъ народностей.

Константинъ писалъ для своего сына Романа. Онъ

излагаетъ цѣль и планъ своей книги въ вступленіи. «Primum quidem, говорятъ онъ, tradam quae gens in qua re prodesse Romanis possit, in qua obesse; item qualiter et quomodo singulae se habeant, et a qua gente possint et bello impeti et subjugari. Deinde vero de inexplebili insatiabilique earum animo ac de iniquis earundem postulatis. Sub hac de aliarum quoque gentium discrimine, origine, vivendi instituto, de situ, de condicione terrae quam incolunt; insuper de circuitu et mensura terrae, ac de iis quae vario tempore inter Romanis diversas que gentes acciderint; deinde de iis quae penes nos, imo etiam in universo Romano imperio certis temporibus innovata sunt» (*Const. Porph. III. 66*). Какъ видно, главною цѣлью багрянороднаго, было ознакомить будущаго императора съ правами, происхожденіемъ, торговлею, военною силою, союзами и т. п. тѣхъ варварскихъ народностей которыя были въ сношеніяхъ съ Греками; между прочими и съ Русью. Книга писалась, по вѣрному расчету Круга (*Byzant. Chronol. 265. Ann. **), отъ 948 по 952 годъ; но, по всей вѣроятности, ей положены въ основу записки нѣсколько древнѣйшія; это кажется вѣрно, по крайней мѣрѣ въ отношеніи къ русскимъ извѣстіямъ. Послѣ 945 года т. е. послѣ смерти Игоря, не было повода рассказывать о томъ что сынъ Игоря Святославъ когда-то сидѣлъ на княженіи въ Новгородѣ (см. гл. X). Ясно что въ устарѣвшей и еще при жизни Игоря составленной запискѣ, глаголь *καθίσταται* — сидѣть былъ поставленъ, какъ и всѣ прочіе, въ настоящемъ времени. Трудно также допустить чтобы въ 948 — 952 годахъ Константинъ не упомянулъ о счастливой войнѣ Грековъ съ Русью въ 941;

онъ прямо объявляетъ въ предисловіи что намѣренъ сказать о томъ «*quae vario tempore inter Romanos diversasque gentes acciderint*». Теперь, отъ кого и при какихъ условіяхъ получилъ свои свѣденія о Руси, греческій императоръ? До сихъ поръ, къ этому вопросу относились нѣсколько слегка; между тѣмъ, онъ имѣетъ, какъ увидимъ, весьма вѣское историческое значеніе.

Лербергъ (*Unters. etc. 378*) приведенъ своими палеографическими замѣчаніями къ тому заключенію что извѣстатель Константина былъ не Русинъ (Норманнъ) и не Грекъ, а Славянинъ совершившій вмѣстѣ съ Русью торговое плаваніе по Днѣпру. Положеніе само по себѣ справедливо; но выводы на которыхъ оно построено не слишкомъ уважительны, какъ основанные на произвольномъ толкованіи лингвистическихъ особенностей вопроса. Если не ошибаюсь, славянскому происхожденію извѣстій о Руси Константина, можно найти доказательства болѣе убѣдительныя.

Имена славянскія записаны правильно и вразумительно; норманскія или русскія являютъ несомнѣнные признаки искаженія. Я допускаю что греческимъ Οὐλβουρί, Λειφάρ, Βαρουφόρος, Λεάντι могли лечь въ основаніе полу-скандинавскія, полу-фризскія Holmfors, Eber, Barafors, Gloende; тѣмъ не менѣе преимущество отчетливости остается за славянской транскрипціею; формы 'Οστροβουνίπραχ, Νεαστήт, Βουλυηπράχ, Βερούτζη несравненно ближе норманскихъ къ своимъ оригиналамъ. Въ этѣхъ формахъ (славянскихъ) каждый Славянинъ дощется ихъ настоящаго смысла и безъ помощи Константиновыхъ объясненій; о норманскихъ

именахъ этого сказать невозможно. Переводный смыслъ названій пороговъ очевидно указанъ съ славянскаго.

Новгородская область названа внѣшнею Русью, ἡ ἔξω Ῥωσία; это чисто славянскій идиотизмъ, свойственный только Славянину дѣлявшему всю Русь на Словенъ и на собственную Русь; въ позднѣйшихъ лѣтописяхъ говорится о верхнихъ земляхъ (см. гл. XIII).

Другое выраженіе Константина: «οἱ αὐτῶν ἄρχοντες ἐξέρχονται μετὰ πάντων τῶν Ῥῶς ἀπο τὸν Κίαρον» понятно только для той народности которая говорила: «Иде Святотпѣкъ, Володимиръ, Давыдъ и вся земля просто Русьская на Половцьѣ» — «Съвкупшася братья Вышегородѣ, Володимиръ, Ольгъ, Давыдъ, и вся Русьская земля, и освятиша церковь камяну мая въ 1» и т. д. — «Придоша подъ Новъгородъ Суждальци съ Андреевицемъ, Романъ и Мъстиславъ съ Смольняны и съ Торопьцаны, Муромьци и Рязаньци съ двѣма князьма, Полоцькый князь съ Полоцъяны и вся земля просто Русьская» — «Тои же зимѣ приходиша вся Чюдская земля Пльскову» (*Новг. 1 лѣт. 4, 15, 16*). Безъ этого указанія на пояснительный словенорусскій (новгородскій) идиотизмъ, слова Константина прямая бессмыслица ²⁷⁷).

Скажу болѣе: извѣстія о Руси сообщены греческому императору новгородскимъ купцомъ-воинномъ или основившимся поморскимъ варягомъ. Новгородомъ начинаетъ рассказчикъ свое описаніе торговаго русскаго пути, тщательно отдѣляя свою родную область отъ собственной южной Руси ²⁷⁸); напоминая, съ понятнымъ только для Словенина самодовольствіемъ, что въ Новгородѣ, какъ въ

старѣйшемъ, послѣ Кіева, во всей Руси городѣ, сидитъ на княженіи Святославъ сынъ Игоревъ. И формы языка указываютъ на западное нарѣчіе, получившее право гражданства въ Новгородѣ, въ слѣдствіе его колонизаціи отъ балтійскихъ Славянъ (см. *гл. IX*). Словенорусскія: Игорь, Святославъ, порогъ, являются у Константина подъ западными формами: Ἰγγωρ, Σφενδοσλάβος, πρᾶχ; о послѣднемъ изъ этихъ словъ Шафарикъ замѣчаетъ что странно почему императоръ пишетъ дважды πρᾶχ, тогда какъ и онъ самъ, и другіе Византійцы всегда передаютъ славянское *г* своей *γ* (*Sl. Alt. II. 148*). Но здѣсь Константинъ передаетъ не русское *г* въ словѣ порогъ, а вендское *h* въ словѣ прагъ (такъ пишется это слово и у Вацерада); придыхательное же западное *h* разумѣется ближе къ *χ* чѣмъ къ *γ*. Къ формѣ Βουλνηπρᾶχъ всего скорѣе подходитъ западное (древне-чешское) *wlnny* — волнистый, *wogig* (см. *Jungm. v. Wlnny*); къ формѣ Βερουτζῆ (произн. веручи), также древне-чешское *wrúcj* (*fervens. ibid. v. wraucj*). Быть можетъ и слово *παρακλάδιον* («εἰς τὸν Σελινά, εἰς τὸ τοῦ Δανουβίου ποταμοῦ λεγόμενον παρακλάδιον» *C. de adm. imp. 78*), не существующее подъ этою формою въ греческомъ языкѣ (*κλάδιον* — *gamulus*), есть ничто иное какъ западно-славянское *překlad* — перегрузъ, перевозъ, и указываетъ на перевозъ или перегрузъ русскихъ лодей въ безопасномъ мѣстѣ.

Славянское происхождение Константинова извѣстателя кажется несомнѣнно; но этотъ фактъ, если считать его доказаннымъ, идетъ прямо въ разрѣзъ мнѣнію о норманствѣ Руси.

Константинъ требовалъ для своей книги свѣдѣній о Руси, какъ о народѣ состоявшемъ въ довольно близкихъ

отношеніяхъ къ восточной имперіи. Всего естественнѣе было ему обратиться за этими свѣденіями къ начальнику (или, по крайней мѣрѣ, къ иному почетному лицу) того русскаго отряда, о которомъ онъ упоминаетъ не разъ и какъ о наемномъ войскѣ, и какъ о родѣ императорской гвардіи. Въ Игоревомъ договорѣ, Греки называютъ этихъ Русь: «наши Хрестеяне Руси». Бывалыхъ и смышленныхъ людей между этими дружинниками было не трудно найти, даже такихъ которые могли объясняться по гречески; къ подобнымъ дружинникамъ принадлежалъ вѣроятно и извѣстатель Константина; онъ былъ, сверхъ того, уже знакомъ и съ разными особенностями константинопольскаго быта; на пр. онъ беретъ мѣриломъ ширины Днѣпра, у перваго порога, такъ называемое *Τζουμιστήριον*, зданіе въ которомъ члены императорской семьи играли въ мячи, сидя на лошадахъ; а крарійскій перевозъ сравниваетъ по разстоянію, съ Ипподромомъ. Но могъ ли императоръ, желавшій получить свѣдепія о норманской Руси, обратиться за этими свѣденіями къ Славянину? Могъ ли Славянинъ быть начальникомъ русскаго (норманскаго) отряда или даже лицомъ имѣющимъ въ немъ значеніе?

Если на Руси X вѣка было два народа: Русь-Норманны и Славяне; если было два языка: русскій-норманскій и славянскій, непонятно почему извѣстатель Константина, будь онъ Норманнъ или Славянинъ, даетъ какъ русскія (норманскія), такъ и славянскія названія пороговъ. При доказанномъ норманствѣ Руси, двуименность пороговъ, какъ естественное послѣдствіе различія обѣихъ народностей и обѣихъ языковъ, не вызвала бы ничьего вниманія, да и

почему же двуименность однихъ только пороговъ? Почему не пишеть Константинъ: моноксилы, по русски *skerpet*, по славянски лодьи? архонты Руси, по русски *konungar*, по славянски князья? Русскія названія пороговъ у багрянороднаго понятны только какъ указаніе на лингвистическую странность, обратившую на себя вниманіе его новгородскаго извѣщателя, какъ обратило на себя его вниманіе венгерское прозвище Кіева - *Szombat*; какъ позднѣйшаго лѣтописца удивляетъ что гдѣ прочіе Славяне говорятъ Ерель, Русь (т. е. южная Русь) говоритъ Уголь: «и, стояша на мѣстѣ нарѣцаемѣмъ Ерель, его же Русь зоветь Уголь» (*Ипат. 128*)²⁷⁹). Какъ въ легендѣ о парусахъ, какъ въ Русской Правдѣ, такъ и здѣсь мы наталкиваемся на тотъ основной законъ древнѣйшей русской этнографической терминологіи, о которомъ уже говорено въ главѣ XIII, по поводу дѣленія Руси на Словенъ и на собственную южную Русь. Плохой переводчикъ Константина, Мѣрзіусъ пишеть произвольно: *Russorum lingua, Sclavorum lingua*; гдѣ нѣтъ двухъ народовъ, тамъ нѣтъ и двухъ языковъ; у Константина вездѣ: *Ῥωσιστὶ* — по русски т. е. по Кіевски; *Σκλαβιστὶ* — по словенски т. е. по Новгородски.

Но откуда скандинавскія названія пороговъ у господствующей южной Руси?

Намъ извѣстно что съ IX вѣка (а быть можетъ и ранѣе) Норманны принимаютъ постоянное и дѣятельное участіе въ торговлѣ Руси и вообще въ ея исторической жизни. Мы видѣли въ 839 году Шведовъ дружинниками русскаго (кіевскаго) Хагана; съ водвореніемъ въ Новгородѣ, а потомъ въ Кіевѣ варяжской династіи, эти сношенія дол-

жны были усилиться и развиваться: нѣтъ сомнѣнія что Норманны участвовали въ походахъ Руси на Царьградъ и на Берду, и, вмѣстѣ съ Русью, служили у греческихъ императоровъ (см. *гл. XIX*). Вендо-русскіе князья не могли не дорожить ихъ сообществомъ въ морскомъ и ратномъ дѣлѣ; вѣроятно употребляли и лощмановъ изъ Норманновъ; отъ этихъ, своихъ норманскихъ товарищей, должно быть переняли они, а съ ними и Русь (въ искаженномъ видѣ, какъ можно судить по Константину) и скандинавскія названія пороговъ.

Въ этомъ нѣтъ ничего страннаго или неправдоподобнаго. Нынѣ первый изъ днѣпровскихъ пороговъ называется кайдаксимъ; это татарское или половецкое имя²⁸⁰). Въ древнемъ Новгородѣ шведскіе и германскіе корабли назывались шнеками и бусами; южный Русинъ конечно удивился бы этимъ, для него непонятнымъ названіямъ. Въ Москвѣ, гдѣ въ XVI—XVII вѣкѣ проживало много Нѣмцевъ, крикъ о насиліи Gewalt, превратился въ народное, но для каждаго не московскаго Русина, сначала дико звучащее гвалтъ. И въ настоящее время употребляютъ у насъ иноземныя названія рейдъ, буксиръ, боть. Или Русь IX—X вѣка не могла сдѣлать того что дѣлаетъ Русь XVI и XIX? Въ эпоху Петра великаго, городъ называемый по московски Орѣшекъ, быть можетъ уже прозывался по новгородски Шлюссельбургъ; заключить ли отсюда что Петръ великій и Новгородцы были родомъ изъ Нѣмцевъ?

Норманны дали конечно всѣмъ порогамъ свои скандинавскія названія; но Русь усвоила себѣ не всѣ; а тѣ кото-

рыя усвоила, порядочно искажила. Эти искаженія ставятся обыкновенно въ вину Константину или его копистамъ; но почему же искажены названія норманскія, а славянскія переданы съ замѣчательною точностію? Г. Куникъ (*Beruf. II. 426. Anm. **) припоминаетъ что Константинъ былъ внукомъ рожденнаго въ славянской Македоніи императора Василя; но это нисколько не доказываетъ его славянскихъ познаній; напротивъ, разбросанныя въ его сочиненіяхъ славянскія этимологіи прямо свидѣтельствуютъ о его совершенномъ невѣденіи славянскихъ нарѣчій (см. *Schafar. Sl. Alt. I. 94*); да и самихъ - то Славянъ онъ смѣшиваетъ съ Аварами (*de adm. imp. ed. Bonn. 127*). Указываютъ также на возможность литературнаго сотрудничества отъ состоявшихся при Константиѣ болгарскихъ переводчиковъ (*Kunik, l. c.*); но Болгаринъ не допустилъ бы его писать Μιλνίσχα вмѣсто Смоленскъ; Τελιούτζα вмѣсто Любечъ; Τζερνγώγα вмѣсто Черниговъ, ζάκανον вмѣсто законъ. Не допустилъ бы онъ и совершенно неправильныхъ толкованій: Βουλνηπράχ, διότι μεγάλην λίμνην ἀποτελεῖ и Ναπρεζή, ὁ ἑρμενεύεται μικρὸς φραγμὸς. Должно полагать, съ одной стороны, что непосредственнымъ извѣстителемъ императора былъ Новгородецъ или новгородскій варягъ, не совсѣмъ понятно изъяснявшійся по гречески; а съ другой, что Константинъ (судя по рѣзкому отличію, въ отношеніи къ точности, между греческою транскрипціею славянскихъ названій пороговъ и тою же транскрипціею другихъ, въ его сочиненіяхъ встрѣчающихся славянскихъ словъ) особенно дорожилъ, по какой то странной прихоти, отчетливою по возможности передачею именно этихъ названій; а въ этомъ

первобытное словенорусское название понятно; съ этимъ названіемъ (срвн. испанское *abreojos*, португальское *abro-lhos* т. е. открой глаза, для обозначенія мелей; *Lerberg, Unters. 355*) былъ соединенъ и крикъ предостереженія.

2) Въ названіяхъ втораго порога *Holm - fogs* и пятаго *Baru - fogs*, конечное *fogs* передается въ греческой транскрипціи двумя совершенно различными формами $\beta\omicron\rho\sigma\iota$ ($\text{Ὀυλβ}\omicron\rho\sigma\iota$) и $\phi\acute{o}\rho\omicron\varsigma$ ($\text{Βαρουφ}\acute{o}\rho\omicron\varsigma$), чего даже независимо отъ явнаго вниманія Константина къ правильной передачѣ названій пороговъ, нельзя объяснить простою небрежностію. Какъ то, такъ и другое чтеніе свидѣтельствуесть, по моему, о словенорусскомъ, въ теченіи многихъ годовъ установившемся искаженіи скандинавскихъ формъ; въ конечномъ же $\phi\acute{o}\rho\omicron\varsigma$ мы встрѣчаемъ, не грецизированное (*Kunik, Veruf. II. 434*), а славянизированное, подъ вліяніемъ русскаго полногласія, норманское *fogs*.

3) Имя третьяго порога $\Gamma\epsilon\lambda\alpha\nu\delta\rho\iota$ объясняютъ изъ скандинавскаго *gelandi*, звѣнящій: буква ρ въ формѣ $\gamma\epsilon\lambda\alpha\nu\delta - \rho - \iota$ считается добавкою переписчика, мечтавшаго о греческомъ $\acute{\alpha}\nu\delta\rho\iota$; словенская форма выпала (*Kunik, ibid. 430*). Константинъ говоритъ: « $\delta\iota\acute{\epsilon}\rho\chi\omicron\nu\tau\alpha\iota\ \kappa\alpha\iota\ \tau\acute{o}\nu\ \tau\rho\iota\tau\omicron\nu\ \phi\rho\alpha\gamma\mu\acute{o}\nu\ \tau\acute{o}\nu\ \lambda\epsilon\gamma\omicron\sigma\mu\epsilon\nu\omicron\nu\ \Gamma\epsilon\lambda\alpha\nu\delta\rho\iota$, $\omicron\ \acute{\epsilon}\rho\mu\eta\nu\epsilon\acute{\upsilon}\epsilon\tau\alpha\iota\ \Sigma\kappa\lambda\alpha\beta\iota\nu\sigma\tau\iota\ \eta\chi\omicron\varsigma\ \phi\rho\alpha\gamma\mu\omicron\upsilon$ ». Мнѣ бы не хотѣлось поднимать снова этимологическаго спора о названіи $\Gamma\epsilon\lambda\alpha\nu\delta\rho\iota$; его норманство не имѣетъ для насъ особеннаго значенія; между тѣмъ я того мнѣнія что тексты должны, по возможности, оставаться нетронутыми; а Константинъ относитъ слово $\Gamma\epsilon\lambda\alpha\nu\delta\rho\iota$ не къ русскимъ названіямъ. Если допустить что шумящій порогъ можетъ быть обозванъ «сильный гулъ» (что ни

сколько не страннѣ прозвищей не спи, Волчій хвостъ и т. д.) или что Константинъ принялъ поясненіе своего словенскаго извѣстателя за самое названіе порога, передъ нами чисто славянская форма: гуль ѣдрый (ѣдрый, ядреный имѣетъ смыслъ бойкаго, сильнаго, tüchtig, *Miklos*. *Gloss. palaeosl.*: jędrny, jędrzny, отъ jędro, kernig, kräftig, *Linde*).

4) Норманская школа истощается усиліями для отысканія въ сѣверныхъ и германскихъ нарѣчіяхъ созвучій Константиновымъ Ἀσιφάρ, Λεάντι, Στρούβου; ей можно допустить только одно, а именно что, подъ словенорусскими искаженіями, дѣйствительно слышатся скандинавскіе звуки.

Въ заключеніе замѣтимъ что засвидѣтельствованное Константиномъ отличіе русской отъ словенской терминологіи, проявляется не въ словахъ, а въ названіяхъ; а это обстоятельство весьма важно. Имена мѣстностей и лицъ могутъ легко быть заняты отъ чужаго народа, въ слѣдствіе торговыхъ, союзныхъ или иныхъ отношеній и нисколько не свидѣлствуютъ ни о происхожденіи одного народа отъ другаго, ни объ иноземномъ завоеваніи. Петербургъ, Оренбургъ, Екатеринбургъ германскія названія русскихъ городовъ; Sans - souci въ Потсдамѣ, Monplaisir въ Петергофѣ не доказываютъ происхожденія Прусаковъ и Русскихъ отъ Французовъ. Иное было бы дѣло если бы у Константина было сказано, что славянскія: хлѣбъ, вода, кожа, домъ, — по-русски (Рωσιστῆ): bröd, vatten, hud, hus; такой лингвистическій фактъ могъ бы конечно служить доказательствомъ норманства Руси. Скандинавскія названія днѣпровскихъ пороговъ, явленіе удивленное въ русской исторіи, слѣдова-

тельно обличающее частный случай, а не основное историческое начало. Если бы Норманны явились на Руси народомъ завоевателемъ, основателями государства, скандинавскій языкъ оставилъ бы, кромѣ пороговъ, другіе неизгладимые слѣды въ русскомъ говорѣ; по крайней мѣрѣ Норманны, по обычаю своему въ другихъ земляхъ, прозвали бы своими названіями основанные, по всей вѣроятности, варяжскими князьями города и села: Вышегородъ, Ольжичи, Предславино, Бѣлгородъ, Берестовое, Рокомъ и т. п.²⁸¹⁾

Кромѣ извѣстій о русскомъ торговомъ пути изъ Новгорода въ Царьградъ, книга багрянороднаго содержитъ и другія, собственно до этнографіи русскаго племени относящіяся свѣдѣнія. Что норманская школа старается всячески и изъ этихъ извѣстій вымучить скандинавское происхожденіе Руси, разумѣется само собою. Г. Куникъ пишетъ: «Кіевъ, какъ столичный городъ шведской династіи, былъ по Константину настоящимъ центромъ его *Русіа*, въ которой лежали волости нѣкоторыхъ славянскихъ данниковъ. Константинъ именно называетъ (отчасти согласно съ Несторомъ) славянскими племенами-данниками Кривичей, Лучанъ, Дреговичей, Древлянъ, Сербовъ, Вервіанъ (Тиверцовъ?) и Угличей. Всѣ они были устранены отъ народнаго сообщества Руси, которая взимала съ нихъ дань, держала ихъ въ повиновеніи изъ за своихъ крѣпостей и выѣзжала зимою, по норманскому обычаю, на полюдіе. Въ возстаніяхъ, по свидѣтельству Нестора не было недостатка и по этому можно полагать что тѣ военнопленные которыхъ Русь, по Константину, вывозила въ Грецію для продажи, были, сверхъ восточныхъ Финновъ

и Тюрковъ, и Славяне отказавшіеся отъ платежа дани» (*Beruf. II. 443, 444*). Стоитъ только выключить шведскую династію и норманскій обычай; за тѣмъ, все остальное передастъ какъ нельзя вѣрнѣе смыслъ Константиновыхъ словъ.

Русь какъ господствующее племя, а въ этой Руси Кіевъ и варяжская династія въ смыслѣ земли просто — русской, представлялись конечно въ нѣсколько смутномъ видѣ греческому императору; онъ внесъ въ свое описаніе, безъ коментаріевъ, сообщенныя ему его словенскимъ извѣстителемъ свѣдѣнія; внесъ безъ коментаріевъ и вѣроятно казавшееся ему нѣсколько дикимъ выраженіе: «со всею Русью» или «вся Русская земля» — *μετὰ πάντων τῶν Ῥώσ.* Для насъ этнографическая терминологія Константина и его русскіе идиотизмы вполне понятны; перенеси ихъ Несторъ въ свою лѣтопись, никто бы не заподозрѣлъ въ нихъ перевода.

Славянами платящими дань Руси являются у Константина: Кривичи, Лучане, Дреговичи, Древляне, Сербы, Тиверцы, Угличи. Изъ собственно русскихъ племенъ въ числѣ данниковъ, поименованы только два: Древляне и Дреговичи.

Древляне, какъ не вошедшіе еще въ составъ новой, варяго-русской державы, платятъ дѣйствительно дань Руси т. е. Кіеву и династіи представительницъ русскихъ интересовъ и русскаго имени; а въ эпоху, къ которой относится сообщенное Константину извѣстіе, состоятъ еще подъ властію своихъ особыхъ князей.

Дреговичи, составная народность, отходятъ своею не-

русскою частію къ Литвѣ или къ Кривичамъ. Какъ о послѣднихъ («и на всѣхъ Кривичѣхъ» *Лавр.* 8), такъ и о Дреговичахъ лѣтопись употребляетъ выраженіе: «и вси Дрегвичѣ» (*Ипат.* 45). Въ древнемъ географическомъ отрывкѣ у Шледера (*Нест.* II, 780, 781), Могилевъ причисленъ къ Кіевскимъ (русскимъ) городамъ; Минскъ (Мѣнескъ) къ литовскимъ. Только южные Дреговичи, жившіе по притокамъ Припети, были собственно Русью; они принадлежатъ постоянно къ владѣніямъ русскихъ Ярославичей (см. *Солов. ист. Р. I, 12*).

Не поименованы въ числѣ племенъ данниковъ: Новгородцы, Полочане, Поляне, Сѣверяне, Бужане. Но въ чемъ могли, для Норманновъ, эти племена различаться отъ остальныхъ? Какое отличіе могли полагать скандинавскіе Родсы между Сѣверянами и Тиверцами, между Бужанами и Кривичами? Отъ чего же являются данниками только не-русскія племена (за исключеніемъ Древянъ; но этому исключенію были своя причины); остальные же, не данники, считаются Русью и входятъ въ составъ Константиновой 'Ρωσία? «Чаговоѣ thema Russiae adiacet (т. е. волостямъ Полянъ, Бужанъ, Сѣверянъ и русскихъ Дреговичей; все это было 'Ρωσία.—Русь); Jabdierim vero thema conterminum est tributariis pagis Russiae regionis, Ultinis, Derbleninis, Lenzeninis reliquisque Sclavis» (все это было землями славянскими, но не-русскими). Что замѣчено въ другомъ мѣстѣ объ имени Русь, переходящемъ на одни славянскія, но отнюдь не на финскія племена, слѣдуетъ повторить здѣсь въ отношеніи къ данникамъ: завоеванія совершаются не по этнографическимъ системамъ. Г. Ку-

никъ смѣшиваетъ въ одно цѣлое всѣ славянскія племена, русскія и нерусскія; по его объясненію, рѣчь идетъ у Константина о дани которую всѣ Славяне безразлично платили своимъ рѣдскимъ (норманскимъ) завоевателямъ (*Beruf. II. 444. Anm.**). Тогда, скажу я опять, непонятно почему у Константина не названы именно тѣ племена которыя нами признаны собственно русскими (см. *м. II*); данщиками же признаются только одни нерусскія племена ²⁸²).

Здѣсь есть недоразумѣніе и недоразумѣніе весьма крупнаго историческаго значенія. Оно заключается именно въ томъ что бѣольшая часть изслѣдователей не отличаютъ этнографической терминологіи и понятій о восточныхъ Славянахъ греческихъ и арабскихъ писателей, отъ терминологіи и понятій (основанныхъ на самомъ существѣ дѣла) туземцевъ. За исключеніемъ Новгородцевъ (и, въ извѣстныхъ случаяхъ, имѣвшихъ отъ нихъ княженіе Полочанъ), тѣ восточныя племена которыя у Арабовъ и Грековъ слыли подъ общимъ, ученымъ наименованіемъ Славянъ, никогда Славянами себя не называли; но пока (уже въ концѣ XI-го столѣтія) не слились совершенно съ господствующею русскою народностію, отличали себя своими племенными названіями. На эти племенные названія (за немногими, случайными исключеніями) Арабы и Греки не обращали вниманія; они, какъ сказано, понимали всѣхъ ихъ подъ общимъ наименованіемъ Славянъ. Руси они Славянами не называли потому что видѣли въ ней не племя, а особый, господствующій, своимъ именемъ прозывающійся народъ; народъ конечно близкій, даже однокровный прочимъ Славянамъ, но все таки отличный отъ нихъ по своему политиче-

скому значенію. Подобное значеніе имѣли на западѣ Франки времянь Карла великаго, между германскими племенами. У Нестора Корлязи (Carolingi, Carlenses) отличаются отъ Нѣмцевъ (Teutonici), какъ у Константина багрянороднаго, Масуди и пр., Русь отъ Славянъ. И у германскихъ писателей и въ скандинавскихъ источникахъ, Каролинги-Франки отдѣляются отъ Нѣмцевъ-Тевтониковъ. Какъ Франкъ надъ Бургундцемъ, Аламанномъ, Фризомъ, Саксомъ и т. д., такъ Русинъ возносится надъ Тиверцомъ, Угличемъ, Лучаниномъ и прочими данниками.

«καὶ ἀπέρχονται εἰς τὰ πολύδια ἃ λέγεται Γύρα» (*C. de adm. imp. ed. Bonn. 79*). — Πολύδιον слово несуществующее въ греческомъ языкѣ. Мѣрзіусъ поправляетъ πολύδια. Въ *Etym. M.* πολειδιον—ραγνα urbs; ар. *Strab. VIII: πολίδιον*. Я не протестовалъ бы противъ чтенія πολύδιον (Константинъ позволяетъ себѣ и не такія грамматическія вольности), но исключительнымъ названіемъ для русскихъ городовъ у него принято κάστρον. Πολύδια должно быть наше полюдіе; мы видѣли что онъ передѣлываетъ на греческій ладъ и наше слово законъ (ζάκανον), и западное рѣкклад (παρακλάδιον). Кругъ (*Forsch. II. 437*) объясняетъ слово γύρα изъ латинскаго средневѣковаго gyrones, girones = muri ducti circum interiores domos castellorum et arcium (*Murat. Ant. It. II. 504. ар. Du Cange v. gyro*). Но γύρα не имѣло для Грековъ значенія крѣпостей. Приводимое Неволинымъ изъ Дюканжа: γύραι = circulationes, circuitiopes (*Финск. Вѣстн. 1847. № 8*) не представляетъ грамматической связи съ средн. πολύδια. Γύρα здѣсь средн. множ. прилагательнаго γύρος (срвн. ὁ γύρος = circulus vel ambi-

tus; γυρόω = circumdo, cingo; γυρόειν = circumcirca) и передаетъ равносильное русское прилагательное околнѣй (отъ коло = кругъ, γύρος). Константиново: ἀπέρχονται εἰς τα πολύδια ἃ λέγεται γύρα буквальный переводъ русскаго: «уѣзжаютъ въ полюдіе, въ такъ называемыя околнныя» (подраз. мѣста). У Чеховъ okolí = округъ, okolní = окружный; okolnost = circumferentia (Jungm.). Okolina = vicinia, въ законникѣ Ц. Стефана Душана (*Čas. Česk. m. 1837. I. 76*). Въ Ипат. 126: «околнѣи же городѣ Болгарскіи» и 127: «и посласта по околнѣи князи»²⁸³).

На словенорусскія, отнюдь не на скандинавскія повѣрія, указываютъ и сообщаемыя Константиномъ извѣстія о языческихъ жертвоприношеніяхъ Руси, на такъ называемомъ островѣ святаго Григорія, во время переѣзда изъ Кіева въ Царьградъ.

«Перешедъ черезъ это мѣсто, они (т. е. Русь) пристають къ острову называемому «святой Григорій»; на этомъ островѣ справляютъ они свои жертвоприношенія, потому что тамъ стоятъ огромный дубъ. И приносятъ они въ жертву живыхъ пѣтуховъ и куръ²⁸⁴). Они дѣлаютъ кругъ изъ втыкаемыхъ въ землю стрѣлъ; другіе кладутъ хлѣбъ, мясо или что другое, что у кого найдется; такъ ихъ обычай. Они бросаютъ также жребіи на пѣтуховъ и куръ, о томъ слѣдуетъ ли ихъ убить или съѣсть или оставить въ живыхъ».

1) «на томъ островѣ справляютъ они свои жертвоприношенія, потому что тамъ стоитъ огромный дубъ».

Въ уставѣ Владимира о церковныхъ судахъ говорится

о тѣхъ кто молится «подъ овинномъ; или в роценьи, или оу воды»; въ житіи князя Константина Муромскаго о поклоненіи «дуплинамъ древянымъ» (*Карамз. I. прим. 216*); въ жизнеописаніи Св. Оттона объ огромномъ дубѣ, который почитался у Штетинцовъ жилищемъ какого то бога (*Scrit. rer. ep. Bamberg. I. 681*). И Гельмольдъ упоминаетъ о посвященныхъ богу Проне дубахъ (*I. 83*).

2) «они дѣлають кругъ изъ втыкаемыхъ въ землю стрѣлъ».

О гаданіи посредствомъ стрѣлъ или копій не знаетъ ни сѣверная, ни общегерманская мифологія. Это славянское суевѣріе, кажется тѣсно связанное съ гаданіемъ конями. Дитмаръ рассказываетъ о Лутичахъ: «*terram cum tremore infodiunt, quò sortibus emissis rerum certitudinem dubiarum perquirant. Quibus finitis, cespite viridi eas aperientes, equum, qui maximus inter alios habetur, et ut sacer ab his veneratur, super fixas in terram duorum cuspides hastilium, inter se transmissorum supplicii obsequio ducunt, et praemissis sortibus, quibus id explorare, prius per hunc quasi divinum, denuo augurantur*» (*VI. 65*). Неизвѣстный біографъ св. Оттона о Поморянахъ: «... euentum rei hoc modo solebant praediscere. Hastae nouem disponebantur humi, spatio unius cubiti ab inuicem disiunctae. Strato ergo caballo atque fraenato, sacerdos, ad quem illius pertinebat custodia, tentum fraeno per iacentes hastas in transversum ducebat ter atque reducebat. Quod si pedibus inoffensis, hastisque indisturbatis equus transibat, signum habuere prosperitatis, et securi peregebant» (*hist. anon. II. XXXII*). Саксонъ

грамматикъ, р. 321, о руйскихъ Славянахъ: «cum bellum adversum aliquam provinciam suscipi placuisset, ante fanum triplex hastarum ordo ministrorum opera disponi solebat, in quorum quolibet binae e traverso junctae, conversis in terram cuspidibus figebantur» etc. Слѣдуетъ объясненіе гаданія.

3) «другіе кладутъ (въ кругъ?) хлѣбъ, мясо или что у кого найдется; таковъ ихъ обычай».

О подобномъ совершенно обрядѣ возношенія хлѣбомъ, мясомъ, лукомъ, молокомъ и хмельнымъ напиткомъ, говорится у Ибнъ-Фоцлана (*Fraehn.* 7—9). Пидиблянинъ, отрывуши шестомъ плившаго Перуна «рече ему: перунице! досыти еси ѣль и пилъ, а нынѣ прочь плови» (*Тр. новг. л. 207*). Въ словѣ христолюбца читаемъ: «И тако покладываютъ имъ требы и короваи имъ ломятъ... моленое то брашно даютъ и ядятъ... ставятъ лише кумиромъ трапезы котѣйныя и законнаго обѣда иже нарѣцается беззаконная трапеза, мѣнимая роду и рожаницамъ» (*Восток. Опис. р. Рум. муз. 229*). У Чеховъ давали богамъ кормъ въ сумерки (*Рук. Kralodv. 42*); о яствахъ ежедневно приносимыхъ богамъ у Вендовъ см. *Andr. Jasch. III. 10*)²⁸⁵.

4) «и приносятъ они въ жертву живыхъ пѣтуховъ и куръ».

Въ словѣ Христолюбца: «и куры имъ рѣжутъ» (228). Ибнъ-Фоцланъ рассказываетъ что при совершеніи погребальнаго обряда, Русь взяли пѣтуха и курицу, умертвили и бросили въ могилу (*Fraehn. 21*)²⁸⁶; о Руссахъ Святослава Левъ Діаконъ что они приносили въ жертву грудныхъ младенцевъ и пѣтуховъ (или куръ; см. *v. ἀλεχτρούων* въ

Thes. Gr. l.): «item inferias celebrantes (ἐναγισμούς τε πεπενηκότας), in Istro lactentes infantes et gallos gallinaceos suffocabant, undis fluminis mersos» (*Leo Diac. ed. Bonn. 149*). Замѣчательно совпаденіе этихъ особенностей съ сохранившимся у Лужичанъ и донинѣ повѣріемъ: «У Лужицкихъ Вендовъ, говоритъ Я. Гриммъ (*D. M. 10. 88. Anm.***), желѣніе (*Wehklage*; срвн. Экс. болг. 188: желам-лики — *ѣлѣмос*) именуется *bože sedleško* (божій стульчикъ) и является подъ формою бѣлой курицы или прекраснаго бѣлаго ребенка, который жалобнымъ крикомъ и плачемъ предвѣщаетъ близкую напасть. И у Чеховъ *sedlisko* — стулъ и вмѣстѣ *alp. trud*, быть-можетъ въ смыслѣ сѣдалища бѣса (*incubus*)²⁸⁷. Въ Бамбергѣ, въ соборной сокровищницѣ хранится серебряная рука, съ реликвіями св. Вита и Адельгунды. На большемъ пальцѣ этой руки, принадлежавшей, говорятъ, св. Оттону, апостолу Поморанъ, изображенъ черный пѣтухъ, символическое представленіе, имѣвшее цѣлью привлечь язычниковъ къ обожанію реликвіи, передъ которою они падали ницъ, обманутые видомъ священнаго для нихъ пѣтуха (*Barthold. Gesch. v. R. u. Pom. I. 230*). Люнебургскіе Венды, долго спустя по принятіи христіанства, приносили въ жертву пѣтуха, у священнаго дерева (*Снежир. р. пр. пр. I. 79*). О русскомъ донинѣ сохранившемся повѣрїи сжигать бѣлаго пѣтуха въ праздникъ Ивана Купалы см. Бѣляева (*Русск. земля предъ прибыт. Рур. 25*).

Ни сѣверная, ни обще-германская мѣологія не знаютъ почти ничего, что бы подходило къ извѣстіямъ Константина багрянороднаго о жертвоприношеніяхъ Руси, на островѣ

св. Григорія. За исключеніемъ общаго язычникамъ Германцамъ съ Славянами поклоненія священнымъ дубамъ, г. Куникъ, весьма тщательно изслѣдовавшій разсказъ греческаго императора (*Beruf. II, 440 ff.*), не указываетъ ни на одну съ нимъ совпадающую особенность религиозныхъ обрядовъ Норманновъ. Не лучшей ли это отвѣтъ на вымучиваемое изъ случайныхъ скандинавскихъ названій трехъ-четырехъ днѣпровскихъ пороговъ, норманское происхожденіе Руси?

Я не знаю что норманская школа намѣрена оставить за собою изъ своего полустолѣтняго толкованія свидѣтельства Константинова. Одною, однакоже, мы въ правѣ требовать отъ нея, а именно, логическаго согласованія этнической, будто-бы, противоположности нарѣчій 'Рѡсѣтѣ и Сѣлаѡѣтѣ (см. *Кунік, ар. Dorn, 673*), съ принимаемымъ ею-же (см. *и. I. 49—53*) почти немедленнымъ, послѣ призванія, сліяніемъ скандинавскаго начала съ славянскимъ. Если въ 950 году, нарѣчіе 'Рѡсѣтѣ (по-русски) значило въ Новгородѣ и Кіевѣ по-шведски, Русью же были еще одни только Шведы, ясно что и послѣ столѣтняго періода сожительства, обѣ народности еще строго отличали себя одна отъ другой, какъ по имени, такъ и по языку; менѣе ясно почему въ 907 и 944 годахъ, Шведы (Русь) клянутся по шведскому (русскому) закону, Перуномъ и Волосомъ.

ARGUMENTUM A SILENTIO.

Противъ славянскаго происхожденія Руси, обыкновенно замѣчаютъ что изъ предшествующихъ эпохъ Рюрика армянскихъ, византійскихъ и арабскихъ писателей, ни одинъ не знаетъ о Руси въ ея славянскихъ предѣлахъ; тогда какъ многіе изъ нихъ сообщаютъ болѣе или менѣе точныя извѣстія о населяющихъ восточную часть Европы народахъ финскаго, славянскаго и турецкаго происхожденія. За доказательствами отсылается къ сочиненіямъ Моисея хоренскаго, Прокопія, Стефана византійскаго и Ал-Фергани (см. *Kunik. ap. Krug, Forsch. II. 829 — 834*).

Моисей хоренскій (370 — 489) дѣйствительно упоминаетъ о Славянахъ, но только о Славянахъ греческихъ, придунайскихъ. «Ѳракія» говоритъ онъ «раздѣлена на пять малыхъ округовъ и одинъ большой, въ которомъ обитаютъ семь славянскихъ (Sglawajin, var: Slawacuoc) племенъ» (*Mos. choren. ed. Whiston. 4*). Требовать, на основаніи этихъ данныхъ, подробныхъ извѣстій о русскомъ племени, довольно странно. И почему же не о чешскомъ, хорутанскомъ, моравскомъ?

Прокопій знаеть о Славянахъ и Антахъ къ сѣверу отъ Чернаго и Азовскаго морей. Отъ Прокопія до Фотія, византійскія извѣстія о Славянахъ не касаются болѣе восточныхъ земель; они относятся исключительно къ Славянамъ населявшимъ Молдавію, Валахію, Трансильванію и южную Венгрію и занявшимъ въ послѣдствіи древнюю Мизію, Фракію, Македонію, Албанію, Фессалію, Элладу и берега Адриатики (срвн. *Schafar. Alt. II. 152, 159*). Имя Антовъ держится въ греческой литературѣ еще въ продолженіи осьмидесяти годовъ; мы встрѣчаемъ или угадываемъ его подъ искаженіями позднѣйшихъ списывателей, у Агаѳіа (590 г. *ed. Bonn. 186*), Менандра (594 г. *ed. Bonn. 284*), Маврикія (582—602 г. *ed. Scheffer. Ups. 1664, p. 272—290*) и Теофилакта (629 г. *ed. Bonn. 323*). Пасхальная хроника и Павелъ діаконъ не упоминають объ Антахъ какъ о современномъ народѣ; первая приводитъ названіе антийскаго, Ἀντικός въ титулѣ Юстиніана (*Chron. Pasc. ed. Bonn. I. 636*); второй повѣствуетъ о покорѣніи Лангобардами земли Anthaib въ 370 г. (*Murat. rer. Ital. script. I. 413*); Теофанъ списываетъ Теофилакта (*Theophan. ed. Bonn. I. 438 — 439*). Разбирая свидѣтельства этихъ писателей, мы узнаемъ что, за исключеніемъ Прокопія, Анты имъ мало извѣстны въ своихъ жилищахъ на сѣверѣ отъ Чернаго моря; они знаютъ преимущественно передовые отряды восточныхъ Славянъ, на лѣвомъ берегу Дуная. Съ 629 по 865 годъ т. е. въ теченіи 236 лѣтъ, нѣтъ и помину о Славянахъ или Антахъ въ предѣлахъ европейской Россіи; тамъ великая Скуѣ, тамъ народы финно-уральскаго происхожденія. Патріархъ Никифоръ (806 — 826) знаеть

Болгаръ и Котраговъ на Донѣ; Хазаръ выходцами изъ Берзили (Барзелхъ), страны прикаспійской; кого онъ понимаетъ подъ именемъ Сарматовъ неизвѣстно²⁸⁸); Славянами онъ зоветъ исключительно болгарскихъ и македонскихъ. Гдѣ же, при совершенномъ невѣденіи Грековъ о словенорусскомъ сѣверѣ, возможность русскаго имени въ византійскихъ источникахъ, до половины IX вѣка? И какъ можно ссылаться на Стефана византійскаго, которому неизвѣстно и самое имя Славянъ?

Еще страннѣе требовать извѣстій о Руси отъ арабскихъ писателей предшествовавшихъ эпохѣ Рюрика. Мирныя сношенія Арабовъ съ Хазарами, отъ которыхъ въ послѣдствіи они получаютъ свѣдѣнія о сѣверо-восточной Европѣ, начались не прежде 868 года, то-есть послѣ введенія исламизма въ Хазарію (*Fraehn, Ibn - Fozzl. IX*); ни одинъ изъ нихъ не знаетъ о Славянахъ, какъ о хазарскихъ данникахъ, еще въ 862 и 885 годахъ. До второй половины IX вѣка, арабскія извѣстія объ этнографіи восточныхъ европейскихъ земель заняты ими отъ Грековъ, не имѣвшихъ понятія о Славянахъ въ предѣлахъ нынѣшней Россіи. По случаю помина о Славянахъ у Ал-Фергани, Френъ замѣчаетъ: «Ferghany, der um das Jahr der H. 230 (= Chr. 844) schrieb, thut in seiner Uebersicht der vorzüglichsten Völker, Länder und Städte der sieben Klimata, der Russen mit keiner Sylbe Erwähnung, wenn er gleich die Chasaren und Burdschanen und Saklaben aufführt, zwischen und neben denen spätere Geographen die Russen nie vergessen. Der alexandrinische Patriarch Euty chius hingegen, der im J. der. H. 328 = Chr. 940 starb, nennt sie in seiner Völ-

kerliste mitten unter Oströmern und Deilemiten, Bulgharen und Slaven» (*ibid.* 40). Предубѣжденный ориенталистъ не обратилъ вниманія на то, что Ал-Фергани говоритъ исключительно о Славянахъ дунайскихъ и адриатическихъ, тогда какъ позднѣйшіе арабскіе географы упоминаютъ именно о Славянахъ русскихъ, восточныхъ. Я привожу собственный текстъ Ал-Фергани:

«Clima sextum quoque ab oriente per Jagôges porrigitur: tum per Cházaros, et medium mare Caspium transit, usque Romanorum ditionem et secat Charasánam, Amasiam, Heracliam, Chalcedonem, Constantinopolim, tractus Burgianaе, et tandem finitur ad mare Hesperium.

Septimum denique clima ab oriente itidem, sc. boreali Jagôgum regione exorsum, protenditur per Turcarum terras; borealia Caspii maris littora, tum per mare Euxinum, et paludem Maeotidem; porro per regiones Burgiánae atque Sclavoniae. Terminatur item mari Hesperio.

Reliquum vero habitati tractûs, quod quidem cognovimus ultra haec climata proferri, initium quoque capit ab oriente scil. Jagôgum regno. Dehinc Tagárgarum, Turcarum, Tatarorum et Alanorum regna secat. Deinde per Burgiánam et Slavoniam tendit, tandemque a mari Hesperio²⁸⁹) finem habet» (*Muhamm. Fil. Ket. Ferganensis, qui vulgo Alfraganus dicitur, Elem. astronom. Op. J. Golii, Amstelod. 1669. Cap. IX. pp. 38, 39*).

Что рѣчь идетъ не о волжскихъ, а о дунайскихъ Болгарахъ, не о днѣпровскихъ а объ иллирійскихъ Славянахъ, едвали требуетъ объясненія. Болгарія (Burgiána) приводится послѣ Константинополя, какъ страна прилежащая къ

западному океану²⁹⁰); вмѣстѣ съ нею, но еще далѣе къ западу, упоминается о Славянахъ (Slavonia). Здѣсь нѣтъ мѣста Руси. По мнѣнію Френа, Ал-Фергани выписывалъ греческіе источники (*Fraehn, Ibn-Foszl. XIV, XV. Ann.*); они повѣдали ему о Руси не болѣе какъ о Печенѣгахъ, Уграхъ и т. д.

Народы варварскіе становятся извѣстны, подъ своимъ именемъ, не иначе какъ по вступленіи на поприще самобытной исторической дѣятельности или по поводу особыхъ, частныхъ сношеній съ народами образованнаго міра; до той поры имена ихъ сокрыты подъ общими географическими названіями или подъ переводными или подъ тѣми, которыми ихъ обзываютъ сосѣднія племена и т. д.; все это давно уже высказано и доказано Шафарикомъ, Лелевелемъ и другими изслѣдователями. Ограничиваясь исторіею народныхъ именъ у Славянъ, мы видимъ что и родовое славянское имя является въ греческихъ и латинскихъ источникахъ только въ слѣдствіе вторженія Славянъ въ предѣлы римской имперіи; изъ славянскихъ народовъ (за исключеніемъ быть можетъ Сербовъ, о которыхъ случайно упоминаютъ Плиніи и Птоломей) ни одинъ не извѣстенъ подъ своимъ именемъ до IX столѣтія, а иные напр. Чехи и Ляхи до X и XI. Въ слѣдствіе какихъ же сношеній и особыхъ историческихъ переворотовъ, надлежало изъ всѣхъ славянскихъ народовъ именно только русскому достигнуть ранней исторической извѣстности? Потому ли что восточныя славянскія племена, болѣе другихъ, жили въ уединеніи отъ образованнаго историческаго міра? Здравый разсудокъ говоритъ, что русское имя получало право гражданства въ

европейской исторіи не прежде основанія самобытной варяго-русской державы, не прежде столкновенія Руси съ Византією, во второй половинѣ IX-го вѣка.

Но изъ того, что (до срока опредѣленнаго ходомъ политическаго развитія Руси), мы не въ правѣ требовать извѣстій о ней, отъ писателей такихъ народовъ которые не могли, да и не хотѣли знать о ея существованіи, еще не слѣдуетъ что-бы случайный поминъ о народѣ или объ имени Русь въ до-Рюриковскую эпоху, не могъ дойти до насъ какими нибудь косвенными путями. Правда, сдѣланныя до сихъ поръ на этомъ основаніи попытки, оказались неудачными; Езекиилю 'Ρῶς, Руссы Клавдія Мамертина, мнимая Русь Мойсея хоренскаго и Юсіафа бенъ Горіона, τὰ ῥουσια χελάυδια Θεοφана—историческіе призраки и не болѣе; тѣмъ многозначительнѣе, по моему, два, всеизвѣстныхъ, но съ точки зрѣнія славянской системы, еще мало оцѣненныхъ свидѣтельства о древнѣйшемъ существованіи славянской Руси и русскаго имени.

О первомъ изъ этихъ свидѣтельствъ я уже сказалъ что могъ сказать, въ главѣ XVIII; это извѣстіе бертинскихъ лѣтописей. Пусть продолжаетъ норманская школа приводить это извѣстіе въ доказательство своихъ мечтательныхъ миѣній; пусть основываетъ она свои убѣжденія въ тождествѣ Руси и Шведовъ, на томъ обстоятельствѣ что порученные благосклонности Людовика Шведы приговорены имъ къ заточенію какъ обманщики и шпионы, единственно потому что они присвоили себѣ непринадлежащее имъ имя Руси, въ Константинополѣ; пусть возвращается эта школа, спасенія ради, къ торжественно забракованному

Кругомъ и г. Куникомъ превращенію азіатскаго Хакана, въ шведскаго Гакона; для меня драгоцѣнныя слова Пруденція останутся вѣрнымъ свидѣтельствомъ, какъ существованія задолго до Рюрика, южной славянской Руси, подъ управленіемъ Хагановъ, такъ и кореннаго отличія русской отъ шведской народности; останутся, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока не будетъ логически доказано что Итальянцу стоитъ выдать себя за Китайца и быть посажену въ тюрьму за этотъ обманъ, чтобы тѣмъ самымъ укрѣпить итальянское происхожденіе за уроженцами небесной имперіи.

Другое свидѣтельство сохранилось въ сказаніи Житія св. Кирилла о найденныхъ имъ въ Херсонѣ русскихъ письменахъ. Въ этомъ, древне-болгарскомъ житіи, писанномъ, по мнѣнію Шафарика, однимъ изъ учениковъ нашихъ первоучителей, свидѣтелемъ дѣяній и предпріятій св. Константина, имѣвшимъ даже подъ рукою записки его (*Památky dřevn. písemn. jihosl. — Živ. Sv. Konst. Příp. IV*) читаемъ, по поводу его путешествія въ хазарскую землю:

«Абіе же поути се къ, и Херсона дошдь... и обрѣт же тоу еваггеліе и псалтирь роушькими писмены писано, и чловѣка обрѣтъ глаголюща тоу бесѣдоу, и бесѣдовавъ съ нимъ, и силоу рѣчи пріемъ, свои бесѣдѣ прикладае различіи писмень, гласнаа и съгласнаа, и къ богу молитвоу дръже, и вскорѣ начеть чисти и сказовати» (*Жит. св. Konst. § VIII*).

По Ассемани и Добровскому, Шафарикъ относитъ путешествіе Кирилла къ Хазарамъ, къ 840 году (*Sl. Alt. II. 473. Ann. 1*); другіе принимаютъ 858 годъ (*Бодяискій,*

о врем. происх. Слав. письм. 349); во всякомъ случаѣ оно предшествовало водворенію Рюрика въ Новгородѣ. Теперь, что такое эти русскія письма; что такое этотъ чело-вѣкъ говорившій русскою бесѣдою?

Шафарикъ думаетъ что «слово русской употреблено здѣсь еще въ томъ значеніи, въ какомъ оно слышалось около 857 года (зачѣмъ именно около 857-го?) и относится не къ Славяно-Руссамъ, а къ варягамъ-Руси въ Тавриі, преемникамъ готскаго богослуженія. Здѣсь русскія письма суть письма готскія» (*тамъ же, Рѣпорт. IV*). Объ этой новой, до-Рюриковской, таврической, готской, да еще въ добавокъ и христіанской варяжской Руси, онъ не даетъ объясненія; къ утвержденнымъ на внутреннихъ и палеографическихъ примѣтахъ возраженіямъ г. Бодянскаго (*стр. 100*), я имѣю прибавить слѣдующее: если Кириллъ могъ бесѣдовать съ херсонскимъ Русиномъ (мнимымъ Готомъ), безъ предварительнаго изученія его языка («и чело-вѣка обрѣтъ глаголюща тою бесѣдою, и бесѣдовавъ съ нимъ, и силоу рѣчи пріемъ»), значитъ онъ уже зналъ по готски, до путешествія къ Хазарамъ; а тогда зналъ и переводъ св. писанія Вулфилы; слѣдовательно ему готскому чтенію учиться не приходилось (срвн. *Архип. Макарія Ист. Христ. въ Росс. 154*). Что рѣчь идетъ о славянскомъ, Кириллу знакомомъ нарѣчій, видно изъ собственныхъ словъ его біографа. Готовясь къ богословскимъ прѣніямъ съ Хазарами, Кириллъ «Херсона дошдь, наоучи се тоу жидовской бесѣдѣ и кнѣгамъ, осьмь чести прѣложь грамматикѣ, и отъ того разоумъ въспрѣмъ». И тутъ же о самарянскихъ книгахъ: «и отъ бога разоумъ пріемъ

чисти начеть книги бес порока». Здѣсь явно изученіе незнакомаго, неразумнаго языка; срвн. въ еврейско-русскомъ словарѣ 1282 года: «рѣчь жидовскаго языка, предложена на Роускоюю, неразумно на разоумъ» (*Жс. бол. XII, 193*). О русской бесѣдѣ не говорится въ Житіи «разоумъ пріемъ», а «силоу рѣчи пріемъ», выраженіе которымъ и въ наше время можно означить усвоеніе себѣ одного изъ нарѣчій уже знакомаго языка. При извѣстной рѣчи—письмена неизвѣстныя; отсюда выраженіе Житія: «своеи бесѣдѣ прикладае различіи письменъ, гласнаа и съгласнаа, и вскорѣ начеть чисти и сказовати». Объясняется съ Русиномъ Кириллъ могъ безъ труда и при первой встрѣчѣ; читать его книги онъ могъ не иначе какъ приложивъ къ своей, болгарской бесѣдѣ, различіе русскихъ письменъ отъ бывшихъ въ употребленіи у крещенныхъ Болгаръ, то-есть греческихъ (*Чернор. Храбръ*).

Подъ вліяніемъ той же норманской системы, налагающей свое veto на уясненіе какого бы то ни было памятника древне-русской или до древней Руси относящейся славянской письменности, ученый и многоуважаемый авторъ монографіи «о времени происхожденія Славянскихъ письменъ» вынужденъ объявить мѣсто Житія о русскихъ письменахъ, вставкою или подлогомъ. Онъ приводитъ, съ одной стороны, для примѣра, перенесенный изъ Житія въ псковскую Палѣю XV вѣка и тамъ разукрашенный сказъ о томъ что грамота русская «никимъ же явлена, но токмо самемъ Богомъ вседержителемъ» и далѣе: «явилася Богомъ дана въ Корсоуне Роусиноу, отъ него же наоучися философъ Костянтинъ, и отоудоу сложивъ и написалъ книги Роускимъ гласомъ»;

съ другой, объясняетъ что, принадлежи мѣсто о русскихъ письменахъ составителю самаго Житія, онъ самъ бы себѣ противорѣчилъ, представляя вскорѣ за тѣмъ (то-есть за повѣствованіемъ о пребываніи въ Херсонѣ) разсказъ о посольствѣ Ростислава въ Царьградъ, и тутъ же объ изобрѣтеніи славянской азбуки, уже до того, по собственнымъ же его словамъ, отысканной Константиномъ въ Козарѣхъ (91 — 101).

Мѣсто о русскихъ письменахъ находится во всѣхъ извѣстныхъ спискахъ Житія св. Кирилла, представляющихъ противни съ древне-болгарскаго подлинника. Изъ этихъ списковъ только два: Московскій и Львовскій II русскаго происхожденія. Списки: Рыльского болгарскаго монастыря (по которому напечатано Житіе) и Львовскій I, Сербскаго извода; сѣверо-угорскій и Ватиканскій XVI—XVII ст. не опредѣлены; но вѣроятно также составлены не подъ русскимъ вліяніемъ (срвн. *Бодянск.* 39). Откуда же во всѣхъ вставка явно обличающая русское происхожденіе? Неужели исчезли всѣ списки прямо восходящіе къ первоначальному древне-болгарскому Житію; уцѣлѣли только передающіе искаженный русскою вставкою оригиналъ? Не принадлежитъ же вставка эта болгарскимъ или сербскимъ переписчикамъ; тѣ скорѣе бы выпустили изъ подлинника, нежели приняли въ свои списки, мѣсто Житія повидимому утверждающее за русскимъ письмомъ его первенство надъ славянскимъ.

Главною причиною позднѣйшей вставки о русскихъ письменахъ г. Бодянскій считаетъ желаніе объяснить откуда въ Кириллѣ знаніе языка славянскаго, который здѣсь

разумѣется подѣ именемъ Рускаго, тѣмъ болѣе что на Константина и брата его по болѣе части смотрѣли, какъ не на Славянъ (*о ср. пр. сл. п. 101*). Но мнимая вставка объясняетъ только что Константинъ зналъ по славянски (ибо бесѣдуетъ съ Русинномъ безъ предварительнаго изученія его языка), а не откуда зналъ. Да и къ чему же было прибѣгать къ изобрѣтенію этихъ русскихъ письменъ, этого евангелія и псалтыря писанныхъ русскими буквами, когда для достиженія предполагаемой цѣли было совершенно достаточно одной бесѣды Константина съ Русинномъ? Всего же легче и проще было отнести знаніе въ Кириллѣ славянскаго языка къ его рожденію въ полу-славянской Селуни, обстоятельству которое могло быть забыто другими (*Бодянск. I. с.*), но не сочинителемъ вставки, имѣвшимъ подѣ рукою второй § Житія.

Другою, косвенною цѣлью подлога считается патриотическая ревность къ прославленію русской народности. Это мнѣніе (срвн. *тамъ же, 350*) основано на той невѣрной мысли что слова Житія о русскихъ письменахъ, будто бы предполагають заимствованіе Константиномъ своихъ письменъ отъ Русина; и Шафарикъ (*Památky hláholšk. písemn. XXIII—XXV*) и г. Бодянский отвѣчаютъ здѣсь не мысли самаго подлинника, а какимъ то, изъ его словъ выводимымъ произвольнымъ заключеніемъ. Если бы мнимый авторъ подлога имѣлъ цѣлью произвести кириллицу отъ древнѣйшихъ русскихъ письменъ, онъ сдѣлалъ бы, по примѣру Пагѣи, новую вставку въ томъ мѣстѣ гдѣ говорится объ изобрѣтеніи славянскихъ письменъ Константиномъ, по возвращеніи изъ хазарскихъ земель; но сказаніе объ изобрѣ-

теиі осталось нетронутымъ. Константину открываетъ славянскую грамоту самъ Богъ, въ слѣдствіе молитвы (*Житіе § XIV*); о русскихъ письменахъ нѣтъ и помину. Вся эта исторія эпизодическій фактъ и не болѣе; такой же эпизодическій фактъ какъ исторія о самарянскихъ книгахъ. Биографъ св. Кирилла вноситъ и ту и другую въ свое Житіе, во первыхъ потому что онъ зналъ о нихъ, или какъ очевидецъ, или, что вѣроятнѣе, по запискамъ самаго Константина; во вторыхъ, потому что и та и другая равно служатъ къ прославленію философа: «и дивляхоу се емоу, бога хвалеще». Но дѣло на этомъ и кончилось. Житіе не упоминаетъ о русскихъ письменахъ, въ разсказѣ объ изобрѣтеніи славянскихъ, по той причинѣ что Кириллъ (даже допустивъ что онъ снялъ и сохранилъ у себя снимокъ съ этихъ письменъ) не думалъ полагать ихъ въ основаніе своему новому алфавиту, такъ какъ они безъ сомнѣнія показались ему, на греческой письменности воспитанному грамотѣю, неуклюжими и неудобными. Въ Венеціи, по поводу прѣній о такъ называемой триязычной ереси, Кириллъ высчитываетъ народы книги оумѣюще: «явѣ же соуть си: армены, перси, авазгы, ивери, соугды, готѣи, обри, турьси, козари, аравляне, египты и ины мнози» (*Житіе § 16*), но о Руси не упоминаетъ, не смотря на сказанное въ § VIII, потому что въ IX вѣкѣ Русь была народомъ вполне и по преимуществу языческимъ; да и нельзя было назвать книгами уединенную никому не извѣстную, двумя только, вѣроятно крайне недостаточно переведенными отрывками, ограниченную попытку преложенія книгъ, случайно обрѣтенную въ Херсонѣ.

Въ чемъ же состоитъ противорѣчіе о которомъ говоритъ г. Бодянский?

Въ томъ ли что указаніемъ на существованіе русскихъ письменъ, до изобрѣтенія Кирилломъ славянскаго алфавита, составитель Житія какъ будто умаляетъ заслуги философа? Но Черноризецъ Храбръ дѣлаетъ тоже самое; «Прѣжде оубо, говоритъ онъ, словѣне не имѣху книгъ, ну чрътами и рѣзами чѣтѣху и гатааху, погани суще»; это сознание всеизвѣснаго историческаго факта не мѣшаетъ ему признать Кирилла изобрѣтателемъ словенскихъ письменъ: «потомже чловѣколюбецъ богъ.... посла имъ святаго костантина философа, нарицаемаго кирила, мужа праведна и истинна, и сътвори имъ .л. писмена и осмь, ова же по словѣнстѣи рѣчи....» Дѣло въ томъ что руническіе алфавиты (а русскія письмена Житія безъ сомнѣнія ничто иное какъ славянскія руны)²⁹¹⁾ были слишкомъ неполны, неуклюжи, однимъ словомъ рудиментарны, чтобы удовлетворить потребностямъ той оконченной письменности которою обуславливалось приличное преложеніе священныхъ книгъ; вотъ почему крестившіеся Славяне «римскими и грѣчьскими писмены нуждааху ся писати словѣнску рѣчь безъ оустроения» (У. Храбръ); почему моравскіе Славяне считаются неимѣющими «боуквы въ езыкъ свой» (Жит. св. Конст. § XIV); почему наконецъ, за 500 лѣтъ до Кирилла, Готѣъ Вулфила положилъ не готскій руническій, а византійскій алфавитъ въ основаніе своему новосоставленному; руническими же готскими знаками воспользовался только въ той мѣрѣ какой требовало выраженіе несуществующихъ въ греческомъ и латинскомъ языкѣ звуковъ (см. *Kirchhoff, das*

Goth. Runenalphab. 50—55). Кириллъ сдѣлалъ тоже самое и остается изобрѣтателемъ славянскихъ письменъ, какъ Вулфила готскихъ.

Если ко всему вышесказанному прибавить, что кромѣ свидѣтельства черноризца Храбра о чертахъ и рѣзахъ которыми читали и гадали Славяне язычники до принятія христіанства, у насъ сохранилось современное показаніе араба эль-Недима о собственно русскомъ языческомъ письмѣ около 987 года; да и что это показаніе подтверждается Ибнъ-Фодлановымъ о надписи на могилѣ Русина-язычника, видѣнной имъ на берегахъ Волги въ 922 году, то едвали кому вздумается, изъ непредубѣжденныхъ заранѣе изслѣдователей, отрицать логическую связь этихъ русскихъ рунъ съ видѣнными Кирилломъ въ Херсонѣ русскими письменами²⁹²). Гдѣ же надобность укорять Житіе Кирилла ничѣмъ не доказанною, ни на какой палеографической или иной вѣроятности не основанною, Шафарикомъ не признаваемою (*Ram. dŕ. p. Jihosl. pŕip. IV*) вставкою?²⁹³).

На сколько мнѣ кажется, пріисканное норманскою школою *argumentum a silentio* можетъ быть обращено съ ббольшимъ правомъ противъ собственнаго ея ученія. Отношенія германскаго и вообще западно-европейскаго міра къ скандинавскому не тѣ что Грековъ къ русскимъ славянамъ до второй половины IX вѣка; отъ Эйнгарда до позднѣйшихъ лѣтописцевъ, Норманны народъ всеизвѣстный на западѣ. Почему же ни до, ни послѣ призванія, не находимъ мы у этихъ лѣтописцевъ и слѣда русскаго имени для мнимой шведской Руси? Почему не знаютъ о шведской Руси ни *Vita Anskarîi*, ни Адамъ бременскій, ни исландскія саги?

Откуда, съ другой стороны, это, никакими случайностями не объяснимое молчаніе скандинавскихъ источниковъ о Рюрикѣ и объ основаніи русскаго государства? Но здѣсь (и я конечно не могу лучше завершить этой главы и вообще всей моей книги) я уступаю мѣсто моему знаменитому предшественнику и руководителю Эверсу:

«Ослѣпленные великимъ богатствомъ мнимыхъ доказательствъ скандинавскаго происхожденія Руси, историки обращали слишкомъ мало вниманія на то, что въ древнѣйшихъ письменныхъ памятникахъ Сѣвера, не находится и намѣка на дѣйствительность подобнаго факта. Мнѣ кажется это обстоятельство стоитъ тщательнаго изслѣдованія, особенно въ отношеніи къ источнику нашихъ первыхъ и достовѣрнѣйшихъ свѣдѣній изъ Скандинавіи.

Снорри Стурлесонъ жилъ долго при шведскомъ и норвежскомъ дворахъ; подъ конецъ, въ качествѣ Лагманна, въ своей родинѣ, Исландіи, гдѣ онъ былъ умерщвленъ въ 1241 году, то-есть около 130 лѣтъ послѣ смерти Нестора. Любопытно и не разъ уже замѣчено до какой рѣдкой степени научнаго образованія достигли съ X вѣка обитатели этого суроваго острова и какъ они умѣли узнавать о дальнихъ земляхъ и народахъ, не исключая новгородскихъ и кіевскихъ Славянъ, съ которыми Норманны вообще вступили такъ рано въ близкія отношенія. Что Снорри повѣствуетъ намъ древнѣйшаго о Руси, совершилось около 250 лѣтъ до него. Откуда зналъ онъ о томъ? Не изъ однѣхъ пѣсней скальдовъ, не изъ преданій, а изъ древнѣйшихъ хроникъ. На одну изъ нихъ, *Imago Mundi*, онъ случайно ссылается при повѣствованіи о принятіи Владиміромъ

христіанской вѣры; это доказываетъ въ тоже время что остальные рассказы взяты не изъ нея.

Въ Исландіи, какъ извѣстно, были древнѣйшіе анналисты — Сомундъ Сягфуссонъ (1056 — 1133) и Ари Фроди (1068 — 1148). Шлецеръ кажется не вѣрить чтобъ они когда либо писали; но въ введеніи къ своему сочиненію, Снорри объявляетъ что онъ пользовался книгою Ари Фроди. Изъ него ли, изъ Сомунда ли взялъ онъ свои русскія извѣстія, его совершенное молчаніе о Рюрикѣ доказываетъ что и эти древнѣйшіе исландскіе лѣтописцы не знали ничего ни о какомъ Рюрикѣ. Вѣдь не забыли же бы они о немъ или умолчали умышленно?

Уже Миллеръ указывалъ на это *argumentum a silentio*, а Ломоносовъ находилъ въ немъ доводъ противъ скандинавскаго происхожденія Рюрика. Шлецеръ возражаетъ ему II, 272: «по развѣ у Шведовъ и Датчанъ былъ хоть одинъ писатель IX—X вѣка? Вѣдь только послѣ долгаго времени узнали они какъ посчастливилось въ Нормандіи ихъ соотечественнику, морскому разбойнику Рольфу».

Я не знаю былъ ли Ломоносовъ (конечно плохой критикъ) такъ мало свѣдующъ что отыскивалъ исторію Рюрика въ современномъ шведскомъ или датскомъ писателѣ. Но ему казалось, можетъ-быть, также невѣроятнымъ какъ и мнѣ, что эта исторія — если она въ чемъ либо относилась къ скандинавскому сѣверу, не дошла путемъ преданія до какого нибудь позднѣйшаго слагателя сагъ. Дѣло то вѣдь идетъ не о какомъ нибудь счастливомъ предпріятіи, извѣстномъ только тѣмъ немногимъ которые принимали въ немъ участіе и для которыхъ оно имѣло особое значеніе. Судьба

Рюрика не могла не привлечь на себя вниманія того народа къ которому онъ принадлежалъ; она должна была имѣть на него и вліяніе, такъ какъ онъ выселился въ достаточномъ количествѣ чтобы силою подчинить себѣ Славянъ и Финновъ.

Никто не въ правѣ возразить мнѣ что господство Рюрика на востокѣ, могло быть также легко позабыто преданіемъ, какъ первое завоеваніе Норманнами славянскихъ и чюдскихъ земель. Я однакоже въ этомъ завоеваніи не сомнѣваюсь; но оно не было на столько продолжительно и богато послѣдствіями, чтобы молва о немъ могла повсюду распространиться; окончаніе же его не представлялось довольно чуднымъ и уважительнымъ чтобы лечь въ основаніе поэтическому сказанію. Но могъ ли бы родной Рюрикъ не обратить на себя вниманія людей, такъ охотно щеголявшихъ романическимъ элементомъ своей исторіи? Вѣдь послѣ Одина, нѣтъ въ древней исторіи сѣвера ни одного событія болѣе знаменательнаго, болѣе способнаго къ прославленію отечества. Еще бы если сага ничего не знала о Голмгардѣ и Гардарикѣ до временъ Владимира, мнѣ казалось бы менѣе страннымъ ея молчаніе о Рюрикѣ. Но она довольно болтливо рассказываетъ о равныхъ походахъ своихъ витязей на восточныя земли; не упоминаетъ только о трехъ братьяхъ-счастливицахъ. Норвежскій стихотворецъ Тіодольфъ былъ ихъ современникомъ; но въ сохранившихся у Снорри остаткахъ его пѣсней, нѣтъ объ нихъ рѣчи, хотя и говорится о восточныхъ Вандахъ, то-есть о Руси.

Шлецеръ говоритъ что Шведы и Датчане узнали только послѣ многихъ лѣтъ «какъ посчастливилось въ Нор-

манді ихъ соотечественнику, морскому разбойнику Рольфу». Это правда; однакожь узнали и узнали отъ самаго достовѣрнаго и свѣдущаго лѣтописателя скандинавскаго сѣвера, отъ многопомянутаго Снорри. Они можетъ быть узнали бы объ этомъ и прежде, если бы не пропали древнѣйшіе историческіе памятники. И эти то памятники сказали бодрому Лагманну о дальшемъ Рольфѣ, а позабыли о ближнемъ Рюрикѣ? ²⁹⁴).

Я заключаю: Снорри пользовался сѣверными пѣснями и сагами IX вѣка и исландскими лѣтописями начала XII, въ которыхъ упоминалось о русскихъ происшествіяхъ бывшихъ въ связи съ отечественною исторіею; Снорри не говоритъ Ничего о Рюрикѣ; слѣдовательно Ничего о немъ не знаетъ; слѣдовательно Ничего о немъ не говорили и не знали и тѣ древнѣйшіе скальды, слагатели сагъ и лѣтописатели. Но общее молчаніе современныхъ и къ нимъ близкихъ писателей о замѣчательномъ, всенародномъ историческомъ фактѣ, уже само по себѣ даетъ сильный поводъ къ подозрѣнію и даже совершенному отрицанію позднѣйшихъ свидѣтелей. Всего менѣе, при подобномъ молчаніи, можетъ устоять гипотеза, построенная на недоразумѣніяхъ и неправильныхъ выводахъ и не имѣющая за собой ничего кромѣ вполне заслуженной, на иномъ поприщѣ, извѣстности своихъ составителей» (*Ewers, Vorarb. 166 — 170*).

Конецъ.

ПРИМЪЧАНІЯ.

ПРИМѢЧАНІЯ.

1). Въ №№ XI и XII Русскаго Вѣстника 1871 года, г. Иловайскій выступилъ съ высказаннымъ уже отчасти скептическою школою тридцатыхъ годовъ мнѣніемъ, о несостоятельности сказанія лѣтописи о призваніи варяжскихъ князей. Оставляя въ сторонѣ тѣ общенаучныя соображенія, на которыхъ онъ основываетъ свои воззрѣнія на нашу начальную исторію и на которыя можно найти готовые отвѣты у Шлецера, Эверса, Круга, Погодина, г. Куника и другихъ, я ограничусь нагляднымъ разборомъ только болѣе определенныхъ, самобытныхъ положеній его изслѣдованій.

Онъ говоритъ: «Отсюда мы имѣемъ полное право предположить, что и самая легенда о посольствѣ славянскихъ (то-есть новгородскихъ) пословъ за море и о призваніи варяжскихъ князей, эта легенда, выводившая начало Русскаго государства изъ Новгорода — происхожденія новгородскаго или, точнѣе сказать, новгородской редакціи. Въ своемъ настоящемъ видѣ она занесена въ лѣтописный сводъ не ранѣе второй половины XII или первой XIII вѣка, то-есть не ранѣе той эпохи, когда Новгородъ достигаетъ значительнаго развитія своихъ силъ. Это было время живыхъ, дѣятельныхъ сношеній съ Ганзою, то-есть съ германскими и скандинавскими побережьями Балтійскаго моря. Съ XIII вѣка по преимуществу сюда устремлено было вниманіе Сѣверной Руси, и только съ этой стороны свободно достигалъ до насъ свѣтъ европейской цивилизаціи. Между тѣмъ южная Русь была разорена и подавлена тучей азіатскихъ варваровъ. Уже съ появленіемъ Половцевъ, то-есть со второй половины XI вѣка, Русскіе постепенно

были оттъсняемы отъ побережьевъ Чернаго моря, и торговыя сношенія съ Византіей все болѣе и болѣе затруднялись. А когда нагрянула Татарская орда, эти сношенія прекратились. Нить преданій о связяхъ Руси съ Чернымъ моремъ порвалась; между прочимъ заглохли и самыя воспоминанія о русскихъ походахъ на Каспійское море, и мы ничего не знали бы о нихъ, если бы не извѣстія Арабовъ. Кіевъ, покинутый князьями и лежавшій въ развалинахъ, не могъ уже спорить съ Новгородомъ, который началъ присвоивать себѣ славу самаго основанія Русскаго государства. Преданіе о трехъ братьяхъ Кіѣ, Щекѣ и Хоривѣ есть ничто иное какъ таже попытка отвѣтить на вопросъ: откуда пошло Русское государство? Эта попытка конечно южно-русскаго кіевскаго происхожденія. Кіевское преданіе не знаетъ пришлыхъ князей; оно говоритъ только о своихъ туземныхъ, и связываетъ ихъ память съ Византіей и съ Болгарами Дунайскими. Это преданіе оттъснили на задній планъ и не дали ему ходу сѣверные лѣтописцы, которые на передній планъ выдвинули легенду о призваніи варяжскихъ князей» (*Р. Вѣстн.* 1871. № XII, 379, 380).

Говоря о близкихъ сношеніяхъ Новгорода съ сѣверно-германскими племенами, въ слѣдствіе ганзейской торговли, г. Иловайскій забываетъ, что не рѣдко эти сношенія смѣнялись враждебными. Именно въ XII—XIII вѣкѣ, столкновенія Новгорода съ Шведами принимаютъ крайне ожесточенный характеръ (см. *перв. Новг. лѣт. подъ 1134, 1141, 1164, 1184, 1201 и.*); 1240 годъ ознаменованъ великой побѣдою Александра Невскаго. Извѣстно, съ другой стороны, что въ этихъ же XII—XIII вѣкахъ, Варягами для Новгородцевъ были уже исключительно одни Норманны. «Въ то же лѣто (1184) рубоша Новгородьцѣ Варязи, на Гьтъхъ Нѣмьцѣ, въ Хоружьку и въ Новотържьцѣ; а на весну не пустиша изъ Новагорода своихъ ни одного мужъ за море, ни съла въдаша Варягомъ, нъ пустиша я безъ мира». При подобнаго рода отношеніяхъ между обоими племенами, кажется трудно допустить, чтобы русскому лѣтописцу того времени пришло на мысль, для прославленія

III

своей народности, вывести свой русскій княжескій родъ отъ этихъ Варяговъ — Шведовъ, вѣковыхъ враговъ Новгорода, самихъ же Шведовъ выставить воспріемниками русской державы.

Замѣтимъ еще, что въ томъ видѣ, въ которомъ дошла до насъ лѣтопись (по мнѣнію г. Иловайскаго въ новгородской передѣлкѣ), призванные варяги не отдѣляются въ ней отъ Руси; отъ варяговъ переходитъ и самое имя Руси на славянскія племена. Но если начальная (кіевская) лѣтопись варяговъ не знала; если они плодъ воображенія новгородскаго составителя, желавшаго вывести своихъ предковъ изъ Скандинавіи, то конечно тому же составителю принадлежать и слова: «Смце бо ся зваху ти Варязи Русь, яко се друзи зовутся Свое, друзи же Урмане, Анъглыне, друзи Гѣте; тако и си». — «Отъ тѣхъ прозвася Руская земля, Новугородци; ти суть людье Ноугородци отъ рода Варязьска, преже бо бѣша Словѣни». Спрашивается: къ какому заключенію должно привести насъ это, изъ теоріи г. Иловайскаго прямо вытекающее предположеніе? Для Нестора — или незнавшаго кто были его варяги — Русь, или чувшшаго (какъ будетъ показано въ своемъ мѣстѣ) ихъ общее съ призывавшими племенами славянское происхожденіе, было естественно отнести къ нимъ честь русскаго имени; но что же означали для новгородскаго составителя басни о призваніи, имъ же самимъ внесенныя въ лѣтопись XIII вѣка слова: «А Словѣнескъ языкъ и Рускый одинъ, отъ Варягъ бо прозвася Русью, а первѣе бѣша Словѣне»? Очевидно, что словенскій языкъ не отличенъ отъ шведскаго.

Вѣроятно самъ г. Иловаискій усмотрѣлъ, что, взятая съ этой точки зрѣнія, его критическая оцѣнка лѣтописи представляетъ значительныя неудобства. Въ новой статьѣ о норманнизмѣ, помѣщенной въ №№ XI и XII Русскаго вѣстника 1872 года, онъ утверждаетъ что «въ первоначальномъ своемъ видѣ легенда о призваніи князей не смѣшивала Русь съ Варягами» и дагѣе, что «первоначальная лѣтописная легенда имѣла только династическій отбѣнокъ, то-есть говорила о призваніи князей отъ Варягъ, а

существованіе народа Варягоруссовъ есть домысль болѣе поздней редакціи» (*Р. Вѣстн. Т. 102, № 12, 506*).

Я не знаю, до какой степени можно признать за изслѣдователемъ право открывать новыя редакціи лѣтописей, по мѣрѣ могущихъ встрѣтиться на пути его историческихъ затрудненій. Вообще умысленныя искаженія письменныхъ памятниковъ, преднамѣренныя интерполациі и т. п. весьма рѣдкое палеографическое явленіе; систематическая переработка лѣтописи, постепенное измѣненіе однимъ списывателемъ послѣ другаго, ея основныхъ положеній, безпримѣрный, неслыханный фактъ; да и вѣроятно ли, чтобы до насъ не дошло ни одного списка ни первой (кіевской), ни второй (новгородской), редакціи, а только одни экземпляры третьяго свода? Но допустивъ эту необъяснимую и г. Иловайскимъ не объясняемую случайность, не въ правѣ ли мы спросить у него когда, гдѣ, кѣмъ и по какому поводу произведено это второе по первому извращеніе древней лѣтописи? По принятой г. Иловайскимъ системѣ, оно должно быть отнесено къ Руси сѣверной, новгородско-суздальской, въ XIV—XV вѣкѣ. Но въ эту эпоху, еще болѣе чѣмъ въ предъидущую, Варягами называются одни Шведы-Норманны; выводя отъ нихъ свою варяжскую Русь, составитель втораго искаженія лѣтописи сознаетъ (какъ уже сказано о первомъ, со словъ г. Иловайскаго) невозможное тождество словенскаго и шведскаго языковъ. «А Словѣнескъ языкъ и Рускій (варягорусскій, шведскій) одинъ».

Г. Иловайскій (*Р. В. 1871 г. № X II, 374*) указываетъ на внесенный Несторомъ въ свою лѣтопись, древнѣйшій хронологическій перечень: «А отъ перваго лѣта Михайлова до перваго лѣта Олгова, Рускаго князя, лѣтъ 29; а отъ перваго лѣта Олгова, понеже сѣде въ Кіевѣ, до перваго лѣта Игорева лѣтъ 31; а отъ перваго лѣта Игорева до перваго лѣта Святослава лѣтъ 33», а за тѣмъ говорятъ: «Въ этомъ хронологическомъ перечнѣ начало Руси ведется не отъ призванія Варяговъ, а отъ той эпохи, когда Русь ясно, положительно отмѣчена византійскими историками.

Затѣмъ хронистъ прямо переходитъ къ Олегу. Гдѣ же Рюрикъ? И почему такое повидимому замѣчательное лице, родоначальникъ русскихъ князей, не получилъ мѣста въ означенной хронологіи? Мы въ этомъ случаѣ допускаемъ только одно объясненіе, а именно: легенда о Рюрикѣ и вообще о призваніи князей не принадлежитъ тому же лицу, которое записало означенный хронологическій перечень. Эта легенда занесена собственно въ лѣтописный сводъ, и слѣдовательно принадлежитъ позднѣйшей редакціи сравнительно съ упомянутымъ перечнемъ».

Что этотъ перечень древнѣе лѣтописи и внесенъ въ нее самимъ Несторомъ, уже давно доказано Погодинымъ (*Измѣд. I, 93*); что въ немъ не упомянуто о Рюрикѣ, объясняется весьма просто его чисто-кіевскимъ, мѣстнымъ характеромъ; да и самый временникъ Несторовъ есть ничто иное какъ кіевская лѣтопись «повѣсть временныхъ лѣтъ, откуда есть пошла Руская земля, кто въ Кіевѣ нача первѣе княжити и откуда Руская земля стала есть». О Рюрикѣ и новгородскихъ дѣлахъ въ ней говорится только въ той мѣрѣ, какая была необходима для придачи одной общей основы исторіи словенорусскаго племени. Для варяжскаго вопроса эта хронологическая таблица особенно важна потому что, вопреки мнѣнію г. Иловайскаго будто бы «кіевское преданіе не знаетъ пришлыхъ князей», она, независимо отъ Нестора и разумѣется еще до него, указываетъ на Олега какъ на пришлаго князя. Олегъ принялъ Рюриково княженіе въ 879 году, т. е. 27 лѣтъ послѣ перваго лѣта Михаилова (по Нестору, вмѣсто 842го — 852 г.); между тѣмъ хронологическій перечень полагаетъ между нимъ и Михаиломъ, не 27, а 29 годовъ, потому что признаетъ Олега русскимъ княземъ (въ его смыслѣ кіевскимъ), только со дня его водворенія въ Кіевѣ, въ 881 году (л. 6390, выставленное въ другихъ спискахъ лѣтописи, въ лаврентьевскомъ, здѣсь вѣрнѣйшемъ, не находится) т. е. «понеже сѣде въ Кіевѣ» (понеже — ἐπεὶ, postquam; поневаже въ Остром. ἐξ ὅτε, e quo; см. *Miklos. Gloss. palaeosl.*). До 881 года Олегъ былъ для

составителя перечня чужимъ, варяжскимъ или даже новгородскимъ династомъ; въ этомъ году пришлый въ Кіевъ варягъ становится княземъ туземнымъ, русскимъ.

Далѣе г. Иловайскій считаетъ Рюрика и братьевъ его лицами легендарными, мифическими; изобрѣтеніемъ (можетъ быть и не сознательнымъ) сѣвернаго лѣтописца (*Р. Вѣстн.* 1871 № XII, 374, 413). Я не нахожу въ лѣтописи никакихъ признаковъ легенды или мифа. Богухвалъ выводитъ своихъ ляхскихъ князей отъ Крака, жившаго въ эпоху царя Асуера; за нимъ другой Кракъ и Ванда. Послѣ Ванды междуцарствіе до временъ Александра великаго; потомъ избраніе Лешка и отъ него до Пяста, непрерывный рядъ польскихъ князей изъ рода Лешкова. Григорій турскій производитъ своихъ Франковъ отъ Франсіона, Гекторова сына. Густинская лѣтопись упоминаетъ о Русѣ, сынѣ Леховѣ; другія басни знаютъ о Словенѣ и Русѣ. Что же нашъ мнимый новгородскій лѣтописецъ? Князю совершенно достовѣрному, второму кіевскому князю Игорю, онъ навязываетъ — не въ прадѣды, не въ дѣды, а въ отцы — какого то небывалаго Шведа, тогда какъ имя Игорева отца было вѣроятно извѣстно во всей Руси. Къ этому, изобрѣтенному для прославленія Новгорода, шведскому Рюрику, воображаемая сѣверная лѣтопись относится съ полнымъ равнодушіемъ; она не только не знаетъ о легендарныхъ, т. е. баснословныхъ подробностяхъ его происхожденія, но не намекаетъ даже ни на одинъ какой нибудь подвигъ его воинской или гражданской дѣятельности. Гдѣ же тутъ легенда? гдѣ мифъ?

Тройственное число призванныхъ варяжскихъ братьевъ — князей, имѣло бы, при другихъ доказательствахъ ихъ легендарности, болѣе уважительное значеніе. При своей уединенности, оно остается случайнымъ историческимъ явленіемъ. Около эпохи призванія, намъ извѣстны три князя у Моравлянъ: Святополкъ, Ростиславъ и Коцель. Или они тоже мифическія личности?

2). «Ему вообще какъ то неловко въ славянскомъ мірѣ», говоритъ Шафарикъ о Шлецерѣ (*Sl. Alt.* II. 111). «Онъ не

VII

зналъ слишкомъ твердо нашихъ лѣтописей, и не сравнивалъ послѣдующихъ извѣстій съ первыми» (*Погод. Изсл. III, 161, прим. 302*).

3). Срвн. Miklosich, Gloss. palaeosl. v. былъ.

4). Въ поэмѣ Ludiše a Lubog встрѣчаемъ прилагательное jagobujnú: «Vskoči na oř jagobujnú» (*ruk. Kralodv. 39*).

5). У итальянцевъ, въ обратномъ смыслѣ: clarus — schiavo; sclavus — schiavo и т. п.

6). О происхожденіи слова вѣно отъ глагола вѣнити (ven- dere) см. *Солов. Ист. Росс. I, прим. 63*.

7). О гривнѣ см. любопытное разсужденіе Корецкаго въ *Труд. Общ. Ист. и древн. Росс. IV, I, 223*.

8). У Сахарова (*Сказ. святочн. п. 16, 2.*) конецъ этой пѣсни слѣдующій:

Онъ точитъ свой булатный ножъ,
Котель кипитъ горючій,
Возлѣ котла козель стоитъ,
Хотятъ козла зарѣзати.
Ой коліодка, ой коліодка!

Приводимое Снегиревымъ чтеніе г. Срезневскаго «ой каліодка» правильнѣе. Обрядъ совершенно сходный съ описаннымъ въ этой пѣсни, встрѣчаемъ у древнихъ Пруссовъ. «Quem sacrificandi hirci morem Sudavii. . . . ad hunc diem (licet manifestè non ausint prohibente eorum nefas pio principe Alberto) observare dicuntur» (*Johannes Funccius in Comm. ad Chronol. ad ann 1217*). Еще въ XVII вѣкѣ воспрещалось козлопоклоненіе «die Bockheiligung» прусскимъ уставомъ. См. *Hartknoch de reb. Pruss. XI. 174—179*.

9). Между лаконскою Артемидою и таврическою есть несомнѣнная, тѣсная связь (см. *Creuzer, Symbol. II. 128. Anm. 173. — O. Müller, Dorier I. 386*); таврическая же Артемида (у Страбона l. VIII. 315: παρθένης, cfr. l. V. 262. — У Амм. Марцелл. l. XXII, 315: Orsiloche, русалка? — У Ваперада, Mat.

verb. Dewana) известна во Фракии под именем Βένδις (вендской?) богини. «Βένδις ἢ Ἄρτεμις, Φρακιστί· παρα δὲ Ἀθηναίοις ἑορτὴ Βενδιδία» (Hesych.). Въ Вионнии, близкой по родственнымъ отношеніямъ къ греческимъ черноморскимъ колоніямъ, одинъ изъ мѣсяцевъ года именовался Βενδιαῖος; у Грековъ Ἄρτεμις (Thes. Gl. l. v. Βένδις).

10). Въ томъ же смыслѣ употребляетъ слово feoh англосаксонская поэма о рунахъ: «Feoh byth frofur fira gehwylcum» (Geld ist Trost fur jeden Menschen). «Feoh heisst ursprünglich Vieh, dann aber pecunia, gerade wie sich das lateinische Wort von pecus gebildet hat: wobei anzumerken ist, dass auch fé und pe—cus ursprünglich zusammen zu fallen scheinen» (*W. Grimm, üb. deutsche Run. 217—236*).

11). См. Амміана Марцелл. о Квадахъ (17, 12) и объ Алахахъ (31, 2). «Itaque confestim Avarico ritu iusiurandum (chaganus) ad hunc modum praestitit. Ense educto, sibi et Avarum genti dira est imprecatus, si quid mali comminisceretur Romanis in eo, quod pontem super Sao flumine facere susceperit, ut ipse et universa gens ad internecionem usque ferro periret» — ὑπὸ ξίφους μὲν αὐτός τε καὶ τὸ Ἀβάρων ἅπαν ἀναλωθεῖν φῦλον (*Menandr. ed. Bonn. 335*). Эта аварская клятва равносильна нашей «будеть достоинъ своимъ оружіемъ умереть» (*Игор. дог. Лавр. 22.*).

12). Шегрєвъ (*Mem. de l'Ac. Imp. d. sc. VI. Ser. T. II. 6me Livr. 563—592*) написалъ цѣлое разсужденіе о Лудѣ; «das Wort ist nicht slawonisch», говорить онъ. Увѣренности много.

13). «κατακτενομένους ἐν τοῖς πολέμοις». Въ средневѣковомъ греческомъ языкѣ πόλεμοςъ всегда praelium, pugna.

14). «Hinter den Karpathen schikte man ein in Blut getauchtes Schwert herum, um zu bezeichnen, dass derjenige, welcher nicht in die Reihe der Krieger einträte, in ewige Sklaverei verfallen würde» (*Wierzbic I. 3, ap. Maciejowsk. Sl. Rg. I. 188*). Въ этомъ аллегорическомъ славянскомъ обрядѣ, какъ и у насъ, вѣчное, т. е. замогильное рабство, является казнію трусовъ.

15). У Ярослава на 40 т. туземнаго войска, всего 1000 варяговъ (*Давр. 61*).

16). Карамзинъ (*III, 83*) полагаетъ, что участіе Руси въ походѣ Эстовъ и Кореловъ противъ Сигтуны было не важно, когда современные лѣтописцы наши о томъ не упоминаютъ. Между тѣмъ шведскіе источники указываютъ на Русь (см. *Kruse, Urgesch. d. esthn. VStam. 562. Anm. 2*); а Далинъ говоритъ о вывезенныхъ изъ Сигтуны въ Новгородъ вратахъ Корсунскихъ (*Карамз. III, прим. 85*.—Срвн. *Аделунгъ, Корсунск. стр. 151—156, прим. 392*).

17). «Qui sunt in captivitate apud eos, non omni tempore, ut apud genteſ alias, in servitute tenentur, sed certum eis definitur tempus, in arbitrio eorum relinquendo, si oblata mercede velint dein reverti ad suos, aut manere apud ipsos liberi et amici» (*Mauricii Strateg. XI. 5*). О Руси X вѣка Ибнъ Дада замѣчаетъ: «съ рабами обращаются хорошо» (*Хвоис. Извѣст. и пр. 36*). Срвн. законы Франковъ (*lex Sal. Guef. X. § 1*), Норвежцевъ (*Frosta-thingslag IV. 13*), Шведовъ (*Ostgöotalag Vins. c. I. — Skånelag V*) о рабахъ. О неслыханномъ примѣрѣ германскаго варварства свидѣтельствуемъ посланіе Папы Григорія къ Бонифацію: «hoc quoque inter alia crimina agi in partibus illis dixisti, quod quidam ex fidelibus ad immolandum paganis sua venudent mancipia» (*Epist. Bonif. 25*). Гриммъ (*DRA. I. 339*) подозреваетъ, что Скандинавы мѣтили своихъ рабовъ разрѣзываніемъ ноздрей: «sordi ath that är trels merk och ei frels mans» (denn geschlichtete nase ist knechts zeichen und nicht freien mannes).

18. Срвн. Солов. ист. Росс. I, прим. 437.

19). Впрочемъ эти шалвары были обычны едвали не у той только черноморской или приволжской Руси, которую видѣлъ Ибнъ-Дада и которая могла усвоить себѣ нѣкоторыя обыкновения тѣхъ тюркскихъ племенъ, между которыми она жила уже съ давнихъ лѣтъ.

20). Конечно, славянскія племена были чужды звѣрству и

необузданной кровожадности германскихъ народовъ; не признавая войны единственною цѣлью своей жизни, они въ самой войнѣ были доступны чувствамъ состраданія и великодушія; Славой просить Забоя о пощадѣ разбитыхъ и помилованія просящихъ враговъ: «Aj Zábóji bratrie! juž nám pedaleko hory, a juž hlúček vrahóv, i ti žalostivo prosie» (*Ruk. kralodv.* 49). Странно было бы между тѣмъ ожидать отъ народа языческаго и грубаго, несомвѣстной съ суровою историческою эпохою, мягкости нравовъ и г. Куникъ (*Beruf.* II. 368, 369) узнаеть совершенно произвольно Норманновъ въ Руси 865 и 944 годовъ, по греческимъ описаніямъ ея жестокости. Въ этихъ описаніяхъ не должно упускать изъ виду, съ одной стороны, обычную Грекамъ страсть къ преувеличенію; съ другой, особое ожесточеніе съ какимъ всѣ язычники поступали съ плѣнными христіанами, преимущественно съ священно-служителями. Что Левъ грамматикъ (*ed. Bonn.* 324) о Руси 941 года, то самое говорить Прокопій о Славянахъ 550-го: «Obvios autem non ense, non hasta, non alio quoquam usitato necis genere conficiebant, sed depactis valide in terram sudibus praeacutis, miserorum sedes multa vi infingebant, et infixas inter nates palorum cuspides adigentes adusque viscera, illis vitam extorquebant. Praeterea defossis humi lignis quatuor crassioribus alligabant hi Barbari eorum, quos ceperant, manus ac pedes; deinde capita fustibus assidue tundendo, veluti canes, aut serpentes, aliudve ferae genus mactabant. Alios cum bobus et ovibus, quas in patriam abducere non poterant, in tuguria compactos, immisericorditer cremabant. Ita Sclaveni illos, in quos incidebant, necare erant soliti» (*Procop. de b. g. ed. Bonn.* II, 444, 445). Такими же красками описана жестокость Сарацынъ въ войнахъ съ Греками, въ письмѣ патріарха Николая къ калифу; Сарацыны, говоритъ онъ, не рубятъ головъ христіанскихъ плѣнниковъ, а зарѣзываютъ ихъ какъ животныхъ, или, привязавъ къ столбу, стрѣляютъ въ нихъ для потѣхи камнями или стрѣлами (*Spicileg. roman. T. X. P. II. Ep. CII. p. 378*).

21). Защищаемое нѣкоторыми новѣйшими историками мнѣніе,

будто бы Рюрикъ первоначально поселился въ Ладогѣ, основательно опровергнуто Калайдовичемъ въ статьѣ подѣ заглавіемъ: «Разысканіе о пришествіи Рюрика въ Ладугу» (*Труды Общ. ист. и древн. Росс. I, 115 — 129*). Впрочемъ, можно допустить, безъ затрудненія, что до окончательнаго водворенія въ Новгородѣ, Рюрикъ, срубившій, тотчасъ послѣ призванія, городъ Ладугу (*Лазр. 8, прим. aa*), безъ сомнѣнія для защиты противъ изгнанныхъ въ 862 году варяговъ - Норманновъ, жилъ сначала чаще въ пограничной крѣпости, чѣмъ въ центрѣ своихъ новыхъ владѣній, Новгородѣ. Да и вообще значеніе призванія опредѣляется менѣе названіемъ того или другаго города, чѣмъ словами: «и приидоша къ Словеномъ первое» и старшинствомъ Рюрика.

22). Шлецеръ думалъ «что Новгородцы, Кіевляне и всѣ прочіе народы сего государства, назвались Руссами послѣ пришествія Варяговъ» (*Ист. I, 603*); слѣдовательно и Чюдь, Меря, Весь и т. д. Въ другомъ мѣстѣ (*тамъ же, 681*) онъ понимаетъ финскія племена подѣ названіемъ Славянъ, а Руссами зоветъ однихъ только Норманновъ (*тамъ же, 703 и гл. I, 6*). Кругъ (*Forsch. I. 210*) прямо говоритъ: «Всѣ народы, состоявшіе подѣ властію русскихъ князей и образовавшіе новое государство, Славяне, Чюдь и т. д., приняли въ послѣдствіи знаменитое русское имя». Желательно бы знать на какихъ доказательствахъ основано это мнѣніе. Гдѣ, кѣмъ и когда прилагается имя Руси финскимъ народностямъ? Какимъ образомъ принявшіе отъ Шведовъ русское имя финскія племена, зовутъ русскихъ Славянъ не Русью, а Вендами *Wänälaiset*? Когда и въ слѣдствіе какихъ историческихъ случаевъ, утратили Финны, Эсты и пр. имя Руси? Какимъ образомъ могъ Несторъ писать о Чюди своего времени: «Русь, Чюдь и вся языци», если Чюдь стала Русью тотчасъ послѣ призванія варяговъ? Я не спорю, что при норманскомъ взглядѣ на начало русскаго государства, совершенно непонятно почему имя Руси переходитъ на одни только славянскія племена; но отыскивать ключъ этой загадки я предоставляю ревнителямъ норманскаго мнѣнія.

23). «Того же лѣта (1228) побѣди Пургаса Пурешевъ сынъ съ Половци, и изби Мордву всю и Русь Пургасову, а Пургась едва вмагъ утече» (*Лавр. 192*). Имя Пургаса напоминаетъ хорватское Поруга у Константина багрянороднаго (*de adm. imp. ed. Bonn. 149*).

24). Сюда слѣдовало бы включить и то русское племя, существованіе котораго на берегахъ Чернаго и Азовскаго морей, съ временъ незапамятныхъ (безъ сомнѣнія какъ отрѣзаннаго отъ Автовъ ломтя словенорусскаго союза), дѣлается съ каждымъ днемъ вѣроятнѣе, въ слѣдствіе предпринятыхъ по этому предмету въ новѣйшее время строго-научныхъ изслѣдованій. Драгоцѣнныя свѣдѣнія о черноморской или приволжской Руси, въ началѣ X вѣка, находимъ у г. Хвольсона (*Ибнъ-Даста*). Отсюда можетъ быть и суждено выдти окончательному рѣшенію вопроса о началахъ Руси. Но въ положительную сферу науки, Черноморская Русь, въ настоящее время, еще не вошла.

25). Добровскій (*у Шлец. Нест. III, 684*) замѣчаетъ справедливо: «Симъ бо первое; симъ относится къ языку, т. е. на сей языкъ переведена библія, а не для нихъ».

26). Добровскій сомнѣвается въ подлинности этой буллы, на томъ основаніи что между папскими письмами нѣтъ письма Іоанна XIII и что, сверхъ того, это письмо относилось бы къ эпохѣ предшествовавшей нѣсколькими годами крещенію Руси при Владимирѣ (*Slavin, 292*). Но развѣ всѣ письма римскихъ папъ имѣются на лицѣ? Изъ нихъ не дошло до насъ и десятой доли. А что уже съ 865 года, славянское (греко-болгарское) богослуженіе принялось на Русь, было конечно извѣстно и въ Римѣ. Основанныя на хронологическихъ соображеніяхъ выводы о подлогѣ Пубички (*Gesch. v. Boehm. III. 7*), тоже не рѣшаютъ вопроса; затрудненія какія встрѣчало со стороны Регенсбургскаго капитула, учрежденіе епископства въ Прагѣ, достаточно объясняютъ почему данное папою Іоанномъ XIII обѣщаніе могло быть осуществлено только при преемникѣ его, Бенедиктѣ VI въ 972 году.

27). Ту же догадку встрѣчаемъ у Добровскаго, въ замѣчаніяхъ сообщенныхъ Шлецеру (*Ист. III, 680*).

28). Такихъ непонятныхъ сокращеній есть много въ лѣтописяхъ; напр. въ Лавр. списокѣ подъ 945 годомъ: «градъ же бѣ Кіевъ, идѣже есть нынѣ дворъ Гордатынъ и нифовъ». Безъ помощи варианта Ипатьевского списка, никто бы не угадалъ слова Никифоровъ подъ сокращеніемъ Нифовъ.

29). Быть можетъ слова «нарицаеміи Норци, еже суть Словѣне» были сначала приписаны на полѣ, а потомъ уже внесены въ самый текстъ. Приписка, во всякомъ случаѣ, древняя.

30). Почти тоже самое можно сказать о бѣльшей части изъ нихъ и въ настоящее время.

31). При недостаткѣ источниковъ, я считаю опаснымъ проводить положительныя теоріи о началахъ общественнаго быта Славянъ, въ эпоху язычества; Шафарикъ и Палацкій, при всей своей осторожности, не избѣгли въ посвященныхъ ими этому вопросу сужденіяхъ, ни противорѣчій, ни предвзятыхъ мнѣній. О нашихъ историкахъ можно кажется сказать тоже самое. Между тѣмъ, при несомнѣнномъ (какъ я надѣюсь доказать) существованіи у Руси наследственныхъ князей до варяговъ, господствующія возрѣнія на бытъ русскихъ племенъ въ IX вѣкѣ должны измѣниться по неволѣ.

32). У всѣхъ вообще народовъ имя земли образуется изъ народнаго; у Славянъ земля имѣетъ вмѣстѣ значеніе земли, народа, а въ извѣстныхъ случаяхъ и княжескаго рода. Въ римованной хроникѣ Далимиля, 6: «V srbškém iazyce iest zemie, léžto Charvati iest imie». У Нестора: «Се повѣсти временныхъ лѣтъ откуда пошла естъ Руская земля». — «Отъ тѣхъ прозвася Руская земля Ноугородьци». — «вся братья Руская земля» и т. д. Въ Словѣ о полку Игоревѣ: «О руская земля уже за Шеломанемъ еси».

33). О городахъ Краковѣ, Вильнѣ и пр., какъ религіозныхъ центрахъ, см. *Mone, Gesch. d. Heid. I. 147*. О городѣ Nemci у *Annal. Saxo ad. ann. 1017*: «haec civitas, in pago Silensi

posita, ob qualitatem sui vel quantitatem, cum execranda gentilitas ibi veneraretur, ab incolis nimis honorabatur».

34). *Procop. de b. g. ed. Bonn. II. 334*: «Sclaveni et Antae non uni parent viro, sed ab antiquo in populari imperio vitam agunt, ac propterea utilitates et damna apud ipsos in commune vocari solent». — *Constant. Porph. de adm. imp. ed. Bonn. 128, 129*: «Principes vero, ut aiunt, hae gentes non habent, praeter zupanos senes, quemadmodum etiam reliqui Sclavorum populi». — *Thietmar Merseb. ap. Pertz, V, 812*: «His omnibus, qui communiter Liutici vocantur, dominus specialiter non praesidet ullus; unanimi consilio ad placitum suimet necessaria discutientes, in rebus efficiendis omnes concordant». — *Boguphal. ap. Sommersb. II. 20*: «Lechite qui nullum regem seu principem inter se, tamquam fratres et ab uno patre ortum habentes, habere consueverant».

Основываясь на этих свидетельствах, Кругъ (*Forsch. II. 302*) также допускаетъ отсутствіе князей у Славянъ въ прежнія времена: царь, князь, король— слова не славянскія. Между тѣмъ онъ приводитъ далѣе (*ibid. 406. Anm. ***) известное мѣсто имп. Маврикія о славянскихъ князьяхъ— $\rho\eta\gamma\epsilon\varsigma$ и притомъ указываетъ на славянскихъ $\rho\eta\gamma\epsilon\varsigma$ и $\alpha\rho\chi\omega\tau\epsilon\varsigma$ у Теофана, на principes, duces, reges, regulos у Эйнгарда, въ фульдскихъ и бертинскихъ лѣтописяхъ и т. д.; но тѣмъ же не менѣе утверждаетъ что все это ни мало не противорѣчитъ выводимымъ изъ Прокопія, Константина и Дитмара заключеніямъ, о демократическомъ устройствѣ Славянъ. Одно только оставлено въ неизвѣстности, а именно, объясненіе какимъ образомъ свидетельства современниковъ объ управленіи Славянъ князьями, не противорѣчатъ теоріи объ отсутствіи у Славянъ княжеской власти.

35). Вотъ греческій текстъ Константина: « $\alpha\rho\chi\omega\tau\alpha\varsigma$ δὲ ὧς φασι, ταῦτα τὰ ἔθνη μὴ ἔχει, πλὴν ζουπάνους γέροντας, καθὼς καὶ αἱ λοιπαὶ Σκλαβίνοι ἔχουσι τύπον». Въ томъ видѣ въ какомъ дошли до насъ эти слова Константина, они рѣшительно не имѣютъ смысла. Онъ не можетъ говорить «ὧς φασι» (ut aiunt) о современныхъ ему и вполнѣ известныхъ далматскихъ Славянахъ; онъ не можетъ говорить о тѣхъ же, ему со-

временныхъ, далматскихъ Славянахъ что у нихъ нѣтъ князей (non habent), когда тутъ же рассказываетъ объ избраніи ими, по внушенію крестившаго ихъ императора Василія, наследственныхъ князей, изъ того же, «до настоящаго дня» (μέχρι τοῦ νῦν) существующаго княжескаго рода.

Должно полагать что, по обычаю своему, конечно странному, Константинъ употребляетъ здѣсь настоящее μὴ ἔχει вмѣсто прошедшаго μὴ εἶχε. Такъ напр. онъ говоритъ о Хорватіи *до 917 года*: «Exhibetque (ἐκβάλλει) equitum sexaginta millia, peditum centum millia, et sagenas octoginta, conduras centum; et sagenae quidem quadraginta viros habent (ἔχουσιν)» etc.; и тутъ же о Хорватіи своего времени (949—952): «Et sagenas quidem nunc (ἀρτίως) triginta habet (ἔχει), conduras magnas parvasque, et equitatum peditatumque» (*de adm. imp. ed. Bonn. 151*). По этому слѣдовало бы читать вмѣсто: «principes vero, ut aiunt, hae gentes non habent» — «hae gentes non habebant», чѣмъ и объяснилось бы, иначе непонятное ὧς φασί — aut aiunt. Но къ какой эпохѣ отнести это извѣстіе? Ужъ не фантазируетъ ли Константинъ о временахъ предисторическихъ, какъ Богухвалъ о Лехитахъ при царѣ Ассурѣ?

36). Дандоло (ар. *Joann. Lucium de regn. Dalm. 67*) называетъ кроатскаго князя судіею «Chrobatorum Judex». — У Сербовъ древнеславянское князь вытѣснено титуломъ великаго жупана, а потомъ царя; въ житіи св. Симеона (Стефана Немань) князьями названы сербскіе вельможи (*Šafar. Pam. 12, 15*). Напротивъ у Чеховъ и Полабовъ, жупанами назывались назначаемые отъ князей сановники: «Quod ipsi principes ejusdem patris... consensu fere omnium baronum et supranorum suorum, universali decreto statuerunt» etc. (*Dreger № 23*).

37). Отсюда чешское выраженіе dědič — наследникъ. «...tak aby dotězienu Adam u s dědiczi swymi prawem dedičznym gi na wěcznost měl a vřjwal» (*Чешск. грам. 1305 г. у Бочка, V. 196. № CLXXXIV*); русскія: «Съдцяцю бо Глѣбови Гюргевицю Кыевѣ

по русски вѣроятно валень. Въ густинской лѣтописи происхожденіе этой игры связано съ разрушеніемъ Перунова идола, который «порази же слѣпотою Новгородцовъ, яко оттолѣ въ сіе время, даже донынѣ, въ каждое лѣто на томъ мосту люди собираются, и раздѣлшесе надвое играюще убиваются» (*Прибавл. къ Ипат. л. 258, 259*).

43). «Pan enim juxta Graecam et Slavorum interpretationem dicitur totum habens; et juxta hoc dicitur Pan in Slavonia major dominus, licet alio nomine juxta diversitatem linguarum Slavonicarum dicatur Gospodzyn Xandzi; Xandz. . . . autem major est quam Pan, veluti Princeps et superior Rex» (*Boguphal ap. Sommersb. II. 19*). — «Nec Sclavi me regem appellant, sed usuali vocabulo Chnesae, id est dominum seu herum, vocant» (*Anon. hist. S. Canuti ap. Langebeck, IV. 241*).

44). Древляне говорятъ: «се князя убохомъ Рускаго; поимемъ жену его Вольгу за князь свой Малъ» (*Лавр. 23*). Неужели тоже слово князь, когда рѣчь идетъ объ Игорѣ, означаетъ владѣтельнаго князя; а когда о Малѣ, ненаслѣдственнаго старшину? Да и чего же домогались Древляне, если не водворенія старшинства обладанія Русью, въ древлянскомъ княжескомъ родѣ, посредствомъ брака Мала съ Ольгою?

45). Пріять значитъ всегда принять безъ насилія, по праву; по этому нельзя допустить чтенія *Лавр. сп. стр. 10, 11*: «Сядяху бо ту преже Словѣни, и Волхве пріяша землю Словѣнску». — «Словѣни, иже сядяху по Дунаеву, ихъ же пріяша Угри». Въ первомъ мѣстѣ Ипат. Хлѣби. Радз. и Троицк. читаютъ правильно переяша, преяша, вмѣсто пріяша. Во второмъ мѣстѣ, Соф. л. у Шлецера (*Нест. II, 450*) также: «ихъ же преяша Угре». Переяеть имѣеть смыслъ перехватить, отнять насильно. Такъ въ *Лавр. 53*: «Володимеръ. . . . заложи городъ. . . . и нарече и Переяславъ, зане перея славу отрокъ отъ» (т. е. переялъ, перехватилъ славу у Печенѣговъ).

46). Г. Кунякъ считаетъ неисторическою мыслью о сно-

шеніяхъ въ IX вѣкѣ поморскихъ Славянъ съ новгородскими, на томъ основаніи, что находки восточныхъ монетъ въ прибрежномъ краѣ между Вислою и Эйдеромъ, весьма незначительны въ сравненіи съ кладами, отрываемыми на о. Готландіи и въ Швеціи (*Касп. Дорна*, 691). Что скандинавская торговля съ востокомъ была дѣятельнѣе поморской; что Норманны, для которыхъ считаться по чужимъ землямъ было и промысломъ и общественнымъ постановленіемъ, чаще и въ большемъ противъ Вендовъ количествѣ являлись и на Руси, и въ Италіи, и въ Греціи, весьма вѣроятно; но что же изъ этого? Народы избираютъ своихъ властителей не въ слѣдствіе торговыхъ сношеній или сосѣдства. Изъ Мизіи до Скандинавіи, изъ германскихъ дебрей до Рима, было далѣе чѣмъ изъ Новгорода до Ретры или Арконы; мы однакоже видѣли, что Герулы посылаютъ за царемъ къ родственнымъ имъ Оулитамъ; Херуски вызываютъ изъ Рима потомка Арминія и Каттумера.

Клады съ восточными монетами впрочемъ не рѣдки на берегахъ балтійскаго поморія, преимущественно въ окрестностяхъ нынѣшняго Кольберга и Волина (см. *Савел. Мухамм. нумм.* 79—97). Ихъ конечно болѣе въ Скандинавіи; но, этому явленію, независимо отъ сказаннаго выше, есть свои особенныя причины. Какъ всѣ народы германской крови, Скандинавы отличались (отличаются и донятѣ) прирожденнымъ ихъ племени духомъ бережливости; Славяне думали болѣе объ украшеніи своихъ женъ (см. *Fraehn. Ibn-Foszl.* 5) и о роскоши своего хлѣбосольства (*Helmold. I. cap.* 83), чѣмъ о сбереженіи добытыхъ ими торговлею денегъ. Многочисленность находимыхъ въ Скандинавіи кладовъ объясняется и самою религіею Одина; блаженъ былъ тотъ, кто могъ явиться въ Валгаллу съ богатымъ имуществомъ; сокровищами, потаенными въ землѣ, обусловливались наслажденія другой жизни. Къ Одну было плохо явиться съ пустыми руками (см. *Сагу Гетрека и Рольфа*, т. 2); отецъ скрывалъ отъ сына зарытый имъ кладъ. Отсюда, думаетъ Гейеръ (*Gesch. Schwed. I.* 103), и непреодолимое стремленіе Норманновъ къ грабежу и морскому разбою.

47). Седьмой климатъ и темное море означаютъ у Эдриси стѣверную часть Европы: «Secunda pars Climatis septimi. In hac secunda parte Climatis septimi comprehenditur portio maris Tenebrarum, ubi Anglia insula magna» etc. (*Geogr. Nub. p. 272*).

48). Въ статьѣ подѣ заглавіемъ «Славянскія извѣстія и сказанія о выходѣ русскихъ князей (Rodsenkönige) изъ Швеціи» г. Куникъ старается доказать, что на Руси господствовало дѣйствительное преданіе о шведскомъ происхожденіи варяжскихъ князей (*Beruf. I. 103—119*). Въ подтвержденіе этого положенія онъ приводитъ: 1) Письмо Іоанна Грознаго къ шведскому королю Іоанну, въ которомъ русскій царь утверждаетъ свое мнѣніе о вассальскихъ отношеніяхъ къ Руси, древнихъ Шведовъ, на слѣдующихъ, впрочемъ не слишкомъ логическихъ доводахъ: «въ прежнихъ кроникахъ и лѣтописцѣхъ писано, что съ В. Государемъ Самодержцемъ Георгіемъ Ярославомъ на многихъ битвахъ бывали Варяги, а Варяги Нѣмцы; и коли его слушали, ино то его были» (*Карамз. IX, прим. 414*). 2) Приводимыя Видекиндоу (*histor. belli Sueco-Moscov. l. VIII. p. 403*) внимыя слова архимандрита Кипріана, къ русскимъ боярамъ, въ пользу домогавшагося въ 1613 году, русскаго престола, шведскаго принца Карла: «Cui tuendo gentem suam etiamnum sufficere non dubitaret, quemadmodum ex antiquitate et historiis probare posset, centenis aliquot annis ante Nougardiam Moschorum dominio subactam, gauisos fuisse principem, e Sueithia accepto, Ruriko» (см. *Шлеи. Нест. I, 325, 326, прим. ***).

Іоаннъ говоритъ о прежнихъ кроникахъ и лѣтописцахъ; архимандритъ Кипріанъ о древностяхъ и исторіяхъ; оба дѣйствуютъ съ опредѣленною цѣлью; здѣсь не можетъ быть рѣчи о преданіи.

Что Іоаннъ и не помышлялъ о шведскомъ происхожденіи Рюрика, слишкомъ ясно. Въ этомъ же самомъ письмѣ онъ укоряетъ шведскаго короля незнатностью происхожденія: «А то правда истинная, что ты мужичей родъ», а себя выставляетъ потомкомъ

Августа Кесаря: «а Римская печать намъ не дико; мы отъ Августа Кесаря родствомъ ведемся» и пр. (*Карамз. I. с.*). Тоже самое и въ отвѣтъ литовскому послу Михаилу Гарабурдѣ (*тамъ же, стр. 229*). Царевичъ Іоаннъ пишетъ передъ службою св. Антонію Сійскому: «Списано бысть сіе многогрѣшнымъ Иваномъ Русиномъ, родомъ отъ племени Варяжска, колѣна Августова, Кесаря Римскаго.... преписано бысть.... при царевичехъ Иванѣ и Теодорѣ, многогрѣшнымъ Иваномъ, во второе по первомъ писателю, колѣна Августова, отъ племени Варяжскаго, родомъ Русина, близъ восточныя страны, межъ предѣлъ Словѣнскихъ и Варяжскихъ и Агарянскихъ, иже нарицается Русь по рѣкѣ Русѣ» (*тамъ же, прим. 612*). Въ чемъ же состоитъ преданіе, на которое ссылается г. Куникъ? Царь Іоаннъ даже не упоминаетъ о своемъ варяжскомъ происхожденіи, а только указываетъ на варяговъ-Нѣмцевъ какъ на подданныхъ (подручниковъ) в. к. Ярослава Владимировича.

Архимандритъ Кипріанъ, человекъ начитанный и ученый, и, какъ сказано, дѣйствовавшій съ опредѣленною, политическою цѣлью, могъ бы конечно вымучить изъ древнихъ лѣтописей (*ex antiquitate et historiis probare*), шведское происхожденіе Рюрика. Если бы Видекиново извѣстіе не было изобрѣтеніемъ, то Кипріану, не Байеру, принадлежала бы честь быть основателемъ норманской школы. Но при всемъ желаніи утвердить за шведскимъ королевскимъ домомъ право на русскій престолъ, никогда Кипріанъ не говорилъ приписываемыхъ ему Видекиномъ положительныхъ словъ о шведскомъ происхожденіи Рюрика, въ чемъ легко убѣдиться изъ сравненія русскаго извѣстія съ иноземнымъ: «А прежніе государи наши и корень ихъ царской отъ ихъ же варяжскаго княженія, отъ Рюрика и до великаго государя Теодора Ивановича былъ» (*Дополн. къ акт. истор. т. I, № 162*). Есть различіе между шведскимъ происхожденіемъ и засвидѣтельствованною, не преданіями, а лѣтописью, общностію варяжскаго княженія Руси и Шведовъ. Что у насъ никто и не помышлялъ о вы-

ходъ Рюрика изъ Швеціи, видно изъ словъ Герберштейна: «de Waregis itidem, certi quicquam ab illis cognoscere non potui. Caeterum quum ipsi mare Balthaeum, et illud quod Prussiam, Livvoniā, indeque post ditionis suae partem a Svvētia dividit, mare Waregum appellarent: putabam equidem, aut Svvētenses, aut Danos, aut Prutenos, ob vicinitatem, Principes illorum fuisse» (*rer. Moscov. Comm.* 2). Здѣсь, ученые мнѣнія, догадки, соображенія; о преданіи выводящемъ Рюрика изъ Швеціи, ни одного слова. Чистый Нѣмецъ по духу, если не по рожденію, Герберштейнъ * не умолчалъ бы о такомъ преданіи; говоритъ же онъ (*ibid.* 3) о мниморимскомъ происхожденіи Рюрика.

Въ подкрѣпленіе своему мнѣнію, Норманисты проводятъ параллель между повѣствованіемъ Нестора о призваніи варяжскихъ князей и Видукиндовымъ (970 г.) о призваніи Бриттами англо-сакскихъ воеводъ, Генгста и Горзы. Неоспоримо, что между этими двумя сказаніями есть сходство, быть можетъ даже родственная связь. «Optimi, inquit (legati), Saxones, miseri Bretti crebris hostium incursionibus fatigati et admodum contriti, miserunt nos ad vos. Terram latam et spaciosam et omnium rerum copia refertam vestrae mandant ditioni parere» (*Widuk. res gest. Saxon.*). Только мнѣ кажется, судя по другимъ прижѣтамъ (см. гл. X), что самобытность сказанія будетъ на сторонѣ источника изъ котораго черпала русская лѣтопись. На эту мысль наводитъ и самая нелогичность разсказа (Видукиндова), по которому Саксы призываются Бриттами, не для защиты отъ враговъ, а для обладанія землею. Впрочемъ, Несторъ (бывшій не безъ свѣдѣній о германскомъ мірѣ, чему доказательствомъ служитъ его космографія) могъ приноровить, какъ дѣлаетъ и въ другихъ случаяхъ (см. гл. XIV), сакскую легенду къ своему сказанію о призваніи князей; въ этомъ случаѣ, внесенное имъ въ

*) Герберштейнъ родился въ 1486 году въ Випавѣ (Vipava, Wipach) въ западной Украинѣ (Krain). О подробностяхъ см. граммат. Копитара, *Laibach*, 1808, p. XIII. № X. и *S.v. Herberst. Selbstbiogr.* въ *Fontes rer. Austriac. Wien. 1855. 1 Abth. I. P. 69—396.*

лѣтопись коренное, противъ его западнаго авторитета измѣненіе, свидѣтельствуетъ съ новою силою о сознательномъ его убѣжденіи въ чисто-славянскія причины призванія; ибо и онъ могъ бы сказать о своихъ Словенахъ, что они *miseri* были «*crebris hostium incursionibus fatigati et admodum contriti*».

49). У Татищева, по Іоакиму, Гостомысль названъ Буривоевымъ сыномъ (*Труды общ. ист. и древн. Росс. V, кн. I, 133*). Буривой — *Boriwog*, чисто-западное славянское имя; какъ оно попало къ Татищеву, не имѣвшему понятія о вендо-славянскомъ мирѣ?

50). Извѣстіе о войнѣ Гестимула съ Лотаріемъ (вмѣсто Людовика) въ 844 году, внесено въ рукопись въ XII ст. Оно взято изъ Герефельдскихъ лѣтописей, но искажено при самомъ внесеніи. См. *Pertz, V, 2. № 1.—3. № 10*.

51). Никон. сп. 232 знаетъ Максимилианова посла подъ именемъ Жигимонъ Гебрестень, но не говоритъ ни слова о Гостомыслѣ.

52). Въ глоссахъ Вацерада (*Mut. verb. Glossae Psalt. III*): *pesces-barbarus, mutus*.

53). Шейны выѣхали изъ Пруссіи и были одного поколѣнія съ Морозовыми и Салтыковыми (*Прим. издат. 167. стр. 361*). *Mgozici* — древне-вендскій родъ.

54). Воронцовы, какъ сказано въ родословной росписи ихъ, выѣхали изъ Варягъ; фамилію получили отъ одного изъ предковъ своихъ Теодора Васильевича Воронца, жившаго въ XIV столѣтіи (*Прим. издат. 16. стр. 317*).

55). Что дѣло плетъ именно о славянскихъ, не о германскихъ решскихъ князьяхъ, видно, уже изъ того обстоятельства, что вышедшіе вкупѣ съ Рюрикомъ, слѣдовательно язычники, Морозовы — не причисляются къ решскимъ (христіанскимъ) княжатамъ; пра-родителемъ Колычевыхъ и Шереметевыхъ, ведущихъ свой родъ отъ решскихъ князей, былъ мужъ свѣтлый и знаменитый, именемъ Михаилъ, христіанинъ.

На чемъ, если не на преданіяхъ стародавняго родства съ варяжскою династіею, основаны эти выселенія въ Русь поморскихъ княжатъ?

56). «*Germania . . . gentibus incolitur quam plurimis, ferocissimis . . . inter quas una ceteris crudelior . . . gens Leuticorum barbara, omni crudelitate ferocior*» (*Rod. Glabr. ap. Pertz IX. 68*).

57). Конечно не иначе, какъ во временное управленіе; при Олегѣ Полоцкѣ и Ростовѣ великокняжескіе города, наравнѣ съ Черниговомъ, Переяславлемъ, Любечемъ (*Лавр. 13*). Точно также раздаетъ и Владиміръ города избраннѣмъ имъ варягамъ (*тамъ же, 34*).

58). Три брата выбраны, стало быть, не съ тѣмъ, чтобы княжить отдѣльно другъ отъ друга, въ Новгородѣ, Бѣльозерѣ, Изборскѣ; между отдѣльными, независимыми династіями не могло быть старшаго — Рюрика; Чюдъ не могла уступить своего князя не участвовавшей въ призваніи Веси и т. д.

59). По той же причинѣ, то-есть какъ отданный на руки своимъ дядямъ Рюрику и Давыду (хотя и съ волостью), сынъ Мстислава названъ въ лѣтописи не княземъ, а княжичемъ: «Борисъ Захарьичъ съ полкомъ своего княжича Володимера» (*Ипат. 120, 125*). Напротивъ малолѣтний, но на княженіе въ Новгородѣ уже посаженный Святославъ Всеволодовичъ, называется княземъ: «а князь вашъ, сынъ мой Святославъ, малъ» (*Новг. л. 29*). Владиміра Ярославича, посаженнаго на новгородскій столъ въ 1036 г. лѣтопись зоветъ княземъ и при жизни отца (*Лавр. 66*). Позднѣйшія лѣтописи, напр. густинская, оканчивающаяся 1597 годомъ, этого отличія уже не понимаетъ; Олегъ говоритъ въ ней: «се есть князь, сынъ Рюриковъ» (*Прибавл. къ Ипат. л. 239*).

60). Вотъ почему извѣстный перечень въ лѣтописи считаетъ Олега княземъ, только съ 884 года (см. *прим. 1*).

61). И Греки умѣли уже въ VI и VII столѣтіяхъ, отличать у Славянъ мужей, воеводъ и пр. отъ князей. Къ первымъ при-

надлежать: Mezamir (*Menandr. ed. Bonn. 284*); Andragastus (στρατηγός, воевода. *Cedren. ed. Bonn. I. 692*); Piragastus (ἑξαρχος, praefectus. *Theophan. ed. Bonn. I. 425*); Dabritas, Dabrentius (ἡγεμὼν, dux. *Menandr. ed. Bonn. 406*). Къ князьямъ: Musocius (ῥήξ. *Theophyl. ed. Bonn. 251*); Severus (ἄρχων. *Theophan. ed. Bonn. I. 673*); Asamerus (ἄρχων. *ibid. 734*). У патриарха Никифора — Slavinarum principes (ἄρχοντες. *ed. Bonn. 86*).

62). Принимал варяжскихъ князей родичей въ Кіевѣ, Черниговѣ, Переяславлѣ, Полоцкѣ, Ростовѣ, Любечѣ и прочихъ городахъ, т. е. по князю родичу на каждый словенорусскій городъ въ концѣ IX, началѣ X вѣка, норманская школа тѣмъ самымъ допускаетъ при Рюрикѣ и Олегѣ, существованіе развитой до невѣроятности варяжской династїи, коей внезапное исчезновеніе (по примѣру прежнихъ старшинъ — родоначальниковъ), безъ слѣда въ народной жизни и лѣтописи, необъяснимо; Святославу некого послать въ Новгородъ.

63). Новгородъ не поименованъ въ этой росписи, конечно не безъ умысла. Олегъ мстилъ Новгородцамъ; тоже самое видимъ и въ разсказѣ о парусахъ (см. *гл. XIII*).

64). Ольга является въ Кплѣ съ полною придворною свитой (*Const. Porph. de Cerim. ed. Bonn. I. 594—598*). При Владимирѣ скандинавскія саги упоминаютъ о придворныхъ, aulici. При Ярославѣ кіевскій дворъ уже отличается особою пышностію. «Ubi, quaeo, regina, говоритъ Ярославъ Ингигердѣ, talem vidisti aulam, quae primum coetu talium, quales huc convenere, virorum, deinde tam sumtuoso ornatu tam egregie instructa sit» (*hist. Magni B. cap. 1*). У Хорватовъ образованіе княжескаго двора восходитъ къ первой половинѣ IX вѣка. См. грамоту Трпимира подъ 837 г. у Шафарика, *Sl. Alt. II. 286*. — Cfr. *Ioann. Luc. de r. Dalmat. 94*.

65). Упоминаетъ же лѣтописецъ о норманскомъ конунгѣ Наконѣ, котораго и называетъ княземъ (Якунъ, князь варяжскій,

Лавр. 64), именно потому, что онъ конунгъ. Впрочемъ къ династашъ чужихъ народовъ (Норманновъ, Печенѣговъ, Половцевъ) русская терминологія относится не съ тѣми требованіями, какъ къ своимъ. Князьями у Половцевъ считаются въ лѣтописи едвали не всѣ взрослые члены княжескихъ родовъ (см. *Лавр. 104, 118*), но и здѣсь мужъ отличенъ отъ князя (*тамъ же, 103*). На Руси имя князя непременно обуславливается княженіемъ, сидѣніемъ на столѣ.

66). Абу-Рейханъ Мухаммедъ эль-Бируни, родомъ изъ Харезма (нынѣшней Хивы), въ своемъ сочиненіи «Обученіе начамамъ астрономической науки», изданномъ имъ на арабскомъ и персидскомъ языкахъ, въ 3-хъ мѣстахъ говоритъ о Варягахъ (ورنگ, Варангъ).

Арабской редакціи рукопись находится въ Оксфордѣ, въ Бодлеянской библиотекѣ.

Персидской редакціи рукопись имѣется у Charles Schefer'a (Directeur de l'Ecole Spéciale des langues orientales et Premier Secrétaire Interpréte du Gouvernement) въ Парижѣ. Эта рукопись писана въ 618 году гиджры (1221 по Р. Х.).

Само сочиненіе написано въ 1029 г. по Р. Х.

На оборотѣ 41-го листа рукописи Шефера, въ главѣ о Моряхъ, сказано слѣдующее:

«Въ тѣхъ моряхъ что на западѣ обитаемой части земли выше Танджира и Андалуса (Марроко и Испанія) (плавая) не удаляются слишкомъ отъ берега, по причинѣ обширности и темноты и неизвѣстности пути, но держатся у береговъ. Отъ моря простпращагося отъ указанныхъ береговъ къ сѣверу, тамъ гдѣ оно встрѣчается на супротивъ земли Славянъ (Саклабъ), на сѣверѣ отъ нея, отдѣляется часть врѣзывающаяся въ обитаемый материкъ и продолжающаяся на столько что приближается къ землѣ Болгаръ, которые мусульмане. Называютъ ее (т. е. ту часть моря, зотъ заливъ) Варяжскимъ моремъ (моремъ Варанговъ). Эти Варанги народъ очень храбрый и рослый. Города ихъ на берегу этого моря.

За тѣмъ море (сѣверный океанъ) простирается на востокъ за землю Турковъ. И отъ Туркестана до берега этого моря — океана что на сѣверѣ, находятся земли неизвѣстныя и горы, и никто туда не плеть. (Сообщ. П. И. Лерхъ).

67). Нынѣ русская область Ферганъ въ средней Азiи.

68). Срви. Куникъ, замѣч. къ Отр. о вар. вопр. 219. «Передъ Стокгольмомъ, говорятъ, есть островъ, нынѣ называемый Vägingsö». Почему же именно нынѣ?

69). Первый, кажется, высказалъ это мнѣнiе Кругъ (см. *Forsch. II. 292. Anm. a. — Kunik, ibid 769.*)

70). Уменьшительныя на *а*, съ окончанiемъ мн. ч. на *ата* (срви. теля, кура, ягня и т. д.), исключительная принадлежность одушевленныхъ существъ. Къ этому разряду, изъ приводимыхъ г. Шлейхеромъ примѣровъ, можно отнести только *Busang* (божа — божекъ, икона) pl. *buseyūta* (божата). Предполагаемыя пальца и узла не могутъ существовать, подъ этою формою, ни въ одномъ изъ славянскихъ нарѣчiй; да и у Геннига они отмѣчены не окончанiемъ на *ang*, а на *a*: *male Poltza* (малый палець); *wūnzla* (малый узелъ). Слово *rōszang*, pl. *rōszena* (срви. полск. *razno*, чешск. *rāsto*, русск. пасмо = прядь нитокъ) принадлежить въ категорiю среди существительныхъ съ окончанiемъ на —*ма*; напр. имя — имена, знамя — знамена, рамя — рамена. *Wutzerang* — вечера (τὸ δείπνον) не можетъ, ни по значенiю, ни по грамматической формѣ, ни по законамъ славянской лингвистики, быть признано уменьшительною степенью слова вечеръ.

71). Геннигъ ишетъ *rouang* (у Поляковъ *rajak*); и польское *szelag* (*schilling*) не могло бы явиться у него иначе какъ подъ формою *stzelang*. Почему же именно должно его *wagang* передавать не форму *vaḡag*, а *wagā*? Во всякомъ случаѣ очевидно что при предполагаемой формѣ *wagā* (*wagang*), существовало и составное *vaḡag* (мечникъ), по примѣру такихъ же составныхъ *pstrag*, *morag*, *rajak* и т. п.

72). Г. Куникъ (*Beruf. I. 6* и *ap. Dorn. 410, 455*)

*

отдѣляетъ совершенно суффиксъ ягъ отъ суффика яга въ славянскихъ нарѣчiяхъ, относя послѣднiй къ сравнительно позднему періоду образованiя языка. Замѣчанiе отчасти справедливое; только не изъ первороднаго ли ягъ позднѣйшее яга? Мы имѣемъ польскiя pstrąg, bzdrąg и bzdręga (Linde), хорватское bisztranga (пестряга); польск. zarząг, zarzęг и zarząga, zarzęga (срвн. чешск. zaráh и zaráha); сербскiя оусерлгъ и оусерлга (Miklos.); русскiя варягъ и варяга (*Слов. Далл.*). Почему варяга должно быть непременно воряга (*Kunik, ibid. 640*) ничѣмъ не доказано.

73). Въ воскр. лѣтопис. подъ 1061 г. варягами (безбожными) названы Половцы; прочiе списки читають врагъ.

74). По Ибнъ-Фоцлану дружина русскаго князя состояла изъ 400 человекъ (*Fraehn, Ibn-Foszl. 21.*)

75). Исключенiе составляетъ Шемсъ ад-Динъ Димешки, черпавшiй свои извѣстiя о варягахъ не у Бируни (*Fraehn, Ibn-Foszl 187*), а изъ другаго, можетъ быть древнѣйшаго источника. Онъ знаетъ варяговъ Славянами (см. *Отр. о вар. вопр. 148 — 151*): «Varengs est le nom d'une race brutale qui ne sait parler et appartient à la race Slave» (*Mehren, Man. de la Cosmogr. du M. âge Copenhague. 1874. p. 173*).

76). Г. Васяльевскiй переводитъ «ἡ ξενική δύναμις» — наемная сила. Ξενικός тоже что ξενικός (срвн. *Const. Porph. de Cerim. ed. Bonn. I. 660*) — peregrinus, exterus, т. е. иноплеменный. Пселягъ называетъ стало быть варангскую дружину, другимъ иноплеменнымъ войскомъ.

77). «Аще ли хотѣти начнеть наше царство отъ васъ вои на противящаяся намъ, да пишють къ великому князю вашему, и послетъ къ намъ, елико же хотимъ: и оттолѣ увѣдать ины страны, каку любовь имѣють Гръци съ Русью» (*Догов. Иор.*).

78). «Die zahllose menge altdentscher eigennamen» (*Grimm, DRA. I. 341*).

79). Отдавал полную справедливость услугамъ, которыя Янгъ

Колларъ оказалъ славянской наукѣ, я однако не могу признать систематическимъ и дѣльнымъ трактатомъ объ ономалогіи, его книги Rozprawy o gtnepách и пр. Гораздо болѣе сдѣлали въ этомъ отношеніи, Шафарикъ и Палацкій, въ разбросанныхъ ими въ разныхъ мѣстахъ ихъ изслѣдованій, ономастическихъ замѣчаніяхъ. Въ славянскомъ именованіи Морожкина выпущены почти все имена записанныя у Эйнгарда, Дитмара, Адама, Гельмольда и другихъ западныхъ летописцевъ. Научнѣе и полнѣе собраніе преимущественно польскихъ именъ въ сочиненіи г. Бодуэна-де-Куртенэ: «о древне-польскомъ языкѣ до XIV-го столѣтія».

80). Вопросы этого коснулся Погодинъ въ своемъ изслѣдованіи: «о наследственности древнихъ сановъ въ періодъ времени отъ 1054 до 1240 года» (*Арх. ист. юрид. съд. кн. I, отд. I, стр. 6. — стр. 73 — 96*).

81). Изъ положительно не варяжскихъ именъ древне-русской исторіи, намъ извѣстны: Кій, Щекъ, Хоривъ, Лыбедь, Вадимъ, Малъ.

82). Подобно варяго-русскимъ и болѣе, эти имена безъ аналогій у прочихъ славянскихъ народовъ. И тѣ и другія объясняются съ равною легкостью изъ всеобъемлющей германо-скандинавской ономалогіи; ибо если принять норманское происхожденіе именъ: Рюрикъ — Rjurikr; Сянеусъ — Signiautr; Труворъ — Trygggr; Олегъ — Hölgi; Игорь — Ingwar; Рогволодъ — Ragnwaldr, я не вижу причины не допустить норманства въ именахъ: Popiel — Poppel (австрійскій посолъ въ Россію въ 1493 г. *Карамз. III, 198*); Piast — Fast (норманское имя въ Игоревомъ договорѣ); Krok — Croc (Croc agrestis *ap. Sax. Gramm. 178*); Leško — Leso (*ibid. 386*); Teta — Tetta (*ap. Ditmar. III. 29*); Buga — Bugo (*Sax. Gramm. 178*); Porga — Borcar (*ibid. 336*); Borna — Björn (*ibid. 260*); Detleb — Detlev (*Knytl. S. cap. 114. p. 332*); Drag — Drogo (*ap. Pertz, XI, 303*) и т. д. Упрекнуть ли меня въ игрѣ пустыми созвучіями? Но славянская ли школа начала эту игру?

83). Шафарикъ *Sl. Alt. I. 53 — 57*) указываетъ на сходство славянской ономаologii съ кельтскою и германскою, какъ на слѣдствіе доисторической связи бывшей между европейскими народами-аборигенами. Между вендскими племенами и германско-скандинавскимъ міромъ эта связь возобновилась въ историческую эпоху. Находясь въ непрерывныхъ столкновеніяхъ, то враждебныхъ, то дружескихъ, обѣ народности подлежали непосредственному вліянію одной на другую, во всѣхъ почти частностяхъ своего историческаго развитія; о язычникахъ Славянахъ, Саксахъ и Шведахъ Адамъ бременскій говоритъ: «haec tulimus excerpta ex scriptis Einhardi, de adventu, moribus et superstitione Saxonum, quam adhuc Slavi et Sueones ritu paganico servare videntur» (*Ad. Brem. c. 5*). О датскомъ архіепископѣ временъ св. Оттона, его неизвѣстный биографъ: «erat autem vir bonus et simplex... in exterioribus tamen Slavicae rusticitatis» (*hist. Anon. in Script. rer. ep. Bamberg. I. 721*). Это взаимодѣйствіе одной народности на другую преимущественно замѣтно въ подробностяхъ германско-славянской ономаologii, какъ особенности болѣе другихъ подверженной иноземному вліянію. Германскія и скандинавскія имена переходятъ къ Славянамъ, славянскія и германскія къ Норманнамъ. Биографъ Випрехта графа Гроичскаго относитъ къ древнѣйшимъ временамъ германской исторіи, слѣдующее любопытное преданіе: «Emelricus rex Teutoniae, Ditmarum Verdunensem et Herlibonem, qui Harlungi sunt nuncupati, genuit. Ex his Herlibo, filia regis de Norvega desponsata, sobolem suam duobus liberis propagavit, quarum unam Svatibor, alteram Wolfum nominavit. Suetibor Scamborem et ejus fratres habuit filios. Wolfus, Pomeranorum adeptus primatum, deinde provincia pulsus, ad regem fugit Danorum—Wigpertus... frequenter Barbarorum provinciam et praecipue urbem quae Posduwic id est urbs Wolfi barbarica lingua dicitur, incursu militari vexabat» (*V. Vip. ap. Barth. Gesch. v. Rüg. u. Pom. I. 362. Ант. 2*). Откуда славянскія имена Сватиборъ, Самборъ, Волкъ для потомства германскаго Herlibo и норвежской королевны? Около

половины XII столѣтія, оботритскій князь Прибиславъ былъ бра-
 щенъ въ христіанскую вѣру, своею супругою Войслагою (Woi-
 zlaw; срвн. сѣрбскаго князя Войслава въ 890 г.), дочерью нор-
 вежскаго короля Буревина (см. *Kollar, Rozpr. — Giesebr. Wendl. Gesch. III. 141*); Бориславъ (Burislaw) имя датскаго
 короля въ 1167 г.; другой король Яромиръ (*Jarmagus Chron. reg. Erici*). Въ числѣ древне-германскихъ именъ выбранныхъ
 Бартомъ (*Urg. d. Teutsch. IV. 108—110*) изъ Ам. Марцел-
 лина, Юрнада, Исидора и пр., встрѣчаемъ славянскія Drogo и
 Mico. Drogo тоже что Драгъ, Дражко. Mike имя языческаго
 жреца въ Старгардѣ у Гельмольда (*I. 56*. срвн. *Micus ap. Voczek, I. 285*. — Mike Kolazsch, *Script. rer. Lusat. I. II. 249*. — Мика Угринъ, *Ипат. 158*). Въ свою очередь Венды,
 Ляхи, Чехи принимали отъ Нѣмцевъ и Норманновъ германо-
 скандинавскія имена. Изъ пяти Леховъ, разбитыхъ на берегахъ
 Молдавы маппцикимъ архіепископомъ Ліутпрехтомъ въ 872 г.,
 одинъ Негіманъ отличается отъ прочихъ (*Swatoslaw, Witislaw, Srytimir, Moislaw*) чисто германскимъ именемъ (*Palacky, Gesch. v. B. I. 133*); кралодворская рукопись знаетъ о Бенешѣ Гер-
 мановичѣ, *Benesh Nermanow*, чешскомъ воеводѣ или князѣ вре-
 мени языческихъ; Анна Комнина упоминаетъ о двухъ Славянахъ:
 Борилѣ и Германѣ (*ed. Bonn. II. 83. 84*). Дочери Мстислава
 (Борислава?) польскаго именовались, по свидѣтельству скандинав-
 скихъ сагъ (*hist. Ol. Trgv. f. cap. 58*), первая: Geira (у *Odd. M. cap. 30*: Thygia; срвн. *Ипат. 126*: Глѣбъ Тиріевичъ и
 германское Gero); вторая Astrida (въ славянской формѣ Эстрѣдъ:
 «*Estred filia Slavorum*» *Ad. Brem. cap. 81*; имя извѣстное у
 Норманновъ и у Германцевъ; см. *Odd. m. cap. 22*. — *Astradus ap. Saxo Gram. XIV. 758*. — «*Fastrada filia Radulphi comitis, natione Franca*» *Adelm. benedict. Franc. r. Annal. 395*);
 третья: Gunhilda (ср. Connildis, дочь Добромира, третья супруга
 Болеслава храбраго у Дитмара, IV. 46, крестившаяся вмѣстѣ съ
 (первымъ?) супругомъ, датскимъ Гаральдомъ: «*ipse Haraldus cum*

uxore sua Gunhild et filio parvulo baptizatus est» *Ad. Brem. cap. 51.*—*Incerti auct. chron. Sl. c. VII:* Ghunnyld; cfr. Gunnilda uxor Asmundi, conjux Erics Blodöxe filia Canuti M. ap. *Sax. Gramm. I. 46. X. 477, 512*). Въ скандинавскихъ сагахъ Эстръдина мать, Славянка, названа германскимъ именемъ Эдла «Edla, Vinlandiae dynastae filia» (*Hist. de Ol. s. cap. 84*); Эдла тоже имя что Athele, Ethele (*Ditmar. III. 29. IV. 41*), то-есть Адель, по свидѣтельству Іоакимовой лѣтописи, одна изъ жёнъ Владимира, мать Станислава, именовалась Аделью, Эдлою. Къ такимъ же именамъ Славянъ язычниковъ, быть можетъ обнаруживающимъ германское начало, должно отнести и приведенныя выше: Jesse (cfr. Jesse, episc. Ambianensis *Chron. Alb. Stad. 85*); Scalcus (cfr. Skalk Scanicus. *Sax. Gramm. VIII. 377*). Skalks, на готскомъ нарѣчїи означаетъ раба δοῦλος. *Grimm, DRA. I. 302*); Grim (у Гельмольда *I. XXV. Grin*; cfr. «Crito filius Grimi» *Abb. Stad. 132*; «Grim ex appido Skierun» *Sax. Gramm. VIII. 383*); Knips, Rötho и множество другихъ. Гизебрехтъ (*Wend. Gesch. II. 298*) замѣчаетъ, что у Вендовъ господствовать обычай прилагать къ своимъ славянскимъ, германскія имена; бранденбургскій графъ Meinfrid (*Chronogr. Saxo ad ann. 1127*) былъ родомъ Славянинъ, вѣроятно Моймиръ; также и саксонскій маркграфъ Такульфъ («Tascolfus de Bohemia comes» *Annal. Fuld. ad ann. 845*). Udo, Uto было германскимъ именемъ поморскаго Прибигнѣва (*Ad. Brem. — Helm. — Saxo Gramm. — cfr. Schafar. Al. Alt. II. 535. Ann. 2*). Тоже самое должно сказать и о взаимно-влїянїи, въ ономастическомъ отношенїи, Литвы и Вендовъ; древне-прусскія и древне-литовскія имена: Tirsko, Dersko, Svisdeta, Svedeta, Mindota (см. *Chron. Dusb. 261, 302, 269, 381*), Ziwiбund, Swintorog, Pojata (*Schafar. Sl. Alt. I. 55. Ann. 1*) и пр. являютъ чисто славянскій характеръ; мы увидимъ въ другомъ мѣстѣ славянскія личности съ литовскими именами.

Основною причиною этихъ явленїй (см. слѣд. главу) было

языческое обыкновеніе прилагать инымъ изъ дѣтей имя по народности матери.

84). Готскому *geiks* отвѣчаетъ древне-скандинавское *gukr*, *gekr*; у Снорри сынъ Гаральда пригожеволосаго и современный ему король въ Гейдемаркіи названы *Hogekr* (*I, 96, 113, 410.*—*Байеръ и Шлец. Нест. III, 236, 237*); варианты фульдскихъ лѣтописей читаютъ *Rogus* и *Hogus* вмѣсто германской формы *Rorih* и *Horih* (*Ruodolfi Fuldens. Ann. ad ann. 850, 832 ap. Pertz I. 366, 367*).

85). На этихъ двухъ Рёриконовъ намекаютъ кажется слова г. Куника (*ap. Dorn, 436*): «въ средне-шведскихъ памятникахъ *Rorik* и *Rörík*».

86). Отъ какой именно (хотя бы только предполагаемой) шведской формы вышло славянское Рюрикъ, г. Куникъ ясно и опредѣлительно не говоритъ; на сколько можно догадаться изъ его примѣчаній къ Касію г. Дорна, предполагаемый шведскій первообразъ русскаго имени Рюрикъ приводится въ связь съ воображаемою протосвѣйскою формою *Hrōōs* или *Hrōds*, будто бы отозвавшеюся и въ самомъ имени Русь (*см. гл. XI*).

87). Польское *Ririk* относится къ русскому Рюрикъ, какъ чешское *Giřu* къ русскому Юрій.

88). *Const. P. de adm. imp. ed. Bonn. 163*: «*νήσος μεγάλη ἢ Κούρκρα ἤτοι τὸ Κίρκερ*».—*Joh. Luc. de reg. Dalm. 48*: «*Lat. Corcira, Slave Karkar*».

89). И у насъ германское *Herzog* переходитъ въ герцикъ: «въ то время нашель бѣше Фридрихъ царь на герцика войною» (*Изм. 175, 187*).

90). *Cfr. villa Roreke in Cronica de duc. Stettin. et Pomeran. (Balt. Stud. XVI. Jahrg. II. 119)*. Въ хронографѣ Рум. муз. № 456: Ререкъ.

91). И у Грековъ города носили имена боговъ; такъ *Τέρωνη* богиня и городъ (*Welcker, Aesch. Trilog. 10. Anm. 11*).

92). Едвали не было у славянскихъ князей постоянного обы-

чая прилагать свое имя основаннымъ или любимымъ ими городамъ; при возможности имя города получало прилагательную форму; напр. Оногощъ, Радогощъ, Ярославль, Ярополчь, Перемышль, Олжичи, Витражь («*civitas Wiztrachi*» *Ruodolf. Fuldens. Ann. ap. Pertz. I. 370.* — Cfr. *Palacky, Gesch. v. Böhm. 115. Ann. 75*). Гдѣ прилагательная форма оказывалась неудобною, имя города не отличалось отъ личнаго; такъ Соколь, Самборъ и пр. Можно впрочемъ указать и на формы: Ижославъ (*Geogr. отр. у Шлецера Нест. II, 781*) и Богуславъ (*Карамз. I, прим. 423*), вѣсто Ижославль, Богуславль.

93). Такъ и *Annal. Fuldens. 844*: «*Hludowicus... populum sibi divinitus subjugatum, per duces ordinavit*».

94). У продолжателя Фредегарія подь 747 г.: «*Eodem anno Saxones more consueto fidem, quam germano suo promiserant, mentiri conati sunt. Qua de causa adunato exercitu ad eos pervenire compulsus est, cui etiam reges Winidorum seu Frisionum ad auxiliandum uno animo convenerunt*» (*Chron. Fredegar. Schol. 160*). И здѣсь кажется Венды смѣшаны съ Фризами; впрочемъ см. *Schafar. Sl. Alt. II. 514. Ann. 4*.

95). Изображенная на игоревой гривнѣ (*Sjögren, Bericht etc. fig. 4*) птица съ поднятыми къ верху когтями, можетъ быть соколь-рерикъ. Въ Польшѣ роды назывались обыкновенно по гербамъ; см. *Balt. Stud. II. 1858. p. 58. № 194*.

96). Мнѣ кажется вообще что Славяне язычники имѣли два имени; одно родовое или простое (Рюрикъ, Игорь, Безень), получаемое при рожденіи; другое прозвище (Святославъ, Владимиръ, Ярополкъ), при постригахъ. О двухъ именахъ свидѣтельствуешь и сказаніе о Семовитѣ и Мечиславѣ. И въ послѣдствіи наши князья носятъ два имени; одно княжее (языческое), другое христіанское. Простцы отличались преимущественно родовымъ; отсюда такъ мало Святополковъ, Ярославовъ, Славомировъ въ славянскихъ исторіяхъ, вѣтъ княжескихъ родовъ.

97). Колларъ (*Rozpr. 360*) указывалъ на чешское *Striebor*

(*Rukop. Kralodv. 37*), прибавляя что у Чеховъ буква *s* часто становится передъ словами начинающимися на *t*; такъ у Козьмѣ пражскаго: Туг, Туго, а у Далимиля Štir, у Hagek'a Styr; Stjn вмѣсто тѣнь и т. д. (Стѣнь вмѣсто тѣнь и у *Экс. бол. 148, 157*). О переходѣ *y* въ *u* и на оборотъ, свидѣтельствуютъ двойныя формы: Туг, Тут; Труворъ, Триворъ. На вендо-лужицкомъ нарѣчїи славянское Striebor превращалось въ Triebor, въ слѣдствіе, не особаго исключенія, а непремѣннаго лингвистическаго закона сербо-лужицкаго языка, въ силу котораго буква *s* всегда выбрасывается въ словахъ начинающихся на *str'* или *str*; такъ: struna — truna; strojic — trojic; strasliwy — trasliwy; struk — truk; sestra — sotra и т. д. (*Jordan, Gram. d. Wend. Serb. Spr. 9*). Ни Венды не могли произносить иначе какъ Triebor, Трубор, ни мы принять отъ нихъ этого имени подъ другою формою.

98). Наше сравнительное бѣльшій, не существующее у другихъ славянскихъ народовъ, есть ничто иное какъ вельшій.

99). Oleg (Oley) и Oleh какъ Jarey и Jareh (*Восзек, I. 115. 233*). Объ измѣненїи *ǰ* въ *h* (Blaǰ и Bleh) см. *Čas. Česk. mus. VI. 69*.

100). Новгород. лѣт. (30) читаетъ Ольгъ. Въ формѣ Олегъ (сокр. Ологость, Велегость) удареніе падаетъ на начальное *о*: Олѣгъ.

101). Tungo alit. Tunglo, имя сербскаго князя у Эйнгарда подъ 826 г., югозападная форма славянскаго Тугъ, Туга, сокр. Тугость (срвн. *Морошк. именовл. 195*) Это имя проявляется въ мѣстномъ Тугошъ (*Восзек, I. 173: Tugast. — Palacky, G. v. B. I. 227: Tugocz*), нынѣ Domažlice, вѣмецкое Taus (см. *Schafar. Sl. Alt. II. 419. Anm. 1*).

102). Точно также смѣшивають времена Ростислава, Аскольда и Владимира, неизвѣстный Грекъ у Бандури и хронографъ Румянц. музеума (см. *Бодянк. о врем. пр. слав. письм. 166, 96*).

103). Совершенно сходное съ этимъ извѣстіемъ преданіе

занесено въ Сагу, о вендской Астридѣ, дочери Борислава и супругѣ Сигвальда: «Satrapa (Sigvaldius) decem duxit naves, quas Olavo regi subsidio promiserat, si opus esset; undecima autem erat navis Vindica, qua vecti dicuntur milites Astridae, regis filiae, quae navis longiore flexu haud procul a navi satrapae ferebatur» (*Hist. Ol. Tr. f. cap. 247.* — Cfr. «satellites Astridae» *ibid.*).

И наши старинныя пѣсни знаютъ о дружинѣ княгининой:

Гой еси, Иванъ Гоудиновичъ,
Возьми ты у меня князя сто человекъ
Русскихъ могучихъ богатырей,
У княгини ты бери другое сто.

(*Солов. ист. Р. I, 217.*)

104). Изъ существованія у Скандинавовъ формы Allogia можно бы заключить только одно, а именно, что стоставитель саги имѣя передать неслыханное у Норманновъ имя русской Ольги, обратился не къ своему общезвѣстному Hölga, а къ мяническому, мало или даже вовсе не употребляемому Hallogia.

105). Одного отвѣта Рогнѣди на предложеніе Владимира достаточно для опроверженія нелѣпой басни объ избраніи Олегомъ въ жены Игорю, неизвѣстной и простаго рода Псковитянки.

106). Хронологическою ошибкою лѣтописи слѣдуетъ, кажется, считать выставленный въ ней годомъ рожденія Святослава, 942-й. О четырехлѣтнемъ ребенкѣ трудно повѣрить разсказу: «суну копьемъ Святославъ Деревляны, и коше летѣ сквозѣ уши коневн, удари въ ноги коневн, бѣ бо дѣтескъ» (*Лавр. подъ 946 г.*). Ему не могло быть менѣ шести, семи лѣтъ.

107). Въ пользу варяжскаго (поморскаго) происхожденія Ольги, можно бы привести чисто-вендскую форму имени села ея Ольжичи (*Лавр. 25.* срвн. полабскія: Wolkowici, Zamčiči, Glo-таči, Lusiči, Nisiči, Colidiči и т. д.) Въ Ник. Пол. и Соф. спискахъ лѣтописи вмѣсто вендскаго Ольжичи, поставлено русское Олгино. (См. *Нест. Шлец. III. 345*); но вендская форма могла произойти и отъ вендскихъ князей Олега и Игоря.

108). Погодинъ находитъ доказательство норманскаго происхожденія Ольги, въ принятіи ею христіанской вѣры и удержаніи власти послѣ смерти Игоря (*Изстд. III, 92, 93*). Но и въ другихъ славянскихъ земляхъ христіанство начинается съ княжескихъ женъ; у Чеховъ Людмила; у Поляковъ Дубровка. О правѣ верховной власти должно замѣтить что у Норманновъ оно представлялось исключительно мужскому полу; женщина, ни въ какомъ случаѣ (а того менѣе женщина незнатнаго рода) не могла владѣть престоломъ (см. *Dahlmann, Gesch. v. Dänem. I. 167*). На какомъ основаніи могъ Гриммъ писать: «Auch in dem alten Schweden herrschten Königinnen» (*DRA. I. 408*) я не знаю. Напротивъ, у Славянъ верховная власть не выходила изъ княжескаго рода; Ванда княжила у Ляховъ; Любуша у Чеховъ; вдова Доброслава правила сербскою землею по смерти мужа; Драгомира Богемію, отъ имени осьмнадцатилѣтняго сына Вячеслава. Въ отвѣтъ на доказательства почерпнутыя изъ общихъ мѣстъ о гражданской дѣятельности, воинственности, истительности, гордости Ольги, я отсылаю къ исторіямъ Власты, Любуши и т. д.

109). Альгою (*Alga oder Otilia*) называлась дочь силезскаго герцога Болеслава (*Boleslaus altus † 1201*) и русскою Венцеславы (*Sommersb. I. 140, 39*). То-ли самое это имя что Ольга? *Algir* (у Гануша 354: *Algys*) былъ вѣстникомъ верховныхъ боговъ у Жмуди (а по Ткани и у Поляковъ): «*Algir angelus est summozum deorum*» (*Lasicz. ap. Grimm, D. Myth. 339*). *Alga* по литовски награда. Около 1230 года былъ литовскій князь *Algimund*. Не кроется ли первородное *Algir* подъ (русскою?) формою Ольгердъ?

110). *Ing-var* составлено изъ основнаго *Ing* и прилагательнаго *var* (въ древне-германскомъ нарѣчій *war* — *solers, intentus*, *Graff* ap. *Kunik, Beruf. II. 133*), на подобіе другихъ, скандинавскихъ именъ: *Solvar, Bödvar, Herlevar, Hafvar* и т. п.

111). Въ отрывкѣ русской лѣтописи на польскомъ языкѣ, напечатанномъ въ Варшавѣ въ 1825 году, вмѣстѣ съ польскою лѣтописью Прокоша, Ингоръ объ Игорѣ Рюриковичѣ.

112). Подъ формою Игорьъ является имя перваго Рюриковича и на золотомъ браakteatѣ описанномъ у Финнъ-Магнусена и Шегрена (*Runicato og. Runerne, Bericht etc.*).

113). Къ формамъ Ингоръ, Игорьъ, г. Куникъ подводитъ мнимо-первородную Ингваръ (*Beruf. II. 158*). Но онъ приводитъ напрасно въ доказательство тождества на Руси обѣихъ формъ Ингоръ и Ингваръ, будто бы относящихся къ одному лицу имена князей Ингваря Ингваревича (*Воскрес. лѣтоп. I, 26*) и Ингоря Ингоревича, нарѣченнаго въ св. крещеніи Козьмою (*Русск. Времьян. 101 — 106*), возстановителя въ 1237 году, опустошенной Татарами Рязани. Воскресенская лѣтопись (*I, 26*) знаетъ не объ Ингварѣ Ингваревичѣ, а объ Ингварѣ Игоревичѣ, сынѣ Игоря Глѣбовича, подъ 1207 и 1219 годами (см. *Карамз. III, 171, прим. 185* и ссылку на Воскр. л. I, 26. — Срвн. *Солов. Ист. Росс. II, генеалог. табл. № 3*). Ингоръ Ингоревичъ, нарѣченный Козьмою, былъ сыномъ Ингоря Святославича (Сказан. о наш. Батыя, изд. *Сахарова, 36*). Карамзинъ (*III, прим. 360*) пишетъ, кажется, по ошибкѣ: «Поиде Игорьъ (сынъ Ингваревъ) ко граду Пронску и собра раздробленныя уды брата своего Олега и принесе въ Рязань, и положи съ княземъ Георгіемъ во единой рацѣ (*Русск. Врем.*)». Въ сказаніи о нашествіи Батыя читаемъ, какъ слѣдуетъ: «Потомъ же поиде князь Ингоръ Ингоревичъ ко граду Пронску и собра раздробленныя уды брата своего, благовѣрнаго князя Ольга Ингоревича краснаго» и т. д. (*изд. Сахар. 36*).

Ингваръ быть можетъ ничто иное какъ искаженное Инговоръ. Въ новгородской лѣтописи подъ 1238 годомъ, Олегъ названъ Инговоровичемъ. Инговоръ (срвн. Труворъ, Лютаворъ) подходит по аналогіи къ приведеннымъ выше Ингивладъ, Ингославъ. Впрочемъ можно допустить и перешедшее въ родъ варяжскихъ князей, въ слѣдствіе начавшихся со временъ Ярослава брачныхъ союзовъ между княжескимъ домомъ и сѣверными госуда-

рами, скандинавское Ingvar (см. *слѣд. главу*). Въ послѣднемъ случаѣ отлѣчѣ сѣвернаго Ingvar отъ древне-русскихъ Игорьъ, Игорьъ, еще ощутительнѣе.

114). Форма Ingo, женск. Inga встрѣчается и у Германцевъ, хотя довольно рѣдко: «Ingo abba ordinatur in Masciac monasterio» (*Annal. Masciac. ad ann. 1002*, ap. *Pertz, V. 170. cfr. Richeri hist. l. I. ibid. 571*). Впрочемъ см. *Förstem. v. Ingo*.

115). Переяславль такъ названъ, по Нестору (*Лавр. 53*), въ честь Яна Усмошвеца «зане перея славу отрокъ отъ». Это очевидно западное Pŕeslaw; срвн. Pŕemysl, Przeslaw (ap. *Sommersb. II. 106*) и т. д. Точно также и Изяславъ (Ingoslaw) не имѣетъ ничего общаго съ изъятіемъ славы.

116). Татищевъ пишетъ, будто бы по Іоакиму: «имѣлъ Рюрякъ нѣскольکو женъ, но паче всѣхъ любаше Ефанду, дочерь князя Урмянскаго; и егда та роди сына Игоря, даде ей обшанный градъ съ Ижорою въ вѣно» (*I, 34*). Но по всему видно что это извѣстіе принадлежитъ къ числу Татищевскихъ изобрѣтеній; убѣжденный въ непреложность Байеровыхъ увѣреній въ скандинавизмѣ личныхъ именъ нашей исторіи, онъ искалъ для Игоря скандинавской матери и напалъ на вариантъ договора: «Ефандръ жены Улѣбовы» (быть можетъ у Татищева и въ самомъ дѣлѣ было Ефанда). Но Ефанда не скандинавское и не славянское имя, а ошибка, какъ увидимъ въ своемъ мѣстѣ.

117). Владимиръ Мономахъ пишетъ въ своей духовной: «Азь худый дѣдомъ своимъ Ярославомъ благовольнымъ славнымъ нареченемъ въ крещеніи Василій, Русьскимъ именовъ Володимеръ, отцемъ возлюбленнымъ и матерью своею Мономахы» (*Пушкинск. сп. у Карамз. II, прим. 230. — Лавр. л. 100* читаетъ по новѣйшему: Володимеръ). Выраженіе «русское имя» я прежде считалъ равносильнымъ языческому (*Отр. о вар. вопр. 205, прим. 1*), забывъ что для обозначенія подобныхъ именъ на Руси существуетъ техническое слово: мирское; къ тому же

и въ виду словоупотребленія лѣтописи: «радуѣся, Руское познаніе къ Богу (о св. Ольгѣ)... сію бо хвалятъ Русіе сынове» и т. д. (*Лавр. 29*), нельзя не признать здѣсь начала исключительно этническаго, національнаго. Между тѣмъ имя Владимира чисто славянское; къ Норманнамъ оно переходитъ изъ Руси, уже многимъ позднѣе, подъ формою Woldemar, Waldemar. Русскимъ стало быть Мономахъ признавалъ имя Владимира, въ томъ же этническомъ смыслѣ въ которомъ признавалъ русскими, имена Ярослава и Святослава. Но если Владимиръ, Ярославъ и Святославъ имена русскія, то русскими для Мономаха были также имена ихъ отцевъ, дѣдовъ и прадѣдовъ Игоря, Олега, Рюрика. Значить для внука шведской Ингигерды, варяго-русскаго князя женатаго на англо-норманкѣ Гидѣ, при сынѣ Мстиславѣ женатомъ на Шведкѣ Христинѣ, выраженіе русскій не имѣло вовсе значеніе норманскаго. Откуда же та странная мысль что Несторъ считалъ своихъ Варяговъ — Русь Скандинавами (*Погодинъ, Геден. и его сист. 4*), когда современный ему, прямой потомокъ варяго-русскихъ князей, употребляетъ слово русскій въ единственномъ исторически правильномъ смыслѣ его — славянскаго или словено-русскаго?

118). Лѣтопись говоритъ положительно: «а отъ Болгарыни Бориса и Глѣба» (*Лавр. 34*). Царевна Анна, внука Константина багрянороднаго, вела свой родъ отъ Василія Македонянина то-есть Болгарина. Для Византійцевъ (а слѣдовательно и для русскаго лѣтописца) названія Болгаріи и Македоніи были равнозначущи (см. *Schafar. Sl. Alt. II. 190—196*).

119). Но что на 400 дружинниковъ, при 300 вендскихъ варяговъ, Рюрикъ могъ имѣть сотню варяговъ норманскихъ, сакскихъ, литовскихъ, угорскихъ и иныхъ, болѣе чѣмъ вѣроятно.

120). См. *Krug. Forsch. II. 373—378*).

121). Погодинъ (*Геден. и его сист. 21*) называетъ это замѣчаніе натяжкой. Почему? не ясно ли что Угорскимъ могло быть прозвано только то мѣсто на которомъ Угры остановились

вежами на нѣсколько дней, быть можетъ на нѣсколько недѣль, а не всё тѣ по которымъ они проходили, шедъ мимо Кіева?

122). Слово ρήξ безъ члена (Ἀσκήλτου ρηγός) встрѣчаемъ и у другихъ Византийцевъ. Такъ напр. *Chronicum Alexandr. ad ann. 4 Justiniani*: «καὶ προέτρεψε Ἡρώδης Βασιλεὺς Περσῶν τῷ αὐτῷ χρόνῳ Ῥήγα τῶν Οὐννων ὀνόματι Ζίλγβι».

123). Jede Sprache, говорить Велькеръ (*Aesch. Trilog. 130. anm. 171*) enthält die gleiche Erscheinung». Такъ Ingo и Чунко, Ingwog и Нунchwog и т. д. У Константина багрянороднаго Salmutzes вмѣсто Almutzes, Singul и Chingulus вмѣсто Ингуль (*de adm. imp. ed. Bonn. 170. 179. 168*). Тунманнъ отыскавъ разъ что у Констант. багр. вмѣсто Ἐπονομαζόμενον Νεοσουπτῆ, было поставлено по ошибкѣ Ἐπονομαζόμενον Ἐσσοупτῆ (*ibid. 75*), сталъ примѣнять свое открытіе ко всемъ личнымъ и мѣстнымъ именамъ и даже къ годовымъ числамъ его книги. Онъ читаетъ вмѣсто λεγόμενος Σαλμούτζης, — λεγόμενος Ἄλμούτζης; вмѣсто λεγόμενος Συγγούλ, — λεγόμενος Ὑγγούλ. Но правильность дошедшихъ до насъ чтеній подтверждается тѣми мѣстами, въ которыхъ передъ именами Σαλμούτζης, Συγγούλ, нѣтъ слова оканчивающагося на σ. Такъ: «μᾶλλον οἱ Τοῦρκοι τὸν Ἀρπαδῆ γενέσθαι προέκριναν ἄρχοντα ἤπερ Σαλμούτζη τὸν αὐτὸν πατέρα» (*de adm. imp. 170*). «Ποταμὸς Χιδμάς, ὁ καὶ Χιγγυλοὺς ἐπονομαζόμενος» (*ibid. 168*).

124). «Sinus est mare illud (Caspium), ab Oceano versus meridiem editus» (*Strabo, XI. 385*). «Hae gentes (Saraguri, Urogi et Onoguri) propriis sedibus ejectae, commissa pugna cum Sabiris, quos expulerant Abares, et ipsi quoque extorres facti a genibus, quae Oceani littus accolebant (τὴν παρακεανίτην ἀκτῆν). . . in finitimorum sedes irruperunt» (*Exc. e Prisci hist. ed. Bonn. 158*). Очевидно здѣсь подъ словомъ океанъ, должно разумѣть восточное, Каспійское море (срви. *Thunmann, Oestl. V. 30*). Не иначе понялъ мѣсто о Кермхіонахъ и Стриттеръ; онъ также принимаетъ океанъ за Каспійское море (*Mem. pop. III. 5*).

125). О сыновьях англійскаго короля Эдмунда, Адамъ бременскій говоритъ подъ 1017 г.: «Frater vero Adelradi Emund vir bellicosus ob gratiam victoris, veneno extinctus est. Filiique eius in Ruzziam exilio sunt damnati» (*hist. eccl. cap. 90*). Карамзинъ, Кругъ, Бутковъ, Гизебрехтъ и другіе думали о нашей Руси. Г. Куникъ доказалъ весьма основательно что дѣло идетъ о Венгріи. Онъ приводитъ между прочимъ, изъ текста англійскихъ законовъ Эдуарда исповѣдника, слѣдующее мѣсто: «Iste praefatus Eadmundus habuit quendam filium Eadwardum nomine, qui mox patre mortuo timore Regis Knuti aufugit ad regnum Dagorum, quod nos melius vocamus Russiam, quem rex terrae Malescoldus nomine, ut cognovit quis esset, honeste retinuit» (*Leges Angl. Edowardo Confess. vulgo adscriptae. ed. Schmidt. 275—304*). По Вилькинсу: «Iste praefatus Eadmundus yrensida habuit quendam filium Edwardum nomine, qui mox patre mortuo (timore Chnuti regis) aufugit ad regnum Rugorum, quod nos melius vocamus Russiam. Quem rex terrae Malesclotus nomine, ut cognovit quis esset, honeste retinuit» (§ 4. *ap. Kunik, Beruf. II. 35. Anm.*). Сумъ (*III. 534*) читаетъ Dogi (вмѣсто Dagi), полагая это слово переводомъ англосаксонскаго Unni—Hungari, въ смыслѣ средне-вѣковаго Hunni—canes. Regnum Dagorum есть ничто иное какъ regnum Dacorum; что Венгрію понимали подъ именемъ Дакии, узнаемъ мы изъ землеописанія равенскаго географа: «et ad frontem ejusdem Albis, Datia minor dicitur (Datia вм. Dacia, какъ provincia вм. provincia) et dehinc super exaltata est, magna et spatiosa Datia dicitur, quae modo Gipidia adscribuntur: in qua nunc Unorum gens habitare dinoscitur; post hinc Illyricus usque ad provinciam Dalmatiae pertingit» (*Anon. Ravenn. lib. I. 25.—Срвн. Jornand. cap. 5*). Впрочемъ, выраженіе «regnum Rugorum, quod nos melius vocamus Russiam», относится не къ древнему, давно уже забытому Ругиланду (см. *Kunik, Beruf. II. 18—83*), а къ получившей отъ за-карпатскихъ Русинъ названіе Руси, Венгріи.

126). Я указываю только ради любопытства на личные Colda у Чеховъ (*Boczek, II. 121. — Sommersb. I. 86. 1008*), Scloдо, Skolde у Дюсбурга (*Chron. Pruss. 186, 188, 199, 379*).

127). «En considérant la syllabe ال al de *الدبر* Al-Dîr comme l'article arabe il restera Dîr *دبر*, qui est la nom du frère (?) d'Ascold» (*Charmoy, ibid. 393*).

128). Alma—сонъ (*Mone, Nord. Heid. V. 104. Ann. 71*).

129). У Кедрина (*ed. Bonn. II. 395*): *Σφάγγελος*. Газе указываетъ еще на форму *Σφάγγελος* (*Not. in Leon. Diac. 476*).

130). Ни Левъ Діаконъ, ни Кедринъ не знаютъ никакихъ подробностей о мнимой смерти Свенгелда (хотя первый и полагаетъ что онъ былъ убитъ, *p. 138*), тогда какъ весьма обстоятельно рассказываютъ о томъ, какъ другаго воеводу Святослава, Икмора, убилъ Анемасъ, сынъ критскаго намѣстника. Да и вообще нельзя полагаться на вѣрность ихъ рассказовъ о битвахъ между Русью и Греками; такъ напр. Левъ Діаконъ употребляетъ совершенно одинаковое выраженіе «*ἄνδρα γιγαντώδη καὶ βασιχόν*» и о Свенгелдѣ и объ Икморѣ; это ужъ черезъ чуръ по-гомеровски.

131). У Льва Діакона онъ является вторымъ (*ed. Bonn. 135, 144*); первое мѣсто принадлежитъ Икмору, непосредственному начальнику дружины (*ibid. 149*).

132). Chukg-Ulla (у Шармуа, *relat. de Mas. 366. 395*) говоритъ о Славянахъ язычникахъ, что они называютъ своихъ князей Святъ, а княжескихъ намѣстниковъ (воеводъ) Свенеди или Свенди *سوندی*. Арабскій авторитетъ Chukg-Ullah намекалъ вѣроятно на Святослава и его воеводу Свенгелда.

133). Срви. литовскія: Algimund, Germund, Narimund и т. д.

134). Я сохранилъ принятое Палацкимъ чтеніе: Rozněta и Roznět. Древне-чешскія рукописи не знаютъ особаго знака для выраженія славянскихъ *ж* и *ш*. Такъ въ приводимыхъ у Пертца спискахъ Козьмы пражскаго: Mesko вмѣсто Meško, Mstis вм. Mstiš, Zdan вм. Ždan, Branis вмѣ. Braniš и т. п.

135). Въ прим. д стр. 7 изданія Арх. Комм. сказано: «прорж-
нетъ. Издателя Новг. л. неправильно слѣдали изъ буквы и пред-
логъ». Совершенно правильно. Всеволодъ и Рожитъ поставили
2 церкви въ томъ же году.

136). Точно также поступаетъ въ послѣдствіи и Влади-
миръ: «Вдась же за вѣно Грекомъ Корсунъ опять царицѣ дѣля»
(*Лавр.* 50).

137). Въ переводномъ французскомъ изданіи Олеарія Wicque-
fort, Leyde. 1719 я этого извѣстія не нашелъ.

138). Позднѣйшая лѣтопись сохранила намъ о Рогнѣди и
другое преданіе, безъ сомнѣнія заимствованное изъ народныхъ
пѣсень временъ Владимира. «О сихъ Всеславичихъ сице есть, яко
сказаша вѣдушіи преже» и т. д. (*Лавр.* 131, вѣдушіи то-есть
вѣщии, пѣснотворцы; срвн. вѣщій Боянъ въ сл. о п. Игоревѣ;
такъ у Грековъ *αοιδός, αείδω, σίδα, εἶδω*). Г. Соловьевъ (*Ист.*
Росс. I, 47) замѣчаетъ что Владимиръ имѣетъ право казнить
жену, замышлявшую преступленіе; здѣсь болѣе нежели право,
здѣсь долгъ (сопряженный съ религиознымъ обрядомъ), по неис-
полненіи котораго Владимиръ обязанъ созвать бояръ и просить
совѣта. «И повергъ мечъ свой, и созва бояры, и повѣда имъ». Древне-чешскіе законы опредѣлявшіе смерть женѣ, за нарушеніе
супружеской вѣрности, требовали отъ самаго мужа исполненія
смертнаго приговора. Такъ въ древнѣйшемъ житіи св. Адалберта
читаемъ, что женѣ одного изъ Врзовичей, уличенной въ измѣнѣ,
надлежало по древне-чешскому обычаю (*more barbarico*), принять
смерть отъ руки мужа. «*Quam cum more barbarico parentes dede-
corati conjugis decapitare quaererent, fugit illa. . . sub manu conju-
gis capitale jussa est subire sententiam*» (*Vita S. Adalb. c.*
XIV); обычай, говоритъ Палацкій (*Gesch. v. Boehm. I. 185.*
Anm. 172), существовавшій у Чеховъ еще въ XIV вѣкѣ (срвн.
Maciejowski, Sl. RA. II. 28). На религиозное значеніе смерт-
наго обряда намекають торжественныя приготовленія Владимира:
«и повелѣ ея устроитися во всю тварь царскую, якоже въ день

посяга ея, и сѣсти на постелѣ свѣтлѣ въ хранинѣ, да пришедь потнѣть ю». Что касается до имени Горислава, которымъ Рогнѣда будто бы была названа по ея горестямъ (*Карамз. I, 206*. «Потомъ отца ея уби, а саму поя женѣ, и нарекоша ей имя Горислава» *Лавр. 131*), это имя было по всемъ вѣроятностямъ, ничто иное какъ прозвище (cognomen) Рогнѣди; срвн. Горислава, Бух. Митр. и Im. Slav. въ *именосл. Морошкина*; Goryslaw и Gorislaw, *тамъ же* и у *Бод. де Курт.*

139). Г. Куникъ (*Beruf. II. 169*), на основаніи приводимаго Стриттеромъ (*Met. pop. II. 2. 1010*) варианта «γαμβροῦ τοῦ Βασιλέως», пишетъ: «ein Bruder oder Schwiegersohn Wladimir's». Но какъ слова «τοῦ ἀδελφοῦ τοῦ Βασιλέως», такъ и вариантъ Cod. Coislin «γαμβροῦ τοῦ Βασιλέως» относятся не къ Сфенгу, а къ Владимиру, шурина имп. Василія; парижское издание даже читаетъ Βασιλείου вмѣсто Βασιλέως. Ἀδελφός (братъ), въ общемъ смыслѣ cognatus, proximus, consanguineus (*Thes. Gr. l.*); γαμβρός, gener, item frater uxoris: nec non maritus sororis secundum quosdam (*Budd.*). Латинскій переводъ объясняетъ правильно: «is adjuvante Sphengo fratre Bladimeri, ejus qui Basilii imperatoris sororem in matrimonio habebat, regionem eam subegit» etc.

140). Такъ Perun, Peron и Parom, (см. *Hanusch, Wiss. d. Sl. M. 259*).

141). Погодинъ (*Арх. И. Ю. сѣвд. Отд. I. 93*) пишетъ: «Филиппъ Нянька» Въ *Лавр. л.* «воеводу убиша Филиппа Нянька» безъ вариантовъ.

142). Якунъ имя преимущественно сѣверное, новгородское; на югъ оно неизвѣстно. Мнѣ кажется это имя сокрыто подъ формою Hagepa, въ позмѣ VIII вѣка *Пѣснь странника*: «Hagepa Holmricum» (Hagepa imperavit Holmiensibus). Этотъ Hagepa — Якунъ былъ стало быть новгородскимъ княземъ въ VIII или предшествующихъ столѣтіяхъ.

143). Срвн. болгарское Гулабъ (*именосл. Морошк.*).

вовъ, состояли къ нимъ въ отношеніи не равенства, а второстепенномъ. Вендскіе князья являются данниками Карла Великаго; они ѣздятъ въ Компьень на судъ императора и для рѣшенія семейныхъ усобицъ; въ норманскихъ походахъ на западныя европейскія земли Венды принимаютъ участіе подъ управленіемъ и предводительствомъ Норманновъ; вездѣ начало германское и скандинавское являются преобладающими. На Руси было иначе. Призванные словено-русскими племенами, удаленные отъ тяготѣвшаго на нихъ въ Поморіи германо-скандинавскаго вліянія и губительныхъ родовыхъ и религіозныхъ усобицъ, вендскіе князья дѣйствуютъ у насъ на первомъ планѣ, дѣйствуютъ на просторѣ, въ чисто-славянскомъ духѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что извѣдавъ съ давнихъ поръ отличительныя свойства норманскаго воина, необузданное мужество, предпріимчивость въ ратномъ дѣлѣ, неизмѣнную вѣрность дружинника и тѣлохранителя, хитрость посла и т. д., они дорожили товариществомъ Норманновъ по войнѣ и торговлѣ; нанимали варяжское войско; искали и любили Норманновъ-дружинниковъ; доверяли имъ порученія, требовавшія какъ слѣпой вѣрности въ исполненіи, такъ и совершеннаго отчужденія отъ русскихъ династическихъ интересовъ. Но постояннаго, основнаго участія въ политической жизни Руси, Норманны у насъ не имѣли; такого участія не допускаетъ и самый характеръ норманскаго викинга. Конечно, скандинавскія саги рассказываютъ съ своимъ обычнымъ преувеличеніемъ и хвастовствомъ, о норманскихъ витязяхъ и конунгахъ надѣленныхъ наслѣдственными русскими областями, при извѣстномъ, по лѣтописи, въ нихъ княженіи русскихъ династовъ; таковы напр. кондотьеры Эймундъ и Рагнаръ, являющіеся полоцкими конунгами при Брячиславѣ, котораго сага, Богъ вѣсть почему, зоветъ Варнлавомъ (*de Eym. et rege Ol. c. 11*); но кто не видитъ какъ изъ хода самой исторіи, такъ и изъ совершеннаго молчанія русской лѣтописи о фактахъ ей почти современныхъ, что дѣло идетъ о варягахъ-наемникахъ, временныхъ оберегателяхъ границъ, приходившихъ на Русь и уходившихъ снова, не

оставивъ слѣда ни въ русской жизни, ни въ русской исторіи? Ни въ чемъ основное отличіе русскаго отъ скандинавскаго міра не проявляется такъ рѣзко, какъ въ сравненіи извѣстій Несторовой лѣтописи съ извѣстіями скандинавскихъ сагъ. Сигурдъ братъ Астриды, Олафъ Тригвасонъ, Ингигерда, Рагнвальдъ, Эймундъ, Рагнаръ, Олафъ святой, Магнусъ, Гаральдъ Гардрадъ, Эйлифъ, Ульфъ не существуютъ для русскаго лѣтописца, какъ не существуютъ для него имена и исторіи тѣхъ печенѣжскихъ, венгерскихъ и литовскихъ мужей, которые принимали только случайное участіе въ русской жизни. Одинъ только Якунь, варяжскій князь, побѣжденный Мстиславомъ, перешелъ изъ народнаго преданія въ лѣтопись: «и бѣ Якунь слѣпъ, луда бѣ у него золотомъ исткана.... Видѣвъ же Ярославъ, яко побѣжаомъ есть, побѣже съ Якуномъ, княземъ варяжскимъ, и Якунь ту отбѣже луды злато» (*Лавр. 64*). Причина молчанія лѣтописи одна: Норманны у насъ не селились. Съ своей стороны, скандинавскія саги (не знающія ни о Рюрикѣ, ни объ Олегѣ, ни объ Игорѣ, ни о Святославѣ, ни объ основаніи государства Норманнами), не упоминаютъ ни объ одной изъ мнимо-скандинавскихъ личностей нашей исторіи, за исключеніемъ Гольтія, Висивальдра, Гаральда, Малмфриды и Ингибіарги, русскихъ князей и княгинь, рожденныхъ отъ Норманокъ. Еслибы Варяги, основатели русскаго государства, были дѣйствительно скандинавскаго происхожденія, не должно ли бы ожидать въ исландскихъ сагахъ разказовъ какъ о первыхъ русскихъ князьяхъ: Рюрикѣ, Олегѣ, Игорѣ, Ольгѣ, Святославѣ, такъ и о личностяхъ, каковы: Свенгелдъ, Лютъ, Рогволодъ, Рогнѣдъ, Икморъ, Прѣтичь, Блудъ и т. д.?

150). Славянскими дружинниками, участвовавшими въ знаменитой Бравальской битвѣ (около 730 года), являются у Саксона грамматика Duc Slavicus, амазонка Wisna, Barri, Gnizli, Regnaldus Ruthenus и пр. (*Saxo Gramm. l. VIII. 378, 379, 388*). Этотъ Regnaldus Ruthenus, Rathbarthi nepos (Rathbarth —

Ратиборъ; срвн. вендск. *Reitbur*; *hist. Harald. Gill. cap. 11. 14*), означенъ въ *Sögubrot* Рогволодомъ (*Rögnvaldr*), выходцемъ изъ кievской Руси (*Kaenugard*).

151). Дарить пословъ варварскихъ народовъ было у Грековъ особую дипломатическую наукою; см. *Prooem. ad. Exc. de Legation. ed. Bonn. 6—8.* — *Const. Porph. de adm. imp. ed. Bonn. 82.* — Срвн. *Лазр. л. 16.*

152). Конечное предложеніе отъ словъ: «*Rursus cum Zichus asserisset*» и пр. я выписалъ изъ парижскаго изданія; боннское пишетъ безъ смысла: «*exemplum Graeca lingua, sed litteris Persicis exaratum*».

153). «*Et Romani Imperatoris pacis ratihabitio solitam prae se ferebat inscriptionem, quae satis nota est. Persarum vero regis Persica lingua scriptae, verba Graece haec sonant*» (*ed. Bonn. 353*).

154). Греки обращались такъ свободно не всегда и не со всѣми народами; редакція ихъ договоровъ съ Атилию, была безъ сомнѣнія отлична отъ редакціи договоровъ заключенныхъ съ Олегомъ и Игоремъ. Между тѣмъ и Атила переписывался съ ними по гречески; секретаремъ у него былъ Констанцій, посланный къ нему отъ Авція «*ut illi in conscribendis epistolis deserviret*» (*Exc. e. Prisc. ed. Bonn. 185*); порученія словесныя передавались императорамъ посредствомъ служившихъ у нихъ переводчиковъ (*ibid. 147*); и между варварами были въ то время знавшіе по гречески и по латынѣ (*ibid. 190*).

155). Греки заставляли Аварскаго Хагана клясться по нѣсколькxу разъ въ 579 году: «*adjecit, se per ea, quae et apud Romanos, et Avars sanctissima habentur, paratum jurare*» — «*Romani — chaganum ad iusiurandum provocarunt. Itaque confestim avarico ritu jusjurandum ad hunc modum praestitit*» (*Menandr ed. Bonn. 334, 335*).

156). У Скандинавовъ обычная клятвенная формула именовала Фрея (*Freyr*), Ньорда (*Njörðr*) и всемогущаго бога, подъ

которымъ, говорятъ Гриммъ (*DRA. II. 894*), должно понимать Одина или Тора. Въ исторіи св. Кутберта, Датчанинъ клянется: «*per Deos meos potentes Thor et Othan*» (*ibid.*).

157). Г. Буслаевъ (*О. вл. Хр. 11 — 13*) толкуетъ эту клятву тождествомъ понятій о золотѣ и о небесномъ огнѣ; въ сербскихъ пѣсняхъ золоту прилагается эпитетъ жгучаго: «чистим серебромъ и жеженымъ златомъ» (*Вук. 2, 217, тамъ же*). Но жежене злато кажется означаетъ жженое; срвн. *Ипат. л. подъ 1252 г.*: «и сѣдло отъ злата жъжена». Лучшее золото и на западѣ слыло подъ названіемъ жженаго, *aurum costum, quod alias obguzum* (*Du Cange, v. aurum*).

158). Въ видѣ исключенія можно привести выраженіе лѣтописи объ Олегѣ: «отъ рода ему суца» (*Лавр. 9*), если только это не позднѣйшая поправка. У Курбскаго уже всегда читаемъ: «отъ роду мученика князя Михаила черниговскаго» — «отъ роду великаго Владиміра» (*изд. Устрял. 101. 220.*).

159). При этихъ греческихъ, христіанскихъ и дипломатическихъ формулахъ, позднѣйшіе списыватели лѣтописи приходили нерѣдко въ понятное недоумѣніе; имъ было трудно вообразить себѣ такія рѣчи и формулы въ устахъ языческой Руси; они относили ихъ къ Грекамъ. Отсюда это смѣшеніе въ договорахъ мѣстоимѣній наши и ваши.

160). Гриммъ (*D. M. 969 — 971*) замѣчаетъ что въ скандинавскихъ суевѣрныхъ преданіяхъ, договоры людей съ злымъ духомъ никогда не совершаются письменно какъ у Германцевъ; суевѣріе послѣднихъ указываетъ на знакомство съ формою римскихъ хирографовъ.

161). Въ болгарскомъ переводѣ Константина Манассія (*Bibl. Vatic. № 2*), прибавлено переводчикомъ на оборотѣ 163 листа: «при семь Василя прѣи крѣтишжѣ руси». — На оборотѣ 166 листа изображено: «крѣщение роусомъ». — на оборотѣ 177-го: «при семь Никифорѣ прѣи плѣнишж роуси блъгарскѣа зема». (*Журн. Мин. Нар. пр. 1839. Май. Шевыревъ, Слав. рукоп. Ватикан. библ. 113*).

162). Кадлубекъ (II. ep. 10.) производилъ польское Meško отъ mieszka-turbatio; а за нимъ и Богухвалъ *ap. Sommersb. I. 4.*

163). По всей вѣроятности три посла трехъ братьевъ, владѣвшихъ дѣдиною сообща.

164). По примѣру множества другіихъ славянскихъ именъ, и Тудоръ имѣетъ соответствующее германское Tudr: «Marcomannis Quadisque usque ad nostram memoriam reges manserunt ex gente ipsorum, nobile Marobodui et Tudri genus» (*Tacit. Germ. 42.*).

165). Изъ именъ, по всей вѣроятности перешедшихъ къ намъ отъ варяговъ, особенно замѣчательны западныя Янъ, Янко, Янка. Намъ извѣстны: Янъ усмошвецъ и Янъ сынъ Святослава Владимировича подъ 1000 и 1002 г. (*Никон. Л. I. III.*); Янъ Вышатиць воевода Ярослава въ 1071 г.; старецъ Янъ, скончавшійся 90 лѣтъ, въ 1106 году (*Давр. 120*); Яневъ братъ, Ляхъ Владиславъ въ 1169 г. (*тамъ же 153*; срвн. *Ипат. 93, 101, 104*); Юрій Яневичъ подъ 1231 г. (*Ипат. 173*); Янка, дочь Всеволода Ярославича въ 1086 г. (*Давр. 88, 89, 136*). Jan языческое, западное имя, переходящее въ христіанское Іоаннъ, какъ Юрій въ Георгія, Никлотъ въ Николая («Nicolotus qui et Nicolaus» *Arnold. Lubec. III. cap. IV.*). Его древне-славянское происхожденіе опредѣляется уже составными формами Januslaw у Хорватовъ, Janoslaw у Моравлянъ (*Kollar, Rozpr. o Gm. 99, 248*); Janislaus Gneznensis eccl. archiep. (*ap. Sommersb. II. 93*); Janiš и Januš, сокр. Janislaw и Januslaw у Чеховъ (*Восзек, I. 182 II. 152*); Janusz, имя польскаго князя въ 1388 году; Янка, женское производное отъ Янъ (*см. выше*) и т. п. Оно проявляется у всѣхъ западныхъ славянскихъ племенъ подъ формами Janek, Janjk, Janco, Jencke, Jancko (*см. Восзек и rer. Lusat. script. I. II. 235, 245, 289*). Гапка (*Wур. Remesk. Evang. 4. 5*) указываетъ на форму Jan, какъ на характеризующую отлiчiе чешскихъ отъ руссо-болгарскихъ экземпляровъ Евангелій; послѣдніе читаютъ

всегда Іоаннъ (срвн. *ею же Ремск. Еван. XXVI. прим. 18*). Соответствующимъ западному Јап является словено-русское (я думаю также языческое) Иванъ. Въ галицкой лѣтописи воскресенскаго монастыря записано: «въ лѣто 6858 родися князю Андреку Теодоровичу (галицкому) сынъ Иванъ, нарекоша имя ему Василій». Въ лѣтописи всѣ три формы встрѣчаются одновременно. Подъ 1043 г. Вышата отецъ Яневъ и Иванъ Творимировичъ (*Давр. 66*); подъ 1086: Иванъ митрополить и Янка дочь Всеволода (*тамъ же, 88*); подъ 1089: воевода Янъ, игумень Іоаннъ; Янка Всеволодовна и митрополить Іоаннъ скопчнина (*тамъ же, 89*); подъ 1106: Янъ Вышатичъ и Иванка Захарьичъ, Козаринъ (*тамъ же, 119*). Гдѣ у насъ Ивановъ огонь, тамъ на западѣ Swatojansky oheň и прицѣвъ Wajanwo, Wajanok (*Снеспр. р. пр. IV. 26. — Hanusch, Sl. Myth. 200 — 205*).

166). Здѣсь будетъ кстати припомнить сказанное въ IV главѣ о князьяхъ.

Послы Олега называютъ себя посланными отъ «свѣтлыхъ и великихъ князь и его великихъ бояръ» (*Давр. 13. вар. д, Р. Т.*). Далѣе: «елико наше изволеніе быти отъ сущихъ подъ рукою нашихъ князь свѣтлыхъ» — «храните такую же любовь къ княземъ свѣтлымъ нашимъ Рускымъ» (*тамъ же, 14*). Въ договорѣ Игоря: «посланіи отъ Игоря великаго князя Рускаго, и отъ всякаго князя, и отъ всѣхъ людій Рускіа земля» (*тамъ же, 20*). Уклады требовались на города по которымъ «сѣдяху князья подъ Ольгомъ суще» (*тамъ же, 13*).

Норманнъ Олегъ, ближайшій родичъ Рюрика, опекунъ княжича Игоря — не князь до 881 года, то-есть до пріобрѣтенія имъ собственно для себя кіевскаго (Русскаго) княженія.

Отъ какихъ же норманскихъ свѣтлыхъ князей были посланы упоминаемыя въ договорахъ личности?

Какіе норманскіе князья сидѣли по русскимъ городамъ?

Какими наследственными княженіями на Руси владѣли эти норманскіе князья?

Почему, наконецъ, они князья, когда Олегъ не князь, а Игорь только княжичъ?

Этотъ вопросъ (о малыхъ князьяхъ) имѣетъ свое значеніе въ первоначальной исторіи Руси и въ спорномъ дѣлѣ объ ея происхожденіи. Если какъ мнѣ кажется, невозможно допустить существованіе норманскихъ князей-родичей при Олегѣ и Игорѣ не-князьяхъ, если за тѣмъ «князья подь Ольгомъ суще», князья сѣдѣющіе въ городахъ, князья о которыхъ упоминается въ договорахъ, — прежніе, туземные, доваряжскіе князья; то, примѣненные къ этому положенію Руси въ IX — X вѣкѣ, слова лѣтописи и официальные выраженія договоровъ («къ княземъ свѣтлымъ нашимъ Рускымъ»), раскрываютъ передъ нами организацію русскаго общества ни мало не совмѣстную съ извѣстнымъ ученіемъ теоретиковъ-Норманистовъ. Уже не можетъ быть рѣчи объ отчужденіи Славянъ отъ управленія землею. Съ другой стороны, если въ 907 — 911 годахъ, князьями русскими называются туземные князья Древлянъ, Дреговичей, Бужанъ, Сѣверянъ и т. д., неужели выраженіе Константина багрянороднаго $\xi\omega\sigma\iota\tau\iota$, все еще будетъ значить «по скандинавски»? (см. гл. XX).

167). Я указываю именно на тѣ грамоты, которыя приведены у г. Срезневскаго (*Мысли объ истор. русск. яз.*), приѣрами измѣненій въ народномъ языкѣ. Въ такъ называемомъ церковномъ уставѣ Ярослава, какъ документѣ или подложномъ (*Карамз. II, прим. 108*), или подновленномъ въ XIII вѣкѣ (*Розенк. о Кормч. кн. 131*), нѣтъ слѣдовъ западнаго вліянія.

168). Отсюда же, думаю, и названіе млечнаго пути птичьимъ путемъ — paukszeziū kielės въ литовской мифологіи (*Grimm, D.M. 331. Anm. **); у Германцевъ Iringesstrāza (*ibid. 332*); всѣ эти небесные пути (Иракловъ, Однновъ, Иринговъ, Карловъ) идутъ отъ востока на западъ (*Sepp, Heidenth. II. 464*). Какъ Ir-ing сынъ германскаго Zio или Ir'a (*Müller, altd. rel. 232*), такъ и западный Иро-вить сынъ славянскаго Ира или Яра. Не здѣсь ли ключъ къ сохранившемуся у Туроца прозвищу Bezen

для Ярослава Святополковича (*Twros*, *ap. Schwandtn. I. 173*)? Wezen (*Wezen*, *Wesep* личные имена у *Бочка, II, 104, 174, 273, 365*) соответствует Яро-славу, какъ новѣйшее *wespa* древнему *iro, jaго*.

169). Весьма интересны по многообразію и оригинальности эрудиціи, Замѣчанія на слово о пѣлку Игоревѣ Князя П. П. Вяземскаго (*С. Петерб. 1875 г.*). Но чтобы вопросъ о языкѣ Слова былъ уже рѣшенъ Калайдовичемъ въ 1818 году (*Предисл. 1851 г. VI*), я допустить не могу.

170). Въ чешской поэмѣ *Jaroslav*, вѣтхими словесами названы самыя пѣсни древнихъ временъ: «*vethými slovesy nad sim vsrěchu*» (*Ruk. Kralodv. 17*).

171). Къ словамъ германо-латинскимъ перешедшимъ къ намъ, можетъ быть, отъ варяговъ, можно еще отнести сумный конь (*Инам. 158*); срвн. *Saumagium* (*Grimm, DRA. I. 263. — Du Cange, v. Sagma*).

172). Въ 1835 году Колларъ открылъ руническую надпись *Carpi Vu*, на каменномъ бамбергскомъ истуканѣ, будто бы вывезенномъ изъ Поморія св. Оттономъ, бамбергскимъ епископомъ. Колларъ и Шафарикъ думали о Чернобогѣ (*Čas. Česk. m. 1837. I. 37 — 52*). Не богу ли Карпѣ былъ посвященъ каменный идолъ?

173). Эйхофъ (по Ганкѣ) переводить. «*Nous seuls nous voulons tout oser, éгалer nous seuls la gloire des anciens temps, et réserver pour nous les anciens trophées*» (*Hist. de la litt. des Sl. 309*). Грамматинъ: «*приобрѣтемъ сами славу въ потомствѣ, а слава предковъ не есть еще наша*» (*Сл. о н. м. 51*). Извѣстно что Игорь и Всеволодъ предприняли походъ противъ Половцевъ тайно отъ Святослава кievскаго, которому завидовали (*Карамз. III. 63*); между тѣмъ Святославъ готовился самъ противъ Половцевъ: «*Въ то же время великій князь Всеволодичъ Святославъ шелъ бѣшать въ Корачевъ, и сбираеть отъ верхнихъ земель вой, хотя ити на Половци къ Донови на все лѣто. Яко возвратится Святославъ и бысть у Новагорода Сѣверьскаго, и слыша о братьи*

своей, оже шли суть на Половци, утаившеса его: и не любо бысть ему» (*упат. 132*). Игорь и Всеволодъ говорятъ: мужаемся (срвн. *Лавр. 72*: мужаемся) сами; переднюю славу (т. е. первую побѣду) возьмемъ мы одни; а заднею подѣлимся съ вами (т. е. когда подоспѣете къ преслѣдованію побитаго врага). По этому кажется должно читать: «мужаимъся сами, преднюю славу сами похитимъ, а заднею ся с[в]ами подѣлимъ».

174). Любопытное извѣстіе о сквернахъ болгарской вѣры не можетъ быть отнесено къ Мухаммедизму, не смотря на выраженіе Нестора: «поминають Бохмита». Здѣсь очевидно разумѣется одна изъ христіанскихъ гностическихъ сектъ, известныхъ подъ общимъ именемъ борборитовъ или нечестыхъ. (См. *Eriphanus, Naer. XXI. 34. ар. Sepp, Heidenth. II. 191, 192*).

175). Миклошичъ (в. тети, тепж) кажется смѣшиваетъ глаголь *tnauti*, *tji*, *těj* — *caedere*, съ глаголомъ *terati* — *ferire*. (См. *Jungmann*.)

176). Какъ Венгры слово воевода (*Const. Porph. de adm. imp. ed. Bonn. 168*: $\Lambda\epsilon\beta\epsilon\delta\acute{\iota}\alpha\varsigma\ \beta\omicron\epsilon\beta\omicron\delta\omicron\varsigma$), такъ Печенѣги заняли у насъ слово законъ (*ibid. 73. 170*) и, если вѣрить Кедрину, комонство: «καὶ στάντες ἐπὶ τῆς ὁδοῦ συμβουλήν προστίθεσαν, ἧτις παρ' αὐτοῖς κομέντον ὠνομασται» (*Cedren. ed. Bonn. II. 588*).

177). Срвн. *Солов. ист. Рос. II. 428*.

178). Концы были и въ Псковѣ (см. *Погод. Псковск. л. предисл. XVII, XVIII*). При очевидномъ, этимологическомъ и историческомъ сходствѣ этихъ концевъ съ штетинскими кончинами (*končina* — *terminatio*, *confinia*, *Jungm.*), трудно допустить для этого слова предполагаемое Шафарикомъ (*Sl. Alt. II. 615*) и г. Срезневскимъ (*богосл. 43, прим. 2*) производство отъ *кжшта*, *кжтъ*. Славянское *ч* въ словѣ *končina* передается германскимъ *t* (*contina*), какъ тоже *ч* въ имени Черноглава скандинавскимъ *t* = *Tjarnaglôfi*.

179). Вторая новгородская лѣтопись (XVI ст.) читаетъ: «на

Шетиницѣ» (125). Составитель лѣтописи здѣсь очевидно пишетъ на угадъ.

180). Биографы св. Оттона говорятъ положительно о заморско-торговлѣ вендскихъ Славянъ въ XII вѣкѣ: «Plurimi autem Julinensium pro negotiatione sua trans mare abierant». — «Cives illius (Colobregae) omnes institorum more ad exterarum insulas causa negotiandi navigaverant». — «Baptismo (plurimi) interesse non poterant eo, quod in exteris partibus peregrinati, negotia sua exeruerunt, quorum profecto Dodonae, Julinae, Stetinae maxima erat copia (Ludew. 480, 688, 689).

О сохранившихся отъ прежнихъ временъ отношеніяхъ къ Поморію варяго-русской династии еще въ XII вѣкѣ, есть и другія извѣстія у западныхъ лѣтописцевъ. Русскіе князья, въ союзѣ съ Поморянами и Пруссамы, вели войну съ Болеславомъ кривоустымъ (1102 — 1139); въ условіяхъ мирнаго договора, который былъ заключенъ Болеславомъ съ русскимъ княземъ Володаремъ галичскимъ, стояло обязательство впредь не подавать помощи Поморянамъ: «ne Pomeranis ultra forent auxilio» (*Herb. II. 4. у Котляревск. Др. и ист. пом. Слав. 19, 20*).

181). «La population, attachée à son indépendance, s'opposait à la lumière qui lui était apportée du sombre occident. Celle qui habitait les plages de la Baltique aux environs de l'Oder, aime mieux inventer d'autres dieux, que d'accepter simplement les idées et le joug de l'étranger». (*J. Lelewel, Numism. III. 90*). Сюда слѣдуетъ отнести и сильное вліяніе на вендскій политеизмъ литовскаго еоогоническаго начала (*id. Tygodn. Wil. 1816*). Упоминаемые у Гельмольда (*I. cap. 53. — II. cap. 84*) Podaga и Prove очевидно литовскіе Podangas и Prova; Thurupit — Этскій Tharapita или Tharapilla; самая каста арконскихъ жрецовъ была кажется не чисто вендскаго, а позднѣйшаго финно-литовскаго происхожденія (см. *Mone, nord. Heidenth. I. 183*).

182). И послѣ введенія у насъ христіанской вѣры, ей приходилось еще долго бороться съ язычествомъ. Эверсъ (*Aelt. R.*

228) подозревалъ въ Святополкѣ желаніе возстановить на Руси вѣру своихъ языческихъ предковъ. Его догадка подтверждается свидѣтельствомъ Эймундовой саги. Эймундъ говорить Ярославу о Бурислейфѣ т. е. Святополкѣ: «Atque arbitror eum evasisse incolumem et hiemem in Turcia transegisse; bellum tibi iterum inferre statuit, invictumque adducere exercitum, in quo sunt Turcae, Blö-kumanni multaque aliae ferae nationes. Audivi quoque vero esse similis, eum christianam religionem repudiare statuisset, regnoque Gardorum tibi erepto, utraque regna barbaris illis nationibus frequentare» (*de Eym. et rege Ol. 270*).

183). Для удобнѣйшаго сравненія я привожу оба текста:

<p>«И по семь царствова сынъ его, именемъ Солнце, его же наричють Дажьбогъ, семь тысящъ и 400 и семьдесятъ дній, яко быти лѣтома двѣма десятьма по лунѣ, видяху бо Егуптяне нини чисти, ови по лунѣ чтяху, а друзіи... деньми лѣтъ чтяху, двою бо на десять мѣсяцю число потомъ увѣдаша, отнелѣ же начаша человекѣци дань давати царямъ. Солнце царь сынъ Свароговъ, еже есть Дажьбогъ, бѣ бо мужь силенъ, слышавше нѣ отъ кого жону нѣкую отъ Егуптянинъ богату и всажену сущю, и нѣкомуе въсхотѣвшю блудити съ нею, искаше ея яти ю хотя, и не хотя отца своего закона разсыпати Сварожа, поемъ со собою мужь нѣколко своихъ, разумѣвъ годину, егда прелюбы дѣветь,</p>	<p>«Μετὰ δὲ τελευτὴν Ἡφαίστου ἐβασίλευσεν Αἴγυπτίων ὁ υἱὸς αὐτοῦ Ἥλιος ἡμέρας δυοῦς, ὡς εἶναι ἔτη ιβ' καὶ ἡμέρας ιζ'. οὐ γὰρ ᾔδεισαν οἱ Αἴγυπτιοὶ τότε ἢ ἄλλοι τινὲς ἀριθμὸν ψηφίσαι, ἀλλ' οἱ μὲν τὰς περιόδους τῆς σελήνης ἐψηφίζον εἰς ἐνιαυτούς, οἱ δὲ τὰς περιόδους τῶν ἡμερῶν εἰς ἔτη ἐψηφίζον· οἱ γὰρ τῶν ιβ' μηνῶν ἀριθμοὶ μετὰ ταῦτα ἐπενοήθησαν, ἐξότι ἐπωνομάσθη τὸ ὑποτελεῖς εἶναι τοὺς ἀνδρώπους τοῖς βασιλεῦσιν· ὁ δὲ αὐτὸς Ἥλιος, ὁ υἱὸς Ἡφαίστου, ἦν φιλότιμος δυνατός· ὅστις ἐδιδάχθη ὑπὸ τινος ὡς γυνή τις Αἴγυπτία τῶν ἐν εὐπορίᾳ καὶ ἀξίᾳ οὐσῶν παρ' αὐτοῖς ἐρῶσά τινος ἐμοιχευέτο ὑπ' αὐτοῦ· καὶ ἀκούσας ὁ Ἥλι-</p>
---	---

нощю припаде на ню, не удоси мужа съ нею, а ону обрѣте лежашю съ нимъ, съ нимъ же хотяше, емъ же ю и мучи и пусти ю водити по земли въ корзинѣ, а того любодѣйца всекну; и бысть чисто житѣ по всей земли Егупетской и хвалити начаша» (*Ипат.* 5).

ος ἐζήτησεν αὐτὴν πιάσαι διὰ τὴν τοῦ πατρὸς αὐτοῦ Ἠφαίστου νομοθεσίαν, ἵνα μὴ λυθῇ· καὶ λαβὼν στρατιώτας ἐκ τοῦ ἰδίου στρατοῦ, μαζῶν τὸν καιρὸν τῆς μοιχείας αὐτῆς γίνεσθαι νυκτῶν, ἐπιβρίψας αὐτῇ τοῦ ἀνδρός αὐτῆς μὴ ὄντος αὐτόσι, εὗρεν αὐτὴν μετὰ ἄλλου καθεύδουσας τοῦ ἐρωμένου παρ' αὐτῆς· ἦντινα εὐδῶς καταγαγὼν ἐπόμπευσεν ἐν πάσῃ τῇ χώρᾳ τῆς Αἰγύπτου τιμωρησάμενος· κάκεινον δὲ τὸν μοιχὸν ἀνείλε, καὶ εὐχαριστήσθη· καὶ γέγονε σωφροσύνη μεγάλη ἐν τῇ γῇ τῆς Αἰγύπτου.» (*Joann. Malalae Chronogr. ed. Bonn. 23. 24*).

184). Въ моемъ и нѣкоторыхъ другихъ изданiяхъ Дитмара стоять: Luagasici; но въ лучшей Дрезденской рукописи: Zuagasici (*Barthold, Gesch. v. B. u. P. I. 531*); также и въ письмѣ св. Бруно († 1009) къ императору Генриху, хранящемся въ Кассельской библиотекѣ (*Kruse, Urg. d. Esthn. St. 484. № 1*).

185). О выраженiи Велесовъ внуче Каченовскiй замѣчаетъ: «Изъ св. Власiя, покровителя скотовъ невѣжды сдѣлали не бывалого Бога волоса, иначе велеса; въ такомъ же заблужденiи былъ и нашъ авторъ, между тѣмъ какъ извѣстно, что въ Новгородѣ была Волосова улица (*И. Г. Р. изд. 2, т. IV, пр. 337, стр. 207*). Гражданинъ Волосъ т. е. Власъ былъ убитъ на вѣчѣ 1230 г. (*Новг. лѣт. стр. 115*). Была и церковь св. Власiя или Волоса. Странно что въ Новг. находилась и улица Бояна (*лѣт. Новг. 177*)! Авторъ частехонько бредитъ

именами лицъ и урочищъ сѣверныхъ!» (*Сахар. сказ. 65*). Скромнѣе, но дѣльнѣе писалъ Карамзинъ: «народъ русскій признаетъ св. Власія покровителемъ стадъ; не для того ли что имя еѣго сходно съ Волосовымъ?» (*I, прим. 203*).

186). Обь отношеніяхъ Владимира къ языческому Поморію и, вмѣстѣ съ тѣмъ, о родственной связи бывшей между варяго-русскою династіею и вендскими княжескими родами, свидѣтельствуется, если не ошибаюсь, и слѣдующее, у Нестора сохранившееся преданіе: «Потомъ же придоша Нѣмци, глаголюще: придохомъ посланіи отъ папежа; и рѣша ему: реклъ ти тако папезъ: земля твоя яко и земля наша, а вѣра ваша не яко вѣра наша; вѣра бо наша свѣтъ есть, кланяемся Богу, иже створилъ небо и землю, звѣзды, мѣсяцъ и всяко дыханье, а бози ваши древо суть. Володимеръ же рѣче: кака заповѣдь ваша? они же рѣша: пощенье по силѣ; аще кто пьетъ или ястъ, то все въ славу Божью, рече учитель нашъ Павелъ. Рече же Володимеръ Нѣмцемъ: идѣте опять, яко отци наши сего не пріяли суть» (*Давр. 36*). Здѣсь не можетъ быть рѣчи ни обь Аскольдѣ, какъ думалъ Карамзинъ (*I, прим. 442*), ни о Рюрикѣ, Олегѣ, Игорѣ, Ольгѣ, Святославѣ; они могли состоять подь вліяніемъ только восточной, а не западной церкви; да и слова «яко отци наши сего не пріяли суть» указываютъ не на какую нибудь отдѣльную попытку, въ родѣ Адалбертовой, а на постоянное, систематически повторенное стремленіе Нѣмцевъ, къ обращенію язычниковъ въ римскую именно вѣру. Говорится ли о Норманнахъ? Въ 986 году, потомокъ норманскихъ конунговъ едвали могъ сказать о своихъ предкахъ что они отвергли христіанскую вѣру; многіе изъ нихъ были христіане; въ концѣ X вѣка язычество въ Скандинавіи уже клонилось къ упадку; не должно также забывать что князю воздвигавшему идолы Перуну, Хорсу, Дажьдбогу и пр., ревностному поклоннику языческихъ славянскихъ божествъ (срвн. *Odd. monachi hist. Ol. Tr. f. cap. 6. 10*), не приходилось хвалиться привязанностію своихъ отцевъ къ Одину, Ньорду и Тору. Да и

самое значеніе разсказа преимущественно заключается въ противоположности греческой вѣры къ латинской («Не премай же ученые отъ Латынь, ихъ же ученые развращено» *Лавр. 49*); а Швеція уже при Ангаріѣ получила свое вѣроисповѣданіе отъ папы т. е. отъ римскихъ Нѣмцевъ; при Несторѣ она принадлежала вполне къ западной церкви; это обстоятельство (въ случаѣ норманскаго происхожденія варяжскихъ князей) не осталось бы безъ вліянія на форму его разсказа. Только къ вендскимъ Славянамъ идутъ слова «пощенье по силѣ» т. е. насильное (посиліе-vis; посильнъ—qui vi efficitur; поиметь ты по силѣ. *Miklos. Gloss. palaeosl.*) и отвѣтъ Владимира: «идѣте же опять, яко отци наши сего не пріями суть». Извѣстно что насильственные посты и воспрещеніе многоженства были въ числѣ главныхъ причинъ отвращенія западныхъ Славянъ къ христіанской вѣрѣ. Такъ о Лахахъ въ 1018 г. у Дитмара: «Et quicumque post septuagesimam carnem manducasse invenitur, abscissis dentibus graviter punitur. Lex namque divina, in his regionibus noviter exorta, potestate tali melius quam jejunio, ab Episcopis instituto, corroboratur» (*VII. 105*). Въ концѣ X вѣка и въ самую эпоху Нестора, язычество было въ полной силѣ у балтійскихъ Славянъ; мы знаемъ какъ упорно они противились введенію у себя латинской вѣры.

187). Въ этой иконѣ голова Сатаны и обѣ добавочныя представлены съ бородою и волосами; это приращеніе, если не отнести его къ инициативѣ русскаго иконописца XIV вѣка, указываетъ на вендо-литовское происхожденіе (см. слѣд. главу). На знаменитомъ прусскомъ стягѣ (*Lucas David. — Hartknoch, 388, 389*), литовскія божества представлены съ бородою и волосами.

188). Историческая школа осудившая русскихъ Славянъ до варяговъ на исключительно родовой или исключительно общинный бытъ, дѣйствовала въ томъ же (по моему ошибочномъ) смыслѣ и въ отношеніи къ словено-русской мифологіи. Какъ самую исторію народа, такъ и исторію его вѣрованій она основываетъ на своихъ наблюденіяхъ надъ современною жизнію и современными

суевѣрїями русскаго простолюдина, стараясь по возможности подвести къ нимъ то или другое свидѣтельство древнѣйшихъ письменныхъ памятниковъ. Одинаковыя стремленія находимъ мы и у германскихъ односторонниковъ тридцатыхъ годовъ; и они навязывали языческой Германїи свой, такъ называемый *götterloser naturdienst* (безбожный природный культъ). Яковъ Гриммъ отвѣчалъ имъ своимъ: *Deutsche Mythologie*. И въ гражданскомъ и въ религіозномъ строю народовъ, есть два направленія по видимому противорѣчащія одно другому, но тѣмъ не менѣе идущія всегда рядомъ; это направленіе земское, основанное на преданїи, и политическое, основанное на законѣ прогресса. Еслибы держаться правилъ системы выводящей все прошлое Руси изъ современной русской избы, можно было бы и въ настоящее время сказать о Россїи что она живетъ въ общинномъ быту; между земскою Русью IX-го и земскою Русью XIX-го столѣтія, въ этомъ отношенїи большаго различія не существуетъ. Тоже или почти тоже самое замѣчаемъ и въ исторїи религіозныхъ вѣрованій. Г. Шепингъ, Бѣляевъ и пр. указываютъ съ нѣкоторою торжественностію на то обстоятельство что имена кїевскихъ кумировъ совершенно исчезли изъ нашей народной памяти, тогда какъ о Купалѣ, русалкахъ, домовыхъ и т. п. сохранились или многочисленныя или хоть какіе-нибудь слѣды. Но что же изъ этого? Мы встрѣчаемъ тѣже явленія и у другихъ европейскихъ народовъ; имена Вотана, Цю, Донара, Балдра уже давно исчезли въ памяти германскихъ народовъ; а вѣрованія въ вѣдьмъ (Hexen), въ русалокъ (Nixen), въ домовыхъ (Kobolte) сохранились и донинѣ. Перуну, Дажьбогу, Хорсу язычникъ Русинъ, изъ простолюдиновъ, сочувствовалъ безъ сомнѣнїя менѣе чѣмъ своимъ лѣшимъ, ушырямъ, берегинямъ; какъ церковный уставъ Владимира и лѣтопись Нестора, такъ и другіе древнѣйшіе памятники русской письменности налегаютъ болѣе на вѣчно-живыя народныя суевѣрїя, чѣмъ на поклоненіе отжившимъ верховнымъ богамъ; но отсюда до уничтоженія этихъ боговъ еще далеко. И Прокопій умѣлъ уже опредѣлить въ VI вѣкѣ двойной характеръ

славянскихъ вѣрованій; съ одной стороны — всемогущій богъ Перунъ, творецъ молніи; съ другой, стихійныя божества: рѣки, нимфы и пр.

Положительныхъ свидѣтельствъ исторіи нельзя опровергать голословными отрицаніями или утвержденіями. Г. Шеппингъ (*Русск. народн. и пр.* 207, 208) говоритъ о религіи варяговъ: «какая же могла быть эта религія, если не общій Герmano-литовскій культъ громовержца Тора или Перконоса?» Никто никогда не слышалъ объ общемъ герmano-литовскомъ культѣ, ни о лингвистическомъ тождествѣ (ибо здѣсь вопросъ основанъ исключительно на лингвистикѣ) Тора съ Перконосомъ. «Отъ Литовцевъ переходятъ память имени Перуна (что такое: память имени?) и къ сосѣднимъ имъ Славянамъ, Полякамъ, Моравамъ и Словакамъ» (*тамъ же*, 199). А къ сосѣдней Руси эта память не переходитъ? ее приносятъ Норманны? но почему же не подъ формами Торъ или хоть Перконосъ, а подъ тою же, общеславянскою формою Перунъ, которая записана и въ нашихъ летописяхъ и въ чешскихъ глоссахъ 1202 года: «Jupiter Regun? Сварога и Сварожича (Дажьбога) г. Шеппингъ не хочетъ раздѣлять на двѣ разныя личности, по той причинѣ что основывать родословную нашихъ боговъ на словахъ Малалы, было бы принять и Гелиоса за сына Гефеста въ Греческомъ мифѣ (*тамъ же*, 13). Но Гелиосъ именно и есть сынъ Гефеста: «Soles ipsi quam multi a theologis proferuntur. Unus eorum Jove natus, nepos aetheris, alter Hiperione, tertius Vulcano Nili filio, cujus urbem Aegyptii volunt esse eam, quae heliopolis appellatur» и далѣе: «Vulcani item complures. primus Coelo natus, ex quo et Minerua (Neith) Apollinem eum, cuius in tutela Athenas antiqui historici esse uoluerunt» т. е. Apollo πατρῷος (*de nat. deor.* III. 68). Къ тому же у Малалы дѣло идетъ не о греческомъ мифѣ, а о генеалогіяхъ боговъ-царей, по ученію египетскихъ жрецовъ у Манеѳона. Бѣляевъ (*Р. зем. предъ предъ приб. Рур.* 59) производитъ Волоса въ первоначально финское божество, когда тотъ же русскій Во-

лось, скотій богъ, названъ у Вацерада *Ran Weles*, когда имя Велеса сохранилось въ чешской пословицѣ, когда и въ Словѣ о полку Игоревѣ упоминается о Велесѣ, подъ его западною формою. И чего ради это гоненіе на драгоцѣннѣйшіе остатки нашей мнѣической старины? Намъ говорятъ: язычество не успѣло развиться у насъ до поклоненія богамъ; дорости до индивидуальной субъективности боговъ древняго міра и т. п. Положимъ; но какъ же быть тогда съ лѣтописью Нестора, съ вставкою ипатьевского списка, съ глоссами Вацерада? Справедливо говоритъ Гриммъ: «языческихъ боговъ не слѣдуетъ возводить исключительно къ астрологiи и календарю или къ стихійнымъ началамъ или къ понятіямъ нравственнымъ; они порожденіе постоянного, безостановочнаго взаимодѣйствія всѣхъ этихъ факторовъ» (*D. M. Vorr. XLVII*).

189). И Татищевъ пишетъ съ нѣмецкаго: «живущія народы на озерѣ Ладогѣ» (*Sjögren, mem. 6 s. II. 233. № 186*).

190). См. гл. IX, прим. 187.

191). «Es ist auffallend, пишетъ Френъ (*Ibn. Foszl. 73*), dass unser Ibn-Foszlan, den wir als einen aufmerksamen Beobachter kennen lernen, weder hier noch weiter hin nichts über den Bart der Russen äussert, insoferne der Bart doch ein besonderer Gegenstand der Beachtung des Morgenländers zu seyn pflegt und er dessen hier zu gedenken veranlasst werden konnte». Его молчаніе, какъ видимъ, имѣло естественную причину. Достоинъ вниманія что онъ упоминаетъ о ежедневномъ мытіи головы и волосъ видѣнной имъ на Волгѣ Руси (*ibid. 7*); а о дружинѣ русскаго князя говоритъ именно: «каждый изъ нихъ имѣетъ дѣвку, которая ему служить, ему голову моетъ и пищу готовитъ» (*ibid. 21*). Какъ ежедневность, такъ и общность подобнаго обыкновенія, у народа поразившаго Ибнъ-Фоцлана своею неопратностію, прямо указываетъ на бритье головы; мытіе и чесаніе волосъ — на чубъ. О Печенѣгахъ Касвиня говорятъ: «Les Bédjénâk (Pétché-nègues) sont un peuple qui a la barbe longue et de grandes moustaches» (*Charmoy, relat. de Masoudy, 338—339*).

192). Такъ напр. у Стрыйковскаго: «Caecus natus (Miseco) permanebat septennio caecus, dum ritu Polonorum ethnico sacris initiaretur, hoc est, dum ei coma detonderetur et nomen improneretur. Solebant enim Pagani pueris ademptos capillos tanquam primitias consecrare suo Deo» (*Kron.* 149).

193). Кадлубекъ, рассказывая о покореніи даномалхійскихъ (датскихъ) острововъ балтійскими Славянами (которыхъ онъ, по обыкновенію, смѣшиваетъ съ Ляхами), прибавляетъ что Датчанамъ было дано на выборъ, или платить дань, или одѣться въ женское платье и зачесывать волосы по женски, въ знакъ «бабьяго» безсилія (*Гильбердингъ, ист. балт. Слав. I. 64*).

194). Еще въ XIII вѣкѣ норвежское преданіе свидѣтельствуетъ о несвойственности Скандинавамъ верховой ѣзды: «Adveni ex partibus borealibus, говорить Одинъ явась на конѣ какому то христіанину Норвежду, diuque in Norvegia commoratus sum, nunc orientem versus in Sveciam profecturus, cumque jamdiu in navibus fuerim versatus, aliquantum temporis equo me adsuefaciam» (*Script. h. Island. IX. 52*).

195). Срвн. Хвольс. Ибъ-Даста, 32, 39.

196). О сѣдлѣ Триглава см. Ево, II, 13 у *Котляревск. Др. и Ист. пом. Слав. 54*.

197). Шлецеръ (*Ист. II, 765*), Погодинъ (*Измѣд. I, 179*), г. Соловьевъ (*ист. Росс. I, прим. 187*) и другіе утверждаютъ что сказаніе о смерти Олега отъ любимаго коня перешло къ намъ отъ Норманновъ, а Олегъ и Норвежскій Одръ одно и тоже лицо; къ норманскому источнику относятъ они и сказаніе о взытіи Ольгою Коростеня. Мы находимъ въ скандинавскихъ сагахъ слѣды и другихъ древнерусскихъ преданій; но вмѣстѣ съ тѣмъ и переложенныя на скандинавскіе нравы, сказанія польскія, греческія, германскія; явленіе объясняющееся естественно изъ врожденной Норманнамъ страсти къ путешествіямъ и потребности новыхъ предметовъ и сказокъ для скальдовъ и пѣсенниковъ. Этого мало; какъ въ живописи художникъ, такъ въ народной поэзіи

ислѣдователь отличаютъ оригиналъ отъ подражанія, по несомнѣннымъ признакамъ. Чѣмъ глубже сказаніе вошло въ народную жизнь, чѣмъ тѣснѣе оно связано съ великими историческими событіями и личностями, чѣмъ непринужденнѣе его подробности и поразительнѣе образъ его изложенія, тѣмъ оно ближе къ своему первоначальному источнику. На основаніи этихъ данныхъ, я утверждаю, въ свою очередь, что Норманны заняли:

У Руси: 1) Сказаніе о смерти Олега: «И приспѣ осень, и помяну Олегъ конь свой, иже бѣ поставилъ кормити, не всѣда на нь. Бѣ бо преже въпрошалъ волхвовъ кудесникъ: отъ чего ми умрети? И рече ему одинъ кудесникъ: княже! конь, его же любиши и ѣдиши на немъ, отъ того ти умрети. Олегъ же примъ въ умѣ, си рече: николи же всяду на конь, ни вижу его болѣ того; и повелѣ кормити ѿ и не водити его къ нему, и пребывъ нѣсколько лѣтъ не дѣя его, доиде же и на Греки иде. И пришедшу ему къ Кіеву, и пребысть 4 лѣта, на 5 лѣто помяну конь свой, отъ него же баху рекли волхвѣти умрети Ольгови, и призва старѣйшину конюхомъ, рка: кдѣ есть конь мой, его же бѣхъ поставилъ кормити и блюсти его? Онъ же рече: умерлъ есть. Олегъ же посмѣяся и укори кудесника, рка: то тѣ неправо молвяти волхвѣти, но все то лъжа есть; конь умерлъ, а я живъ. И повелѣ осѣдлати конь: да тѣ вижду кости его. И прѣха на мѣсто, идѣже баху лежаше кости его голы и лобъ голъ; и слѣзъ съ коня, посмѣяся рка: отъ сего ли лѣба смерть мнѣ взяти? и вступи ногою на лобъ; и выникнучи змѣя, и уклону ѿ въ ногу, и съ того разболѣвся умре» (*Лавр. 16*).

«Oddur quin, ait, inuisimus tumulum, ubi equum Faxium immersum paludi sepeliuimus. Quo cum venisset, nihil iam periculi, inquit, a vaticinio fatidicae, mihi mortem Faxio interfectore interminatae, restabit. Exaruit inter caetera palus, nec vestigia tumuli supererant. Jacebat nudum sed valde putre caput equi, quo viso, equine caput agnoscitis? inquit; circumstantes ita videri affirmarunt. Imo et hoc Faxii est, aiebat, hastaque dum versaret, nutabat. Interea

lacerta capite equino erumpens, talo tenus eum pungebat; unde virulenta tabe totum corpus intumuit» (*Torf. hist. Norveg. I. 273*).

2. Сказаніе объ Ольгиной мести. «Ольга же устремися съ сыномъ своимъ на Искоростѣнь градъ, яко тѣ бяху убили мужа ея, и ста около града съ сыномъ своимъ, а Деревляне затворишася въ градъ и боряхуся крѣпко изъ града, вѣдѣху бо, яко сами убили князя и на что ея предати. И стоя Ольга лѣто, не можаше взяти града, и умысли сице: посла ко граду глаголющи: что хочете достѣдѣти? а вси гради ваши предашася мнѣ, и ялися по дань, и дѣлають нивы своя и землѣ своя; а вы хочете изъмерети гладомъ, не имучеся по дань. Деревляне же рекоша: ради ся быхомъ яли по дань, но хоцеша мѣщати мужа своего. Рече же имъ Ольга: «яко азъ мѣстила уже обиду мужа своего, когда придоша Кіеву, второе, и третье, когда творихъ трызну мужеву своему; а уже не хоцю мѣщати. но хоцю дань имати помалу, смирившися съ вами пойду опять». Рекоша же Деревляне: што хоцеша у насъ? ради даемъ медомъ и скорою. Она же рече имъ: нынѣ у васъ нѣсть меду, ни скоры, но мало у васъ прошу; дайте ми отъ двора по 3 голуби да по 3 воробьи; азъ бо не хоцю тяжьки дани възложити, якоже и мужъ мой, сего прошу у васъ мало, вы бо есте изънемогли въ осадѣ; да сего у васъ прошу мала. Деревляне же ради бывше, и собраша отъ двора по 3 голуби и по 3 воробьи, и послаша къ Ольгѣ съ поклономъ. Ольга же рече имъ: се уже есте покорилися мнѣ и моему дѣтати, а идѣте въ градъ, а я завтра отступлю отъ града и пойду въ свой градъ. Деревляне же ради бывше видоша въ градъ, и повѣдаша людемъ, и обрадовашася въ градъ. Волга же раздая воемъ по голуби комуждо, а другимъ по воробьеви, и повелѣ комуждо голуби и къ воробьеви привязывати цѣрь, обертывающе въ платки малы, нитькою поверзывающе къ коемуждо ихъ; и повелѣ Ольга, яко смерчеся, пустити голуби и воробьи воемъ своимъ. Голуби же и воробьеви полѣтѣша въ гнѣзда своя, ови въ голубники, вробьѣе же подъ стрѣхи; и тако възгарахуся голубьници, ово клѣти, ово вежѣ, ово ли одрины, и

не бѣ двора идѣже не горяше, и не бѣ лѣзѣ гасити, вси бо двори възгорѣшася. И побѣгоша людье изъ града, и повелѣ Ольга воемъ своимъ имати є; яко взя градъ и пожъже ѿ, старѣйшины же града изънима, и прочая люди овыхъ изби, а другія работѣ предасть мужемъ своимъ, а прокъ ихъ остави платити дань» (*Лавр. 25*).

«Qui (sc. Hadingus) cum a Lokero captus omnem praedictionis eventum certissimis rerum experimentis circa se peractum sensisset, Handuvanum, Hellesponti regem, apud Dunam urbem, invictis murorum praesidiis vallatam moenibusque, non acie, resistantem, bello pertentat. Quorum fastigio oppugnationis aditum prohibente, diversi generis aves loci illius domiciliis assuetas per aucupii peritos prendi jussit, earumque pennis accensos igne fungos suffigi curavit; quae propria nidorum hospitia repetentes urbem incendio complevere. Cujus extinguendi gratia concurrentibus oppidanis, vacuas defensoribus portas reliquerunt» (*Saxo Gramm. I. 41*).

«Idem (sc. Fridlevus) cum Dufflynum Hyberniae oppidum, obsideret, murorumque firmitate expugnationis facultatem negari conspiceret, Hadigiani acuminis ingenium aemulatus, hirundinum alis inclusum fungis ignem affigi praecepit. Quibus propria nidificatione receptis, subito flammis tecta luxerunt. Quas oppidanis restinguere concurrentibus, majorem sopiendi ignis quam cavendi hostis curam praestantibus, Dufflyno potitur» (*id. IV. 180*).

«Quo loco castra posuerant, plani erant campi, brevique inde spatium amoena sylvae. Hanc in sylvam magna avicularum multitudo, quae in tectis domiciliorum nidos fecerant, ex oppido ad escam quaerendam interdum evolabat, vespere vero in oppidum ad pullos suos revolabat. Hic Nordbriktus (Haraldus) id consilii excogitavit, ut sumtum bitumen in lebetes coqui juberet, deinde in sylvam misit, qui brachiis et ramis arborum, quibus insidere consueverant aves, fervens bitumen illinirent, quod cum refriguisset, in ramis induruit. Postero die aviculae arboribus insedentes, ramis inhaeserunt, ut avolare nequirent, nam calor solis bitumen liquefecerat. Nordbriktus captis avibus, futurum dixit, ut haec aviculae oppidum in ipsorum

potestatem redigerent; dein e picea secta ramenta, cera et sulphure circumfusa, igne jubet succendi. Talia onera illiganda tergis singularum avium curat, tam exigua, ut inter volandum ferendis pares essent. Vesperascente die, dimissae aves omnes una in oppidum volarunt, nidus ac pullos visurae, quos in summis domiciliis, arundine aut stipula contectis, habebant. Hinc ignis ex avibus in tecta translatus; quarum etsi singulae exiguum onus portarent, magna subito congesta est vis ignis, e multis avibus in tecta oppidi diversis locis deportata; mox una domus ex altera arsit, donec totum oppidum inflammatum esset. Quo facto universi incolae, iidem illi, qui se antea saepius superbe gesserant, et milites Graecos horumque imperatorem verbis contumeliosis lacessiverant, oppido egressi veniam supplices oraverunt» (*hist, Harald's S. cap. 9*).

(Сумъ упоминаеть объ употребленіи той же хитрости Датскимъ Гастингомъ въ IX в. см. *Parrot. 211. Ann. **).

3. Сказаніе о мести Рогнѣди. «О сихъ же Всеславичихъ сице есть, яко сказаша вѣдущіи, преже: яко Роговолоду держащую и владѣющую и княжащую Полотскую землю; а Володимеру сущю Новѣгородѣ, дѣтску сущю еще и погану, и бѣ у него Добрына воевода, и храборъ и наряденъ мужъ. и съ посла къ Роговолоду и проси у него дщере за Володимера. Онъ же рече дщери своей: хочещи ли за Володимера? Она же рече: не хочю розути робичича, но Ярополка хочю. бѣ бо Роговолодъ перешелъ изъ заморья, имѣяше волость свою Полтескъ. Слышавъ же Володимеръ, разгнѣвася о той рѣчи, оже рече: не хочю я за робичича; пожалися Добрына и исполнися ярости, и поемша вои идоша на Полтескъ и побѣдиста Роговолода. Рогъволодъ же вбѣже въ городъ, и приступивъше къ городу, и взяша городъ, и самого яша, и жену его и дщерь его; и Добрына поноси ему и дщери его, нарекъ ей робичича, и повелѣ Володимеру быти съ нею предъ отцемъ ея и матерью. Потомъ отца ея уби, а саму поя женѣ, и нарекоша ей имя Горислава; и роди Изяслава. Поя же пакы ины жены многы, и нача ей негодovati. Нѣколи же ему пришедшю къ ней и уснув-

шю, хотѣ и зарѣзати ножемъ; и ключися ему убудитися, и я ю за руку. Она же рече: жалилася бяхъ, зане отца моего уби и землю его полови, мене дѣля; и се нынѣ не любииши мене и съ младенцемъ симъ. И повелѣ ею устроитися во всю тварь царскую, якоже въ день посяга ея, и сѣсти на постели свѣтлѣ въ храминѣ, да пришедъ потнетъ ю. Она же тако створи, и давши мечь сынови своему Изяславу въ руку нагъ, и рече: яко видеть ти отецъ, рци выступа: отче! еда единъ мнишися хода? Володимеръ же рече: а хто ты мнѣль сдѣ? и повергъ мечь свой, и созва боляры, и повѣда имъ. Они же рекоша: уже не убій ея дѣтати дѣля сего, но въздвигни отчину ея и дай ей съ сыномъ своимъ. Володимеръ же устрои городъ, и да има, и нарече имя городу тому Изяславль. И оттолѣ мечь взимають Роголовожи внуци противу Ярославимъ внукомъ» (*Лавр. 131*).

«Qui dum intus essent, Jarnskeggii ante fores templi a regiis interficitur.... Rex Olavus, loco temporeque coeundi condicto, cognatos Jarnskeggii convenit, iisque multam pro caede ejus obtulit, multis nobilibus viris caedis causam agentibus satisfactionemque postulantibus. Jarnskeggio una erat filia, nomine Gudruna. Tandem foedus inter regem Olavum et cognatos Jarnskeggii ea lege factum est, ut rex Olavus Gudrunam duceret. Cum vero tempus nuptiarum adfuit, rex et Gudruna in eundem lectum coierunt; prima autem nocte, qua una concubuerunt, Gudruna, regem somno oppressum putans, cultrum strinxit eique intentare cogitavit. Quod rex, qui vigilaret, animadvertens, cultrum ab ea eripuit, lecto surrexit, ad suos exiit, et quid rei esset, ostendit. Gudruna quoque vestes sumsit, et cum omnibus viris, qui eam illuc comitati fuerant, statim abiit, nec unquam postea in lectum regis Olavi venit» (*hist. Ol. Trgv. f. c. 167, 168*).

4. Сказаніе о Янѣ усмошвецѣ. «И поча тужити Володимеръ, сля по всѣмъ воемъ, и приде единъ старъ мужъ ко князю и рече ему: княже! есть у мене единъ сынъ меншей дома, а съ четырма есмь вышелъ, а онъ дома; отъ дѣтства бо его нѣсть кто

имъ ударилъ; единою бо ми ѿ сварящю, и оному мьнущю уснѣ, разгнѣвавъся на мя, преторже черевѣ руками. Князь же се слышавъ радъ бысть, посла по нь, и приведоша ѿ ко князю, и князь повѣда ему вся; се же рече: княже! не вѣдѣ, могу ли ся, и да искусятъ мя: нѣту ли быка велика и силна? И нагѣзоша быкъ великъ и силенъ, и повелѣ раздражити быка; возложивша на нь желѣза горяча, и быка пустиша; и побѣже быкъ мимо ѿ, и похвати быка рукою за бокъ, и выня кожо съ мясы, елико ему рука зая; и рече ему Володимерь: можеша ли съ нимъ бороти... и удави Печентѣшиа въ руку до смерти и удари имъ о землю... Володимерь же радъ бывъ, заложилъ городъ на бродѣ томъ и нарече ѿ Переславль, зане перея славу отрокъ отъ» (*Давр. 53*).

«Hraerekus inquit: hic nunc bos est, domine, quem ideo tanti facio, quod me perquam carum habet. Ego vero video, ait rex, atque malus mihi videtur; tu vero Thorstein, visis vires experiri tuas, et huncce bovemprehendere, non enim usui esse duco, diutius ut vivat. Thorstein in medium armentum procurrens, eo tendit, ubi bos erat, cujus fugientis pedem posteriorem tanta viprehendit, ut cute et carne dilaceratis, pes cum tota nati avelleretur, quem manu tenens, ad regem accessit; bos vero sacer exanimis collapsus est, tanto autem nisu solo obnixus fuerat, ut pedes anteriores genuum tenuis in terram subsiderint. Tum rex: vir robustus es, Thorstein, inquit, neque te deficient vires, si tibi cum viris simplici humana natura praeditis res erit; jam nomini tuo agnomen addam, teque Thorsteinem Bovipedem appellabo; ecce annulum, quem tibi in monumentum nominis dono» (*hist. Ol. Trgv. f. III. 134, 135*).

У Поляковъ. — Сказаніе о смерти Поцела. «Statimque Deus justus vindex et ultor nefandi homicidii, murium vim numerosam, dictuque horrendam, ex illis cadaueribus mira quadam metamorphosi, excitavit, quae regem in arce laute conuiuantem, uxoremque et filios ejus cum terribili strepitu undique inuaserunt: et neque armis, neque igne se arceri passae sunt. Rex metu inauditi inusitatieque periculi perturbatus, in arcem quae est hucusque in

lacu Goplo, iuxta Crusphiciam oppidum, cum uxore et filiis profugit: mures vero adhuc plures terram et aquas cooperientes, cum horridis sibilis eum persequebantur: Nautae praesens prae oculis exitium videntes, timentes ne in medio lacus navem corroderent, ad ripam otius appropinquantes, aufugerunt. Popilius quoque in turrim natura loci munitam, et aquis opportune circumfluam cum suis se recepit: ubi cum uxore et liberis a muribus corrosus, consumtusque est, ut ne monumentum quidem eorum relictum fuerit» (*rer. Polon. I. 63*).

«Asbjorn dynasta statim post praelium septemtrionem versus ad fretum Oranum profectus est, hospitium nocturnum in oppido quodam conduxit, et aliqua nocte in coenaculo quopiam quiescebat. Hoc loco terribilis res accidit; eodem ingressi sunt multi mures gallici (glires), multo antea visis majores, dynastam tam vehementer impetuerunt, ut extemplo cubitu surgere et se ab eis defendere cogeretur. Illi nihilo secius eum incesserunt, et quamvis complures homines in coenaculo versarentur, nullum alium curabant. Fugientem e coenaculo continuo persequuntur, forasque egressum vehementissime oppugnant. Itaque decurrit ad littus, et in navem evadens a terra solvit. Illi confestim in mare proruunt, atque in navem ad eum conscendunt, in faciem et nares hominis e vestigio involant, eo tandem exitu, ut eum leto darent, quo facto haec monstra statim e conspectu ablata sunt» (*hist. Knutid. cap. 61*).

(О такомъ же происшествіи повѣствуютъ и англійскіе лѣтописцы.)

У Грековъ. Сказаніе о Θεодорѣ мученикѣ. «Perhibent vero etiam virum quendam equo albo vectum apparuisse, qui Romanis ductor esset, et ad irruendum in Scythas hortaretur; eum vehementer aciem hostium strage edita conturbasse. Neque antea illum in castris visum esse aiunt, neque post praelium apparuisse.... unde indubia pervasit existimatio, magnum in martyribus Theodorum fuisse, quem in proeliis Imperator sibi exercituique socium et adiutorem deposcere solebat». (*Leo Diac. ad. ann. 972. ed. Bonn. 153, 154*).

«Pagani multos reges copiis praefecerant, quorum unus, qui prudentissimus erat, quamvis oculis captus, summum imperium tenuit. Ubi vero acies inter se appropinquassent, paganique currus rotales in Vaeringos agere pararent, omnes currus solo ita haerebant immoti, ut prorsum agi nequirent. Tum rex ille caecus: haec quidem valde portentosa res est, at non minori prodigio est, quod in me caeco accidit, qui hominem videam albo equo aciem hostium praevehi, magnum terrorem undique circumferentem. Ad quae omnia multi ex regibus subito terrore percussi terga verterunt, sex remanentibus et proelium committentibus» (*hist. Haraldī S. cap. 7.* — Cfr. *hist. de Ol. S. cap. 250*).

У Германцевъ. 1. «Die Dänen wändten alte mythen auf Olger, der gar nicht ihnen, sondern den Niederlanden gehört» (*Grimm D. M. 913*).

2. «Es könnte das auch durch Saxo's Geschichte XI p. 209 (ed. Mull. p. 559) von dem nachherigen Bischof Svend belegt werden.... Allein schon Gramm (zu Meursii Hist. Dan. p. 210) hat bemerkt, dass das ein alter Schwank zwischen Bischof Meinwerk von Paderborn und Kaiser Heinrich II ist (vita Meinverci c. 82. Leibnitii SS. rer. Brunsv. I. 555), der sich nach Dänemark hinübererzählt hat» (*Dahlmann, G. v. Dän. I. 183. Anm. 1*).

Не только чужихъ, скандинавскіе сказочники обкрадывали и самихъ себя; военную хитрость посредствомъ которой Гастингъ овладѣлъ Луною около 866 года (*Dudo, Willelm. Gemet. Muratori Ant. It.*), другіе приписываютъ Роберту Гвискарду жившему 200 лѣтъ послѣ него (*Guilelm. Appul. ap. Muratori A. It. V*); въ скандинавскихъ сагахъ ее относятъ къ Гаральду Гардрату (*hist. Haraldī S. c. 10*); а Саксонъ Грамматикъ къ Фротону I, около 160 года по Р. Х. (*Saxo I. 66*).

Все это впрочемъ уже мастерски изслѣдовано и изложено г. Васильевскимъ въ его ученой монографіи о варягахъ (*см. II, 402 — 409. — 433, 444*).

Я возвращаюсь къ русскимъ сказаніямъ. Между ними и скан-

динавскими сагами, есть все отличие оригинальныхъ проявленій народнаго духа, отъ сухаго, искусственнаго подражанія неискреннихъ литературныхъ промышленниковъ. Разсказъ о смерти Олега не можетъ принадлежать Скандинавамъ уже потому что до XII столѣтія они не знали верховой ѣзды. Сказаніе объ Ольгиной мести — народная поэма о покореніи Древлянсконъ земли. Какъ въ Иліадѣ гнѣвъ Ахиллеса и разрушеніе Трои, такъ въ русской поэмѣ, мщеніе Игоревой вдовы и сожженіе Коростеня, являютъ всѣ поэтическія условія народныхъ преданій глубоко связанныхъ съ народною жизнью. Скандинавскихъ сказочниковъ поразило одно — военная хитрость; они пользуются ею при разсказѣ о взятіи всевозможныхъ городовъ, даже такихъ которыхъ не знаютъ по имени; одного только не могли они придумать, средства къ полученію изъ осажденнаго города голубей и воробьевъ. Фридлевъ ловитъ ласточекъ подъ Дублиномъ; Гаральдъ смолитъ дѣлый лѣсъ подъ стѣнами неизвѣстнаго сицилійскаго города. — Сказаніе о мести Рогнѣди другое, высокопоэтическое произведеніе народной фантазіи. Отвѣтъ Рогнѣди на посольство Владимира, грозная отплата за оскорбленіе, свирѣпость Добрыни, убіеніе Рогволода, ревность и мщеніе Рогнѣди, торжественный обрядъ ея смертнаго приговора, явленіе младенца Изяслава, прощеніе сына и матери, возвращеніе полоцкаго княженія въ родъ Рогволода, все это вмѣстѣ и поэма, и драма, и народная легенда, завершенная гомерическимъ стихомъ: «И оттолѣ мечъ взимають Роговоложи внуци противу Ярославимъ внукомъ». Говорятъ ли о скандинавской сагѣ и о смѣшномъ исходѣ разсказа о мести Гудруны, этой неудавшейся норманской Юдион? — Сказаніе о Янѣ усмошвецѣ, соединенное въ преданіи съ основаніемъ Переяславля, безъ сомнѣнія перенесено изъ древнѣйшихъ временъ въ эпоху Владимира; если только оно не перешло къ намъ отъ Вендовъ, о чемъ кажется слѣдуетъ заключить изъ западно славянсконъ формы имени Янъ (см. *гл. VIII*); быть можетъ и Переяславль какой нибудь западный *Pręsław!*; срвн. *Pręsław ap. Sommersb. II. 106*. Какъ бы то ни было это

сказаніе стало русскимъ народнымъ, подобно прочимъ; и оно отличается поэтической простотою разсказа, оригинальною естественностію подробностей. Въ скандинавской передѣлкѣ преувеличеніе доходить до уродства; гдѣ русскій богатырь вырываетъ у разъяреннаго быка «кожу съ мясы, елико ему рука зая», скандинавскій силачъ вырываетъ заднюю ногу быка, съ лядвеею, а быкъ ударяется такъ сильно передними ногами въ землю, что онѣ уходятъ въ нее по колѣна.

198). Что такое Константиново τζιχοῦριον? Это не можетъ быть латинское securis, такъ какъ слово τζιχοῦριον неизвѣстно Грекамъ до временъ имп. Льва: «τζιχοῦρια, ἕτερα τζιχοῦρια ἀμφίστομα, ἐφ' ἐνὸς μέρους οἰοῦνται σπαθίον, ἐπὶ δὲ ἑτερον οἶον ξίφος κουταρίου». (*Leo in Tact. cap. 5. § 3. ap. Du Cange, Gloss. m. et inf. Graec.*) Τζιχοῦριον или черк. болгарское сѣкира (*Лук. III, 9*) или скорѣе, вендское ssitgaya, zitgaria (*Henig, voc. ven. — Срвн. Zekira, asciola. Mat. verb.*). Не странно ли это, во всякомъ случаѣ славянское названіе, для норманскаго оружія?

199). Ибнъ-Даста упоминающій въ 4-хъ мѣстахъ о мечехъ Русъ, не говоритъ ни о сѣкирахъ, ни о топорахъ.

200). Топорцы были и у Норманновъ. Галтій идетъ на сходъ, съ спрятаннымъ подъ skutомъ домашнимъ топоромъ «securis lignaria (*hist. Magni B. cap. 19*); епископъ Абсалонъ воюеть съ Вендами «securicula, quam manu gestare consueverat» (*Saxo Gramm. XIV. 842*).

201). *Isidor. orig. lib. XVIII. cap. VI. p. 1269*: «Framea vero gladius ex utraque parte acutus, quam vulgo spatam vocant».

202). «Можно, конечно, догадываться, говорятъ г. Васильевскій (*см. III. 117*), что подъ «русскимъ вооруженіемъ» которое помогло при занятіи воротъ крѣпостныхъ, Скилица разумѣлъ, какъ это и естественно, топоры, сѣкиры, и что представленіе его о тожествѣ Русскихъ съ Варягами основано именно на этомъ призмѣ». Сага Олафа святаго свидѣтельствуешь о противномъ.

203). Здѣсь буса, какъ нѣмецкое судно, противопоставляется русской ладѣ. Въ видѣ исключенія, я долженъ указать на слово буса въ Садкиной пѣсни (*Др. р. ст. 341*) и въ грамотѣ 1687 года (*Акты ист. V. 265*).

204). Олядь является, на сколько мнѣ извѣстно, только одинъ разъ въ лѣтописи названіемъ русскаго корабля: «Пришедши же вѣсти во станы, яко пришли суть видѣть олядїи Русскихъ» (*Ипат. 164. срвн. Трошк. 217*). Это невинное притязаніе грамотника на письменную ученость.

205). Отсюда вѣроятно и скандинавское *lodja* (*Ihre, Gloss. Sueo-goth.*), не имѣющее ни корня, ни производныхъ въ германскихъ нарѣчіяхъ.

206). На Македонскомъ (?) языкѣ *κάραβος* — дверь; *porta Hesych.*)

207). Трудно также повѣрить, при особомъ устройствѣ норманскихъ кораблей, чтобы Руссы (если ихъ считать Скандинавами) довольствовались для плаванія по Днѣпру и по Черному морю, лодьями которыя, по свидѣтельству Константина багрянороднаго (*de adm. imp. ed. Bonn. 75*), строились Кривичами, Лучанами и т. д.

208). Г. Куникъ (*Дополн. къ Касп.*) особенно налегаетъ на отсутствіе русскаго военнаго флота на Черномъ морѣ, до 865 года, чѣмъ и ищетъ придать чисто норманское значеніе походамъ противъ Грековъ, Аскольда, Олега, Игоря, Владимира Ярославича. Но то что въ 865 г. было сдѣлано Аскольдомъ, при помощи перебѣжавшихъ къ нему изъ Новгорода варяговъ, могло быть сдѣлано какъ норманскими, такъ и вендскими моряками (см. *Отр. Геден. 156 — 158*); къ тому же я такъ мало отрицаю участіе и дѣятельное участіе Норманновъ въ русскихъ предпріятіяхъ до конца X-го вѣка, что изъ этого именно обстоятельства и объясняю (см. гл. XX) скандинавскія названія трехъ-четырехъ днѣпровскихъ пороговъ, извѣстія Ліутпранда о Норманнахъ - Руси въ 958 году и т. д. Имѣетъ ли это что общаго съ мнимо-шведскимъ происхож-

деніемъ Рюрика? Что между тѣмъ военное русское дѣло, и при временномъ, случайномъ на него вліяніи скандинавскихъ варяговъ, всегда сохраняло свой народный, скорѣе къ степному чѣмъ къ морскому коню сродный характеръ, уже видно какъ изъ засвидѣтельствованнаго Константиномъ багрянороднымъ береговаго плаванія русскихъ однопалубныхъ, такъ и изъ выразительныхъ словъ Игорева дружины: «ли съ моремъ кто свѣтенъ? се бо не по земліи ходимъ, но по глубинѣ морьстѣй; обыча смерть всѣмъ» (*Лавр.* 19).

Должно еще замѣтить что морскіе походы Руси противъ Грековъ не были ознаменованы ни особенными, однимъ только Норманнамъ свойственными воинскими подвигами, ни вообще блестящею удачею предпріятій. За исключеніемъ Олега, подходившаго къ Царьграду на колесахъ, всѣ остальные воеводы Руси возвратились во свояси, при весьма плачевныхъ условіяхъ. Съ другой стороны, Новгородцы имѣвшіе дѣло не съ дисциплинированнымъ греческимъ флотомъ, а съ шведскими кораблями XII-го—XIV-го столѣтій, оказываются почти всегда побѣдителями своихъ норманскихъ враговъ (см. *нов. л. подъ 1164, 1240, 1256, 1284, 1295, 1348 и.*), не смотря на отчаянныя попытки сихъ послѣднихъ «вспрѣяти Ладогу и Новгородъ и всю область Новгородскую» (*тамъ же, 53*).

209). У Геродота V. сар. XXV: «ἐν τῷ κατίζων ἑρόνῳ διαζέει» (κατίζω Jop. pro каѣѣζω).

210). О высокому значенію воеводства на Руси, еще въ доваряжскія времена, свидѣтельствуешь перешедшее отъ насъ къ Венграмъ званіе воеводъ въ смыслѣ верховныхъ предводителей: «Turcarum gens olim prope Chazariam habitabat, in loco cui cognomen Lebedias a primo ipsorum boëbodo; qui nomine quidem Lebedias appellabatur, dignitate vero, quemadmodum reliqui ejus successores, boëbodus βοέβωδος» (*Const. P. de adm. imp. ed. Bonn. 168*).

211). У принявшихъ франкскіе обычаи Норманновъ упоминается о какомъ то Militiae Princeps (*Will. Gemet. ap. Krug,*

*Forsch. II. 244. Anm. **); но это не воевода, а *Senescalcus* (*Du Cange, vv. Princeps, militia, Seneschalcus*).

212). Вообще норманская школа выбрала не совсѣмъ удачно Святослава типомъ скандинавскаго викинга (*Поход. Изслѣд. III, 455. — Kunik, Beruf. II. 445 — 492*). Имя ему — Святославъ; вѣра — Перунъ и Волосъ; конная ѣзда съ дѣтскихъ лѣтъ; борода и голова бритыя; боярскій совѣтъ — *komonstwo*; отказъ Цимисхию въ поединкѣ. Посылаетъ онъ къ странамъ «глагола: хочю на вы ити». Норманны подобными предостереженіями не стѣснялись.

213). Г. Ламбинъ пишетъ о воображаемомъ шведскомъ дружинномъ *Rôds, Rôdhs*, что оно «по своей грамматической формѣ, не можетъ быть признано за народное имя (*popen gentile*), такъ какъ оно между всѣми германо-скандинавскими народными именами не имѣетъ ни одного себѣ подобнаго, и отъ него, какъ отъ нашего собирательнаго чернь, не возможны производныя для означенія отдѣльныхъ лицъ мужскаго и женскаго пола, составляющихъ народъ; потому что оно не можетъ имѣть множественнаго числа, ибо выражаетъ, какъ собственное имя только одной дружины, единичное понятіе, означаетъ, такъ-сказать, единицу коллективную» (*См. II. 68*). На какихъ лингвистическихъ аналогіяхъ основана эта, едва ли не слишкомъ смѣлая догадка г. Ламбина? И можетъ ли онъ указать въ древне-шведскомъ нарѣчій, на собирательную форму народныхъ именъ подходящую къ нашему Русь?

214). *Procop. ed. Bonn. II. 68: «Θεύδης, Γότθος ἀνὴρ».* — *ibid: «Γέτθοι.* — *ibid: 205: «Δανῶν τὰ ἔθνη».* (Срвн. *Нест. Шлеу. II. 48*). — *Anna Comn. 24: «ὁ δὲ Ῥομπέρτος οὗτος Νορμάνος τὸ γένος».*

215). *Pachymer. ed. Bonn. I. 345: Ῥῶσοι.* — *Herodian. Epimer. p. 121 et Mosehop. II. σφεδ. p. 200: Ῥῶς ὁ κοινῶς Ῥοῦσος.* — *Eust. ad Dionys. Per. 302: οἱ Ῥῶσοι.* (V. v. *Ῥῶς in Thes. Gr. l. ed. Didot*).

216). Въ Thes. Gr. l. ed. Didot, едвали не по недосмотру: «Ρῶς legitur ap. LXX Ezech. 38, 2 pro Hebr. רשף Rosch, Caput, Princeps».

217). О народныхъ чюдскихъ именахъ вообще, читаемъ у Лерберга: «—Wenn man dieses alles zusammennimmt: so ergibt sich's, dass dieses Hirtenvolk immer nicht zalreich seyn, dass es nur in isolirten Familien leben, dass es sich nie eigentlich als eine Nation betrachten konnte. Dem gemäss finden wir bei demselben wol einheimische Familienbenennungen, aber keinen einheimischen Nationalnamen» u. s. w. (*Untersuch. 211*).

218). Любопытны слова Герберштейна: «Da Rindt das wasser die Mümel, nach Teutscher sprach, Dan. Die Rindt durch Preyssen ab. Litisch nennt mans Nemen» (*Selbstbiogr. 112*).

219). Отъ Нѣмана-Руси и названіе того берега Русскою землею. Въ описаніи путешествія митрополита Исидора на флорентійскій соборъ въ 1436 г., сказано, что самъ Исидоръ отправился изъ Риги въ Любекъ моремъ, коней же его гнали берегомъ отъ Риги къ Любеку на Руску землю, потомъ на Прусскую, далѣе на поморскую (*Сынъ Отеч. 1836. № I. 32*). У Дюсбурга русскою землею (terra Ruschiae) называется мѣсто прилежащее къ правому берегу нижняго Нѣмана; Русичами (Russici) обитатели этого мѣста: «Sed dum Commendator de Kunnigsberg cum suo Exercitu rediret, ut dictum est, Sambitae et maximè Russici conspirationem fecerunt» etc. (*P. de Dusburg Chron. Pruss. ad. ann. 1295. P. 335*). Сюда безъ сомнѣнія принадлежитъ и тотъ загадочный locus, qui dicitur Russe, о которомъ упоминается въ росписи церковныхъ владѣній при папѣ Іоаннѣ XV (985—996): «Dagone Judex et Ote Senatrix et filii eorum Misica et Lambertus leguntur beato Petro contulisse unam civitatem in integrum, quae est Schinesghe, cum omnibus suis pertinentiis infra hos affines: sicuti incipit a primo latere longum mare fine Pruzze, usque in locum, qui dicitur Russe, et fines Russe extendente usque in Cracoa et usque ad flumen Odere, recte in locum Alemurae» etc. (*Murat. Antiq. Ital. V. 831*).

220). Къ тому же началу должно отнести и встрѣчающіяся у арабскихъ писателей названія русскихъ рѣкъ: Ras (er Rass), Nehrer-Rusiet, Flumen Rusiu и т. д. (см. *Fraehn, Ibn-Foszl. 34. — Schafar. Sl. Alt. I. 496*).

221). Производнымъ отъ русла было бы руслянка или руслячка.

222). Вообще русское нарѣчіе отличается отъ прочихъ славянскихъ наклонностію къ удержанію первородныхъ формъ, напр. полногласія. Замѣчательно въ этомъ отношеніи его аналогія съ древне-этрускою рѣчью; о ней у Момсена: «Deutlich unterscheiden wir zwei Sprachperioden. In der älteren ist die Vokalisierung vollständig durchgeführt und das Zusammenstossen zweier Konsonanten fast ohne Ausnahme vermieden. Durch Abwerfen der vokalischen und consonantischen Endungen und durch Abschwächen oder Ausstossen der Vokale ward dies weiche und klangvolle Idiom allmählich in eine unerträglich harte und rauhe Sprache verwandelt; so machte man zum Beispiel randa aus ramudas, Tarchnof aus Tarquinius, Menrva aus Minerva, Menle, Pultuke, Elchfentre aus Mene-laos, Polydeukes, Alexandros» (*Th. Mommsen, Röm. Gesch. I. 109*). Тоже самое и въ славянскихъ языкахъ; гдѣ Русскій говорить городъ, Серебъ, Хорватъ — у прочихъ позднѣйшія сжатые формы: hrad, Srb, Chrwat.

223). Г. Куникъ (*ар. Dorn, 438*) относитъ древне-русское имя Чюдь къ готскому началу; на какомъ основаніи?

224). Впрочемъ, какъ уже мною показано въ Отрывкахъ о вар. вопр. 24, есть вѣроятность что, по крайней мѣрѣ у славянскихъ племенъ восточной отрасли, первородная форма русскаго имени была Росъ. На эту форму указывалъ кажется, и Прокопій. «У Словенъ и Антовъ, говорятъ онъ, было сначала одно общее имя; древность прозвала обояхъ Спорами (Σπόροις), потому, думаю, что они живутъ разсѣянно (σποράδην) по землѣ своей» (*de bell. Goth. ed. Bonn. II. 336*). Добровскій, Шлецеръ, Шафарикъ и другіе видятъ въ Спорахъ Прокопія искаженное Srb,

а странность его словопроизводства (σπόροι-σποράδην) извиняютъ примѣромъ другихъ византійскихъ этимологій. Между тѣмъ, приводимые Шафарикомъ Византійцы (*Sl. Alt. I. 94*) этимологизируютъ не изъ греческаго, а изъ славянскаго; производя имя города Trebin отъ twrd вмѣсто требы, имя области Kopawlija отъ kolo, имя города Polog отъ богъ и лугъ, имя города Шумень отъ царя Шимона и т. д. Константинъ Багрянородный, Пахимеръ и Анна Комнина конечно ошибаются, но тѣмъ не менѣе держатся правила отыскивать въ славянскихъ языкахъ этимологию славянскихъ названій; имя Сербовъ (Σέρβλοι) Константинъ вовсе не производитъ отъ латинскаго Servi, а говоритъ только, что Римляне прозвали Сербовъ Сервами (Servi), потому что они служили римскому императору (*De adm. imp. ed. Bonn. 152, 153*); имя Буны (bopa, κάλη) онъ вѣроятно считалъ не славянскимъ, а латинскимъ наименованіемъ рѣки въ древне-римской Далмаціи (*ibid. 160*). Отсюда до обвиненія ученаго секретаря Велисарія въ производствѣ имени славянскаго народа отъ греческаго нарѣчія еще далеко; но не въ этомъ главное затрудненіе.

Если, слышавъ, Спор вмѣсто Серб, Прокопій вздумалъ произвести народное славянское имя изъ греческаго, откуда его этимологія отъ σποράδην разсѣянно? По гречески σπόρος — satio, semen; σπορεύς — seminator. При полной свободѣ этимологизированія онъ вывелъ бы безъ сомнѣнія славянское σπόρος или отъ сѣянія (σπόρος), или отъ сѣятелей (σπορείς), прозваній какъ будто придуманныхъ для славянскихъ народовъ, земледѣльцевъ по преимуществу. Лингвистическая натяжка его производства отъ σποράδην явно обличаетъ греческій переводъ славянской этимологіи. Но какое же изъ славянскихъ племенъ могло производить свое имя отъ разсѣянія? Конечно, не Сербы.

Славянская этимологія приводитъ насъ къ славянскому, подъ греческимъ σπόρος сокрытому имени Рось; этому имени отвѣчаетъ древнее существительное рознь («а во всѣхъ многаа рознь» Хроногр. 1416—1424 г. *ap. Krug, Forsch. I. 89**).

Срвн. *царств. книгу, 156*), какъ нарѣчію *спорѣдѣу* словено-русскія врозь, порознь. Какъ тысячу лѣтъ послѣ Прокопія, Герберштейновъ Москвичъ производилъ имя Россіи отъ розсѣянія (*Rer. Mosc. comment. I*), такъ вѣроятно одинъ изъ многочисленныхъ Славянъ служившихъ въ войскахъ Велисарія, приводилъ народное Рось въ этимологическую связь съ существительнымъ рознь или съ нарѣчіемъ врознь; игра словъ принадлежащая какъ видно къ народному преданію и восходящая до глубокой древности.

Мнѣ возразятъ что греческое *σπόρος* (сѣяніе) не отвѣчаетъ славянской этимологіи отъ *спорѣдѣу*, врознь. Это правда, и Прокопію слѣдовало бы назвать своихъ Споровъ Спорадми (*σποράδες*); онъ этого не сдѣлалъ; тѣмъ не менѣе слово *σπόρος* имѣеть для него, по крайней мѣрѣ въ этомъ мѣстѣ, значеніе разсѣянныхъ; это фактъ, о которомъ положительно свидѣтельствуеъ этимологія отъ *спорѣдѣу*. Намъ болѣе и не нужно.

Какому сказочному преданію у Славянъ служило основаніемъ созвучіе народнаго Рось съ существительнымъ рознь, мы не знаемъ; изъ переданной ему баснословной легенды Прокопій, кажется, удержалъ только поразившее его словопроизводство, какъ видно изъ выраженія *οἶμαι, ορίω*. Что это народное Рось онъ переводитъ греческимъ *σπόρος*, не удивитъ знакомыхъ съ литературными приемами Грековъ; у нихъ искони существовалъ обычай передавать названія варварскихъ народовъ по гречески, почему ученый Фабриціусъ и могъ писать: «*Nomina barbara a Graecis, quum sua rem lingua narrant, saepissime non modo in Graecam flectuntur terminationem, auribus Graecis accomodantur, sed et pro iis Graeca idem significantia substituuntur*». И Стефанъ византійскій сказалъ: «*Plurima vero barbaricorum nominum in Graecum redacta esse, ut inquit Nicanor*» (*de Urbib. 692. v. Tanais*).

Теперь, почему могъ Словенинъ источникъ Прокопіевыхъ свѣдѣній, сказать объ Антахъ и Словенахъ, что у нихъ было

прежде одно общее имя Рось? Я думаю, что въ допсторическую эпоху (ἀνέκαθεν), все славянскія племена были Росопоклонниками или Рось, о чемъ свидѣтельствуеъ присутствіе кореннаго Рось, Русь въ названіяхъ преимущественно рѣкъ и озеръ во всехъ славянскихъ земляхъ; въ послѣдствіи, и безъ сомнѣнія по поводу религиозныхъ несогласій, произошло дѣленіе восточныхъ племенъ на Росопоклонниковъ (Рось-Антовъ) и Словенъ, быть можетъ поклонниковъ богини огня — Suaha (см. *Kollar, Sl. Boh. 24. 300*). Не здѣсь ли начало позднѣйшаго антагонизма Кіева и Новгорода?

225). «Бѣша у него Варязи и Словѣни, и прочи прозвашася Русью». — «Любопытно, говоритъ г. Соловьевъ (*Ист. Росс. I, прим. 178*), что по смыслу этого извѣстія, Варяги и Славяне прозываются Русью только по утверженіи въ Кіевѣ». Не такъ понимаетъ это извѣстіе Погодинъ: «—въ этихъ словахъ, говоритъ онъ (*Гедеч. и его сист. 11*), ясно пережоденіе имени Русь отъ Олега на Кіевъ, а не отъ Кіева на Олега, какъ хочетъ авторъ». Но какъ же могло имя Руси перейти на Кіевъ въ 881 году, когда Кіевъ уже Русь въ 865, что кажется довольно ясно высказано и патриархомъ Фотіемъ и другими Византійцами, въ описаніи похода Руси на Царьградъ, въ этомъ 865 году? Мы знали до сихъ поръ Норманновъ baptizatos et rebaptizatos; но теперь узнаемъ Норманновъ baptizantes et rebaptizantes. Одно изъ двухъ: или Кіевъ былъ уже Русью при Аскольдѣ и тогда, по свидѣтельству лѣтописи, Олегъ и бывшіе съ нимъ Варяги, Словене и прочіе прозвались Русью отъ Кіева; слѣдовательно еще не были Русью (чѣмъ и уничтожается вся теорія о мнимой варяжской Руси); или Кіевъ принялъ имя Руси отъ Олега, и тогда ктоже были тѣ Ῥῶς которые, въ числѣ болѣе 8000, напали на Царьградъ въ 865 году?

226). Никоновскій списокъ читаетъ объ Ольгѣ: «и ловища ея суть по всей землѣ Русстей и Новгородстей» (*Нест. Шлец. III, 345*).

227). Въ V—VII вѣкѣ водворяются Англо-Саксы въ Британ-

ніи; но первымъ королемъ Англійскимъ является Эгбертъ, король Суссекскій въ 800 — 827 г. Норманны начинаютъ свои набѣги на сѣверную Францію въ послѣдніе годы Карла великаго († 814); но первымъ герцогомъ Нормандіи — Роллономъ въ 912 г. У насъ имя Руси переходитъ, отъ 30—50 Аскольдовыхъ Варяговъ, на южныя славянскія племена, въ теченіи одного года; подъ этимъ именемъ знаютъ ихъ Греки, какъ народъ, и къ тому же скиоскій, уже въ 865 году. Шлецеръ не могъ помириться съ этой безмыслицею; онъ предпочелъ изобрѣсти своихъ 'Рѡс'совъ (не Руссовъ), пришедшихъ неизвѣстно откуда; названныхъ въ Кполѣ 'Рѡс'сами неизвѣстно почему; прогнанныхъ случаемъ неизвѣстно куда (*Ист. Шлец. II, 109, 110*).

228). По поводу этого, до сихъ поръ повторяемаго положенія (см. *Kunik, ap. Dorn, 662*), о сокрытомъ будто бы въ 1 § Русской Правды смыслѣ отлчія по народности, Русина (Шведа) отъ Словенина (Славянина?), я снова замѣчу что этимъ толкованіемъ словъ Русинъ - Словенинъ, Скандинависты отнимаютъ у себя право искать спасенія своему ученію, въ новѣйшей теоріи о немедленномъ почти, послѣ призванія, сліянніи норманскаго элемента съ славянскимъ. Отъ 862-го по 1020 годъ — 158 лѣтъ; въ эти 158 лѣтъ Норманны такъ мало сливаются съ туземцами, что въ русскомъ, юридическомъ официальномъ актѣ, русскій (норманскій) князь Ярославъ, отличаетъ ихъ отъ Славянъ названіемъ Русиновъ; значить, въ 1020 году не было еще ни одного Славянина, который имѣлъ бы право назваться Русинномъ. Но гдѣ же смыслъ подобнаго историческаго явленія? Въ теченіи полутора ста слишкомъ годовъ Норманны владѣютъ славянскою землею, строго отличая себя отъ Славянъ; а современный почти Ярославу лѣтописецъ, а слагатели скандинавскихъ сагъ, а Греки, а Поляки объ этомъ не знаютъ? а въ словенорусскій бытъ не проникло ни одного норманскаго слова, вѣрованія, учрежденія? Или Русинъ, въ Русской Правдѣ, не означаетъ Норманна или

русскіе бояре, дружина, огнищане происходятъ по прежнему отъ норманскихъ *bol-jarl'ovъ*, *druggaire*, *eingandin'ovъ*.

229). Въмѣсто Лудз'ана (у Френа, по конъектурѣ, Лодагіа), г. Хвольсонъ (*Ибнъ-Даста, 167*) предлагаетъ читать Нурмана, то есть Норманны. Но это было бы первымъ и единственнымъ помяномъ о норманскомъ имени у Арабовъ.

230). Замѣчательно, что троякому значенію русскаго имени, соответствуетъ одинаковое значеніе народнаго имени въ древней Швеціи; изъ сличенія извѣстій короля Альфреда, короля Свена Ульфсона (у Адама бременскаго) и Снорре Стурлесона, Гейеръ заключаетъ: «Принявъ въ соображеніе эти три описанія, оказывается, что первое допускаетъ общность шведскаго имени для всего государства; второе употребляетъ его въ тѣснѣйшемъ смыслѣ, для обозначенія земель къ сѣверу отъ меларскаго озера; а по смыслу третьяго, оно является принадлежностію собственно прилежащей къ меларскому озеру области» (*Geijer, Gesch. Schwed. I. 64*).

231). То-есть не дозволяетъ этихъ сомнѣній другимъ; сама же принимаетъ и отвергаетъ текстъ лѣтописи, по усмотрѣнію. Несторъ прямо говоритъ что князья призваны для возстановленія порядка нарушеннаго усобицами родовъ; норманская школа дѣлаетъ изъ нихъ оберегателей границъ, *Landvärnarmenn'ovъ*. Несторъ говоритъ что, тотчасъ послѣ призванія, имя Руси стало именемъ новообразовавшагося государства; норманская школа отличаетъ Русина (Норманна) отъ Словенина еще въ XI столѣтіи. Несторъ говоритъ положительно о славянскихъ князьяхъ и княженіяхъ, до варяговъ; норманская школа не признаетъ до-варяжскихъ князей. На основаніи этихъ ли вольностей прозвали себя Норманнисты Несторовцами?

232). Гейеръ, Дальманъ и другіе скандинавскіе историки принимаютъ охотно систему о норманскомъ происхожденіи Руси; но никто изъ нихъ еще не отважился провозгласить *ex cathedra*, что въ IX вѣкѣ Шведы называли себя Родсами. Тоже самое

можно сказать и объ имени варягъ. «Съ послѣдней трети X-го столѣтія, говоритъ Дальманъ (*Gesch. v. Dänem. I. 124*), многіе Норвежцы, Исландцы, Датчане, Шведы ходили въ Константинополь черезъ Русь, для вступленія, за изрядную плату, въ греческую службу, какъ то дѣлывали за нѣсколько вѣковъ до того, ихъ готскіе единоплеменники... Общимъ ихъ именемъ было варангское, явившееся впервые въ Россіи, гдѣ, неизвѣстно по какому поводу, называли варягами Скандинавовъ, приходившихъ толпами на Русь въ IX вѣкѣ» и пр. Какъ видно, наши каноническія положенія о наименованіи Wāring'ами тѣлохранителей шведскихъ конунговъ, а hroǫs'ами самихъ Шведовъ въ IX столѣтіи, годятся только въ шведскую исторію ad usum Russogum; въ скандинавскіе университеты эти руссо-шведскіе афоризмы доступа не имѣютъ.

233). Погодинъ (*Геден. и его сист. 13*) думаетъ что записки могли быть гораздо древнѣе т. е. относиться къ началу христіанства въ Кіевѣ въ 865 году. Какимъ же языкомъ были писаны этѣ записки? Должно полагать что Норреною и, вмѣстѣ съ тѣмъ, что норманская Русь вывезла изъ Греціи не славянскій переводъ священныхъ книгъ, а готскій Вулфилы. Но тогда значить Несторъ понималъ и читалъ по шведски? Вообще этотъ вопросъ о водвореніи на Руси Кирилловскихъ книгъ и о болгарскомъ переводѣ договоровъ, говорить не въ пользу норманской теоріи о происхожденіи Руси.

234). Г. Ламбинъ полагаетъ что въ Кіевѣ, тотчасъ послѣ перваго набѣга Руси на Царьградъ, водворилась византійская православная миссія, съ епископомъ во главѣ, крестившая Русь Аскольда и Дира; что при донесеніи о касавшихся собственно до миссіи дѣлахъ, епископъ не могъ не сообщать патріарху и о тѣхъ политическихъ событіяхъ, которыя совершались въ землѣ восточныхъ Славянъ, особенно же въ Кіевѣ; что наконецъ такіа донесенія епископа и другія записки членовъ миссіи, писанныя въ послѣднемъ тридцатилѣтіи IX вѣка, могли дойти до Нестора

тѣмъ же путемъ, какъ дошли договоры Олега и Игоря и т. д. (Ст. I, 235). Но какъ, не говоря уже о другихъ невозможностяхъ, объяснить въ этомъ случаѣ что Несторъ не говоритъ и не знаетъ о крещеніи Руси въ 865 году? о пребываніи въ Кіевѣ и объ имени перваго греческаго епископа на Руси? Лѣтописецъ съ видимымъ рвеніемъ цитируетъ свои греческіе авторитеты: «глаголетъ Георгій въ лѣтописаньи»; «якоже пишется въ лѣтописаньи Гречьстѣмъ»; а объ официальномъ актѣ перваго кіевскаго епископа, объ актѣ служащемъ основою всей первобытной исторіи Руси, онъ, Несторъ, не сказалъ бы ни слова?

235). Да и о какихъ же варягахъ-Норманнахъ говоритъ здѣсь Погодинъ? Если о своихъ домашнихъ, о потомкахъ выселившихся въ Русь вмѣстѣ съ Рюрикомъ, напр. о старцѣ Янѣ, они конечно могли рассказать Нестору кое-что о древнемъ бытѣ Руси; но только не какъ Норманны, а какъ старожилы въ русской землѣ; иначе мы имѣли бы болѣе подробныя, положительныя извѣстія о скандинавизмѣ князей и пришлыхъ съ ними дружинниковъ. Если о Норманнахъ наѣзжихъ, откуда могли они что знать о русскихъ событіяхъ временъ Олега, Игоря, Святослава? Изъ сагъ? изъ пѣсенъ? Но исландскія саги не знаютъ даже объ имени русскихъ князей до Владимира.

236). До какой степени мѣтніе о происхожденіи Руси отъ варяговъ было противно народному чувству, видно по измѣненію Несторова сказанія въ софійскомъ харатейномъ Номоканонѣ, писанномъ въ 1280 году. «При сего (т. е. Михаила) царствѣ придоша Русь, Чюдь, Словенѣ, Кривичи къ Варягомъ, рѣша» и т. д. (*Прилож. къ Лавр. л. 251*).

237). Также и о мѣстѣ крещенія Владимира: «Се же не свѣдуше право глаголють, яко крестился есть въ Кіевѣ; и ни же рѣша: Василиви; друзіи же инако скажутъ» (*Лавр. 48*).

238). И г. Соловьевъ (*Ист. Росс. изд. V, т. I, прим. 150*) относитъ къ моей чести, вѣроятно со словъ покойнаго Михаила Петровича, что я будто бы признаю что лѣтописецъ подѣ

варягами - Русью не разумѣлъ Славянъ. Я положительно протестую противъ этой напраслины.

239). Не столько въ этнографическомъ, сколько въ нарицательномъ значеніи кондотьеровъ. Мы видѣли (*л. V*) что варягами у насъ иногда назывались и литовскіе и венгерскіе войны-промышленники; нѣчто въ родѣ казаковъ.

240). Погодинъ не можетъ помириться съ этимъ взглядомъ на характеръ литературной дѣятельности лѣтописца. «Что за странныя предположенія» говоритъ онъ. «Какое рвеніе могъ имѣть Несторъ къ Варяжской династіи? Такого и понятія не бывало» (*Геден. и его сист. 16*). Подобныя понятія бывали, по крайней мѣрѣ, у современныхъ Нестору славянскихъ лѣтописателей; такъ напр. Козьма пражскій. «*Nam de modernis hominibus sive temporibus utilius est, ut omnino taceamus, quam loquendo veritatem, quia veritas semper parit odium, alicuius rei incurramus dispendium*» (*Pertz, IX. 101*); и далѣе: «*Nunc mea Musa tuum digito compesce labellum. Si bene docta sapis, caveas ne vera loquaris. Ut tecum sapias, breviter solummodo dicas; Est Borivoy rursus regni de culmine pulsus*» (*ibid. 124*). И Нестора нельзя себѣ представить какимънибудь деревенскимъ пономаремъ или служкою. Намъ извѣстно что русскіе лѣтописцы-монахи находились не рѣдко въ близкихъ отношеніяхъ къ Рюриковичамъ (см. *Лавр. 112 подъ 1097 г.*); эти отношенія не могли оставаться безъ вліянія на форму и духъ ихъ рассказовъ.

241). Такъ въ Словѣ о полку Игоревѣ: «Чему (за чѣмъ) мычещи Хиновскыя стрѣлы» и пр.

242). Погодинъ (*Измѣд. I, 224*) правильно пишетъ: «мы узнали объ этомъ, потому что (яко) Русь при этомъ царѣ приходила на Царьградъ» и т. д. Но вмѣсто положительнаго факта о началѣ русскаго имени, у него является первый слухъ о русской землѣ, измѣненіе переносящее къ Грекамъ (къ тому же и въ искаженномъ видѣ: русская земля вмѣсто русскаго имени) извѣстіе Нестора о Руси.

243). По этой причинѣ, быть можетъ, и придвинулъ Несторъ годъ основанія государства, десятью годами ближе къ 865-му.

244). По поводу мнимой легендарности Рюрика и братьевъ его, я долженъ замѣтить что это предположеніе опровергается уже самимъ складомъ именъ варяжскихъ князей. Имя Нгаегекг'а, подходящее довольно близко къ известному уже на Руси Рюрикову, составитель легенды могъ пожалуй слышать, если не отъ Шведовъ, то отъ Норвежцевъ и Датчанъ; но имена Синеуса и Трувора? Или ему было мало всеизвѣстныхъ (въ слѣдствіе сношеній съ Ганзой и Норманнами) норманскихъ Гаральдовъ, Олавовъ, Сигурдовъ, Сигвальдовъ, Свейновъ, что онъ вздумалъ окрестить своихъ небывалыхъ Шведовъ, небывалыми шведскими именами?

За то нельзя не поблагодарить г. Иловайскаго (*Разыск. о нач. Р. 306*), за указаніе на имя рѣки Олегъ (род. Олга, *Ипат. 186*), въ сосѣдствѣ или предѣлахъ древне-русской области Дреговичей. Если рѣчнымъ названіямъ Диѣпръ, Дунай, Радогость отвѣчаютъ личныя Диѣпръ, Дунай, Радогость (см. *м. VI. 197*), не странно ли будетъ отрицать тоже соотвѣствіе между рѣчнымъ Олегъ и личнымъ Олегъ? Совершенно справедливо замѣчаетъ также г. Иловаискій что имена рѣкъ, вмѣстѣ съ личными именами, по большей части ведутъ свое начало отъ временъ милологическихъ.

245). «Вслѣдствіе какихъ соображеній, спрашиваетъ г. Куникъ (*ар. Dorn. 459*) Несторъ могъ рѣшиться навязать потомству нахальную ложь о томъ, что княжескій родъ (?), называемый Русью (?), не задолго до 865 г. былъ призванъ пзъ-за Балтійскаго моря?» Я указалъ на эти соображенія; указалъ и на положительные, палеографическими наблюденіями засвидѣтельствованные факты, которые привели лѣтописца къ догадкѣ о происхожденія, не Руси, а русскаго имени отъ варяговъ. Но теперь спрощу въ свою очередь: вслѣдствіе какихъ соображеній могъ Несторъ рѣшиться навязать потомству нахальную ложь о томъ, что словенскій языкъ есть одинъ изъ 72 языковъ ведущихъ свое

начало отъ вавилонскаго столпотворенія? Ничего объ этомъ онъ не находилъ ни въ пѣсняхъ, ни въ славянскихъ преданіяхъ, ни въ скандинавскихъ сагахъ, ни въ византійскихъ хронографахъ. Но если онъ могъ, вопреки авторитету священныхъ книгъ, вывести Славянъ прямо отъ сыновей Ноевыхъ, почему же не могъ онъ догадываться о происхожденіи своей Руси (по имени) отъ варяговъ? И то и другое одинаково вѣроятно.

246). Въ моихъ «Отрывкахъ» (11, 12) я объяснялъ слова: «поюша по собѣ всю Русь», древнимъ, не рѣдко въ памятникахъ нашей старинной письменности встрѣчающимся идиотизмомъ (см. м. ХХ); но, изъ сопоставленія этихъ словъ съ предшествующими: «сице бо ся знаху тѣя Варязи Русь, яко се друзи зовутся Свое» и пр., такъ ясно выдается система, основанная единственно на придуманномъ Несторомъ выселеніи сполна изъ заморія всего варяго-русскаго племени, что я не вижу возможности инаго, противъ приводимаго мною въ текстѣ, толкованія мысли и словъ лѣтописца. По этой самой причинѣ, считаю я правильнѣе остальныхъ, чтеніе Радзивиловскаго и Троицкаго списковъ, выпускающихъ слово «Русь» въ текстѣ лѣтописи: «Афетово бо я то колѣно: Варязи, Свен, Урмяне, Готѣ, Русь, Агнае» (*Лавр. 2*), не говоря уже о томъ что этого слова «Русь» не выпустилъ бы вѣроятно ни одинъ переписчикъ, если бы оно стояло въ оригиналѣ.

247). Въ примѣчаніи къ главѣ VII о Фотіѣ (*Отр. о вар. вопр. 70 — 73*), г. Куникъ говоритъ: «когда я въ 1845 году разбиралъ для своей цѣли окружное посланіе патріарха Фотія (*Rodsen, II, 359—362, 372*), изъ двухъ его бесѣдъ εἰς τὴν ἑφοδον τῶν Ῥῶς 865 года извѣстны были только начальныя строчки. Теперь, имѣя въ рукахъ полный текстъ бесѣдъ (см. 1 томъ «Русскаго Архива»), я вижу, что въ 865 году Фотій не имѣлъ еще такихъ точныхъ свѣденій о Руссахъ, ихъ мѣстопробываніи и происхожденіи, какъ спустя два года. Но то несомнѣнно, что въ 865 году онъ полагалъ жительство Руссовъ не на Черномъ морѣ, а представлялъ ихъ приплывшими «съ конца свѣта» и

отдѣленными отъ Византіи «столь многими странами и областями (ἐξναρχίαις), столь многими рѣками судоходными и морями безпріютными» (*Замѣч. къ Отр. Геден. 125—126*). Изъ этихъ словъ слѣдуетъ кажется заключить что авторъ призванія Родсовъ не измѣнилъ своего взгляда на смыслъ Фотіева извѣстія; что стало быть, по его мнѣнію, патріархъ, какъ въ бесѣдахъ, такъ и въ окружномъ посланіи, имѣлъ въ виду однихъ только Норманновъ; однимъ только Норманнамъ прилагалъ имя 'Ρῶς. Изъ однихъ только Норманновъ, если не ошибаюсь, состояло, по мнѣнію г. Куника, и войско нападавшее на Царьградъ въ 865 году: «только при содѣйствіи Варяговъ призванныхъ съ сѣвера, говоритъ онъ, становилось возможнымъ Аскольду собрать флотъ изъ 200 или 360 кораблей, съ 10,000, по высшей мѣрѣ, людьми» (*Beruf. II. 379*) Но какъ согласовать эти положенія съ логикою начальной исторіи Руси? Покуда вѣрилось въ Норманство по языку, праву, религіи, народнымъ обычаямъ и т. п. всѣхъ дѣателей перваго періода нашей исторіи, можно было, при случаѣ, замѣнять призваніе завоеваніемъ, допускать наплывъ непрошенныхъ Норманновъ на русскую землю, господство Норрены въ Новгородѣ и т. д. На молчаніе объ этихъ фактахъ самой лѣтописи, приводились въ отвѣтъ положительные слѣды оставленные Скандинавизмомъ въ народной жизни. Но въ послѣднее время оставался вѣрнымъ этому ультра-скандинавскому взгляду на русскій историческій бытъ, едвали не одинъ покойный М. П. Погодинъ. Другіе изслѣдователи, созывая вполнѣ совершенное отсутствіе въ начальномъ образованіи русскаго общества, какихъ бы то ни было слѣдовъ Норманизма, сводятъ безчисленныя толпы Норманновъ Круга, Погодина и иныхъ, на незначительное число, на горсть иноплеменной варяжской Руси (гг. Соловьевъ, Ламбинъ, Куникъ), немедленно исчезающей въ русскомъ морѣ, не оставивъ по себѣ ни живой памяти, ни слѣда. Такое воззрѣніе (отчасти раздѣляемое и Шлецеромъ, *Нест. II, 108*) не противорѣчить, по крайней мѣрѣ, ни исторіи фактической, ничего не знающей о мнѣніемъ

норманствѣ Руси IX — XI вѣковъ, ни исторической логикѣ, ни допускающей призванія, побѣдными славяно-чюдскими племенами, десятковъ тысячъ вооруженныхъ враговъ. Болѣе трехъ-четыре-сотъ человекъ съ Рюрикомъ прійти не могло (см. *выше*); въ дружинѣ Аскольда (если и допустить норманство его) трудно полагать болѣе какихъ нибудь двухъ сотъ, перебѣжавшихъ къ нему отъ Рюрика варяговъ-Руси, т. е. по одному варягу на корабль. Но возможно ли чтобы Фотій, не заботясь о тѣхъ 8 — 10 тысячахъ морскихъ разбойниковъ, которыхъ его современникъ Никита Давидъ паолагонскій зоветъ, какъ и онъ самъ, «смертоноснѣйшимъ народомъ Скивовъ», думалъ только объ исчезавшихъ въ нихъ массѣ двухъ-стахъ Норманнахъ, о рѣкахъ и моряхъ отдѣлявшихъ скандинавскій полуостровъ отъ Византіи и т. п.?

Что касается мнѣнія г. Куника будто бы Фотію представлялъ себѣ Русь приплывшими «съ конца свѣта», я замѣчу что выраженіе «ἀπὸ ἐσχάτου τῆς γῆς» принадлежитъ не патриарху, а приводимому имъ изъ Іереміи 6, 22, 23 цитату (см. *Nauk, Lexic. Vindob. 203*). Да и выраженія Σχυδικὸν ἔθνος (*hom. I. 209*) достаточно для опредѣленія понятій Фотія о Руси, какъ о народѣ обитающемъ въ степяхъ на сѣверъ отъ Чернаго моря.

248). Еще не изданъ.

249). Кругъ (*Forsch. I. 203 — 206*) возстаётъ противъ мнѣнія Эверса (*Vorarb. 143 — 145*) будто бы подъ именемъ Франковъ Греки разумѣли большую часть западныхъ и сѣверныхъ европейскихъ народовъ. Но кого же не разумѣли они подъ именемъ Франковъ? Въ Германіи и Галліи Франки: «ex Francis, quo nomine (imp. Nicephorus) tam Latinos, quam Teutones comprehendit, ludum habuit» (*Liudpr. legat. ap. Leo Diac. ed. Bonn. 357*); въ сѣверной Италіи Франки: «qui autem nunc Veneti appellantur, Franci erant ab Aquileia et ceteris Franciae locis» (*C. P. de adm. imp. ed. Bonn. 123*); король Гугонъ ῥῆξ Ἰταλίας и ῥῆξ Φραγγίας безразлично (*de Cerim. ed. Bonn. I. 661, 691*); въ Испаніи Франки: «Celtiberi, qui hodie Franci dicuntur» (*Theo-*

phyl. ed. Bonn. 245); Британнію въ X вѣкѣ знали по космографіямъ IV; о Скандинавіи не имѣли вовсе понятія. Остаются такъ называемые скинскіе народы, къ которымъ должно причислить и Венгровъ — ἐκ τῆς δούσεως Τοῦρκοι — и Славяне дунайскіе и адриатическіе; о балтійскихъ Греки успѣли позабыть со временъ императора Маврикія. Но если Византійцы могли называть Франками Венеціанцевъ, то могли называть Франками и Русь, въ виду вассальскихъ отношеній, въ которыхъ вендскія племена состояли къ династїи Каролинговъ. И Эйнгардъ писалъ: «Natio quaedam Sclauorum est in Germania (*Annal. ad ann. 789*); и наши лѣтописцы: «И избрашася отъ нѣмецъ три братья». Впрочемъ это плохо понятое греческими хронографами извѣстїе вышло можетъ быть и отъ самой варяжской Руси; Оботриты («qui Francis vel subjecti vel foederati erant» Einhard) хвалялись своими долготѣтными, союзными и вмѣстѣ съ тѣмъ вассальскими отношеніями къ славной имперїи Франковъ; они легко могли сказать о себѣ что они отъ Франковъ или отъ союза Франковъ: «Abodriti auxiliatores Francorum semper fuerunt ex quo semel ab eis in societatem recepti sunt» (*id. ap. Pertz, I. 185*).

250). «Magna insula antiqua Scythia, quae dicitur Scanzia, ... ex qua insula pariterque gentes occidentales egressae sunt» (*Ravenn. Anon. I. 12*). «Affirmant eos (sc. Francos) de Scanzia insula, quae vagina est gentium, exordium habuisse, de qua Gothi et ceterae nationes Theotiscaae exierunt, quod et idioma linguae eorum testatur» (*Freulf, ap. Lexov.*). «Nort quoque Francisco dicuntur nomine Manni.... Unde genus Francis adfore fama refert» (*Erm. Nigell.*). «Qui Theodiscam loquuntur linguam, a Nordmannis originem trahunt» (*Rhab. Maur.*) Эти тексты всѣ выписаны у самаго Круга, *Forsch. I. 13, 14*.

251). У Скандинавовъ франкская земля Frackland.

252). Вмѣсто стоящаго въ текстѣ ταύτην χρῆσάμενοι, Газе поправляетъ ταύτη χρῆσάμενοι, а въ Ind. reg. nom. et verb. p. 624 замѣчаетъ: χρῆσάμενοι perperam cum accusativo constructum 184. 8.

253). Считать ли такъ называемаго Симеона Логовета писателемъ X-го или какъ думаетъ г. Куникъ, XI-го столѣтїа, вѣрно что записанная имъ подъ 904 годомъ этимологія имени 'Ρῶς, принадлежитъ къ древнѣйшему времени, быть можетъ къ эпохѣ перваго знакомства Грековъ съ Русью. Къ этому мнѣнію склоняется и г. Куникъ (*Beruf. II. 416*); только напрасно, мнѣ кажется, видитъ онъ въ выраженїи Логовета *διαδραμόντες*, какой то намѣкъ хронографа на этимологическую связь этого слова съ названїемъ Дромитовъ (*ap. Krug, Forsch. II. 808, 809*); Византїйцы употребляютъ весьма часто и безо всякихъ предвзятыхъ мыслей глаголы *τρέχειν*, *διατρέχειν*, *κατατρέχειν* и т. п.; такъ напр. у продолж. Теоф. *ed. Bonn. 358*: «οἱ Τοῦρκοι καταδραμόντες». Дромиты — *Cursarii* и не болѣе.

254). Со временъ Струбе (1785 г.) ведется у насъ ожесточенный споръ о значенїи словъ «*Chasanus vocabulo*». Неужели еще не замѣтили что относись эти слова къ собственному имени шведскаго конунга, или къ наименованїю Хаканами тюркскихъ династовъ, ни канцелярія Теофила, ни Пруденцій не могли ввести въ свои тексты другихъ выраженїй кромѣ греческаго ὄνομα, латинскихъ *vocabulum* или *nomēn*? О собственномъ имени это разумѣется само собою; но допустивъ что рѣчь идетъ о Хаганѣ, какими словами, если не тѣми же ὄνομα и *vocabulum*, *nomēn*, слѣдовало, въ угодность лингвистическимъ требованїямъ Погодина (*Геден. и его система 32*) и г. Бруна, передать понятїе о званїи Хагана? Χαγάνος κατ' ἀξίωμα или τὸ τῆς ἀξίας? *Chasanus dignitate*? Такъ пусть же укажутъ намъ на тѣ мѣста средневѣковыхъ греческихъ и латинскихъ писателей, въ которыхъ, для обозначенїа какого либо верховнаго господскаго званїа, были бы употреблены выраженїа ἀξίωμα, *dignitas* или другїя имъ равносильныя. Мы читаемъ у Прокопія: «καὶ τὸ καὶ πρότερον ὄνομα μὲν αὐτοῖς βασιλεύς εἶχεν» (*de bell. Goth. II. c. 14*); у Константина багрянороднаго: «οἷς ὀφείλει ὁ Βασιλεύς ὄνομασι τιμᾶν τοῖς μεγιστάσι καὶ πρώτοις τῶν ἐθνῶν» (*de Cerim. cap.*

46); у Пахимера, *ed. Bonn. I. 337*: «δεσποτείας ὄνομα». У Григорія Турскаго *lib. 4. Hist. cap. 28*: «Sed et Rex Chunorum, vocabatur autem Caganus; omnes enim Reges gentis illius hoc appellantur nomine»; у Эйнгарда: «neque regi aliud relinquatur, quam ut regio tantum nomine contentus... speciem dominantis effingeret» etc. (*Vita Car. M. p. 3*). Въ приведенномъ выше письмѣ Людовика II къ Василию: «cum... vestri codices (Principem Arabum) modo Architon, modo Regem, vel alio quolibet vocabulo nuncupent»... «ab omnibus Basilei debitum vocabulum adimis» и т. д. *). Выраженія ἀξίωμα, dignitas, прилагались званіямъ только тѣхъ лицъ, которыя, по своему положенію, подлежали возведенію въ достоинства. Таковы были напр. у Византійцевъ: Кесарь (ἕτερον δὲ ἀξίωμα πλὴν τοῦ καίσαρος οὐκ ἦν». *Ann. Comn. ed. Bonn. I. 147*); Севастъ («τῷ σεβαστοῦ τε ἀξιώματι τιμήσας» *ibid. 310*); у Персовъ — Зихъ (ᾧ δῆτα ὑπῆρχε μὲν ἀξίωμα τὸ Ζιχъ» (*Menandr. ed. Bonn. 346*); у Венгровъ воевода («τὸ δὲ τῆς ἀξίας... βοέβοδος» *Const. P. de adm. imp. ed. Bonn. 163*) и т. п. Этнхъ сановниковъ и магнатовъ называли аксіоматиками: «οἱ ἐκ τοῦ ἀξιωματικοῦ καὶ βουλευτικοῦ τάγματος» (*S. Basil. Epist. 30*). Г. Брунь замѣчаетъ справедливо что у Пруденція (да и не у одного Пруденція) слово vocabulum никогда не ставится для означенія достоинства; но вѣдь, какъ βασιλεύς и rex, такъ и Хаганъ не достоинство и не чинъ. Это названіе самостоятельнаго владыки; оно не могло быть иначе обозначено какъ выраженіями ὄνομα, vocabulum, potes.

255). Въ письмѣ Теофила (если только на этотъ разъ не вздумалось греческой канцеляріи щегольнуть необычайною точностію при передачѣ тюркскаго имени Хаканъ) вѣроятно стояло

*) Слово titulus (tabula, ecclesia, crux etc. v. *Du Cange, Gloss. m. et inf. lat.*) въ смыслѣ величанія по достоинству, явленіе позднѣйшаго времени; у Герберштейна: «Nomen Ducis apud eos dicitur Knez; nec alium majorem titulum unquam habuerunt» etc. (*rer. Mosc. com. p. 12*).

Χαγάνος. Пруденцій пишетъ Chasanus, по примѣру Лонгобарда Варнефрида: «Casanus rex Hunorum, qui et Avars dicuntur». «Rex Avaregum quem sua lingua Casanum appellant» (IV. 12, 13. с. 38). Въ Chronicon Alberici подъ 1239 г.: «Rex Hungariae de Tataris triumphavit, et cepit unum Regem eorum nomine Casanum.» У Григорія турскаго: Caganus. Въ бертинскихъ лѣтописяхъ подъ 782 г.: «Avari missi a Cagano». 796: «Chagan Avaregum». «Cagan, quem sibi Avars constituerunt». 805: «Caganus Hunorum». У Тюрковъ: хаганъ; у Монголовъ: хаганъ (chaghan).

256). Шведы пишутъ Håkon (произн. Nokun); Исландцы Håkon. Г. Куникъ увазываетъ на имя Накун'а а въ Упландслагъ; эта форма конечно подходитъ къ нашимъ Якунь, Акунъ (*Beruf. II. 173*). У г. Бруна (I. с.) форма Håkon переходитъ съ одинаковою легкостію въ Пруденціево Chasanus и въ русское Якунь; онъ даже замѣчаетъ что въ Новгородѣ часто являются сановники по имени Якунь или Акунъ (последней формы нѣтъ ни въ лѣтописи, ни у Карамзина; у г. Куника I. с. Акунъ Андреевичъ опечаткою вмѣсто Якунь) и что Рюрикъ, если только когда либо существовалъ, былъ можетъ быть, сынъ Гакона (Håkon — Chasanus — Якунь — Акунъ — Гаконъ!), Рюрикъ Акуновичъ. Шлецеровъ Håkon (*Nestor, II. 182*; въ русскомъ переводѣ I. 321. Гоканъ), передѣланная изъ древне-шведскаго Håkon, новѣйшая форма. Бертинскія лѣтописи (ad ann. 811) передаютъ формами Насивин, Нассвин, сѣверное Håkon. Кругъ (*Forsch. I. 221*) узнаетъ это шведское Håkon въ имени герульскаго короля 'Oxón'a въ 527 году (*Procop. de Bell. Goth. II. с. 14, 15*) и кажется справедливо. Ни въ какомъ случаѣ шведское Håkon не могло перейти въ греческое Χα-χάνος, латинское Cha-canus.

257). См. *Kunik, Beruf. II. 218 — 230*. О Кендеръ — Хаганъ см. *Frachn, de Chasaris 4*, по Ибнъ-Фоцлану.

258). См. *Krug, Forsch. II. 372—378*. — Подъ 867 годомъ въ никоновскомъ спискѣ есть извѣстіе что «избѣжаша отъ Рюрика изъ Новгорода въ Киевъ много новгородскихъ мужей»; пере-

бѣги варяговъ и Новгородцевъ начались вѣроятно уже въ 864 году, послѣ возстанія Вадима; въ соединеніи съ этими сѣверными дружинниками и отважными мореходцами предпринялъ Аскольдъ свой походъ противъ Грековъ; предпринялъ, какъ должно думать, не безъ вѣдома верховнаго Хагана Хазаріи. Съ 844 по 888 годъ сношенія Грековъ съ Хазарами прерваны, едвали не въ слѣдствіе взаимныхъ неудовольствій; да и нельзя полагать чтобы Аскольдъ, если вѣрить его враждебнымъ отношеніямъ къ Хазарамъ, могъ выступить со всею ратью изъ Кіева и, разбитый, вернуться свободно на княженіе въ Кіевъ, не встрѣтивъ и тѣни отпора со стороны могущественнаго владыки Хазаріи.

259). Г. Ламбинъ (*ист. л. ск. о пр. Р. 232, прим.*) предлагаетъ другую, впрочемъ съ догадкой Карамзина (*I, прим. 72*) нѣсколько схожую конъектуру; онъ читаетъ: «ся имъ мати», по гречески *Σαρβατάς*.

261). И Ліутпрандъ латинизируетъ подъ формою *Russi, Russii* невыносимое для него греческое *Ῥῶς*.

262). Мнѣ кажется что предположеніе г. Куника (*Beruf. II. 208—216*), будто бы Свеоны-Rhos 839 года были посланы отъ норманскаго конунга въ Константинополь, для переговоровъ о его поступленіи на службу къ греческому императору, не имѣетъ (даже съ точки зрѣнія норманской системы) прочнаго историческаго основанія. Ни Теофилу, просившему у Людовика военной помощи противъ Сарацынъ (*Const. P. l. 3. n. 36*), не было нужды скрывать отъ него настоящей цѣли посѣщенія Свеоновъ-Rhos и вмѣсто наемниковъ-варваровъ (явленія слишкомъ обычнаго въ Византіи), представлять ихъ искателями дружбы «*amicitiae petitores*»; ни норманскому конунгу (по г. Кунику простому шведскому ярлу, *Beruf. II. 208*) вести черезъ пословъ особые дипломатическіе переговоры съ греческимъ дворомъ, о поступленіи на императорскую службу, въ число цѣлыхъ тысячъ подобныхъ ему наемниковъ. Изъ словъ Теофилова письма «*amicitiae causa, sicut asserebant*» (ср. Константиново «... ἄρχου-

τα... διαπεμπόμενον πρὸς τὸν ἄρχοντα Χρῶβατίας κατὰ φίλιαν» *de adm. imp. ed. Bonn. 144*), видно что послы Хана Руси объявили императору, почти всѣмъ народамъ тогдашняго черноморскаго востока обычную формулу своего порученія. Въ 568 году, Турки отправляютъ посольство ради дружбы къ императору Юстину (*Exc. e Menandr. ed. Bonn. 298*); другіе ищутъ въ посольствахъ только предлога къ удовлетворенію своего любопытства или алчности къ подаркамъ отъ греческаго двора (*ibid. 300. — Const. P. de adm. imp. ed. Bonn. 82*).

263). Права и званіе пословъ уважались всѣми, даже варварскими народами. Рассказывая объ убіеніи Аварами славянскаго посла Мезамира, Менандръ замѣчаетъ съ негодованіемъ что этотъ разбой совершенъ «*Spreta ea, quae legatis debetur, reverentia (τὴν τῶν πρέσβεων αἰδῶ), nulla habita iuris ratione*» (*Exc. ed. Bonn. 284, 285*). Нанесеніемъ Свеонамъ-Rhos незаслуженной обиды, Людовикъ чувствительно оскорблялъ отвѣтственнаго за нихъ греческаго императора.

264). Уже изъ словъ лѣтописи «*idque Theophilo per memoratos legatos suos atque epistolam intimare non distulit*», ясно что Людовикъ не принялъ окончательнаго рѣшенія въ дѣлѣ Свеоновъ, не предувѣдомивъ о своемъ намѣреніи отвѣтственное греческое посольство; это посольство, какъ видно, признало вполне основательными побудительныя причины дѣйствій Людовика. Если бы на мѣсто уликъ въ обманѣ, франкскій императоръ сослался на предлагаемыя Кругомъ и г. Куникомъ объясненія, вѣроятно греческіе послы почтительнѣйше протестовали бы противъ задержанія Свеоновъ, на томъ только основаніи что они прибыли издалека или что Людовику не хотѣлось признать въ нихъ искателей дружбы, *amicitiae petitores*.

265). Въ бертинскихъ лѣтописяхъ подъ 824 г. читаемъ: «*Rex Bulgarorum Omortag (Mortagon) velut pacis faciendae gratia Legatos cum literis ad Imperatorem misit. Quos ille cum audisset, ac literas, quae allatae fuerant legisset, rei novitate non immerito permotus, ad explorandum diligentius insolitae, et nun-*

quam prius in Franciam venientis Legationis causam, Machelmum quendam de Bajoaria cum ipsis Legatis ad memoratum Bulgarorum regem direxit». Отсюда видно какъ, при одинаковыхъ почти обстоятельствахъ, императоръ Людовикъ умѣлъ сохранить должное уваженіе къ правамъ пословъ; съ другой стороны, какъ подробно и тщательно лѣтописецъ считалъ себя обязаннымъ изложить причину дѣйствій своего государя: «rei novitate non immerito permotus» и т. д. На тѣхъ же основаніяхъ было ведено и дѣло Свеоновъ-Rhos, съ тою однакоже разницею, что этихъ сомнительныхъ пословъ, явно уличенныхъ въ присвоеніи себѣ чужеземнаго, Шведамъ никогда не принадлежавшаго имени Rhos, Людовикъ счелъ себя въ правѣ задержать какъ обманщиковъ.

266). И на какіе же другіе пункты, въ предположеніи Круга и г. Куника, долженъ былъ ожидать Людовикъ отвѣта, чтобы узнать о Свеонахъ-Rhos «utrum fideliter eo pesne pervenerint»? О томъ что они были шпионами или нѣтъ, могли знать только они сами и еще пославшіи ихъ въ Грецію шведскій Конунгъ; но этотъ вѣроятно бы ихъ не выдалъ.

267). И въ послѣдствіи Норманны умѣли многимъ жертвовать для сохраненія торговыхъ выгодъ. Новг. л. подъ 1201 г.: «а Варягы пустиша безъ мира за море.... а на осень придоша Варязи гороу на миръ, и даша имъ миръ, на всен волѣ своен».

268). Отъ этихъ гостей отличны княжескіе гости или послы, носившіе серебряныя печати и коихъ имена вносились въ договорныя грамоты (см. *Догов. Игор.*); къ такимъ гостямъ принадлежали и сопровождавшіе Ольгу въ Царьградъ *πραγματευται* (*Const. P. de Cerim. ed. Bonn. I. 595.* Reiske переводитъ *negociatores*); Шлецеръ (*Ист. III, 404*) невѣрно купцами.

269). И нынѣ сибирскіе промышленники именуется у насъ Сибиряками.

270). Къ тому же смѣшенію именъ относилъ я (*Отр. о вар. вопр. 88*) сохранившееся у Якута извѣстіе Муккадеси о Руси живущей будто бы на островѣ Вабія (у Френа Данія), не знающей

земледѣлія и постоянно враждующей съ Славянами (*Frachn, Ibn-Fozyl. XLIX. 3. ff.*); но изъ сличенія плохо сокращенныхъ у Якута словъ Муккадези, съ оригинальнымъ текстомъ того же извѣстія у Ибнъ-Даста, оказывается что здѣсь рѣчь идетъ не о небывалой скандинавской Руси, а о Руси приволжской или черноморской, что вполнѣ основательно доказано г. Хвольсономъ (*Ибнъ-Даста 34, прим. 92*). О чисто славянской Руси Ибнъ-Фозлана см. слѣд. главу.

271). Френъ переводитъ: *die Ungläubigen welche Russen heissen*; римскій ориенталистъ Ланчи: *«gli infedeli i quali sono chiamati Russi»* т. е. которыхъ называютъ (сообщ. изустно).

272). О Севильскихъ Руссахъ 844 г. г. Куникъ замѣчаетъ (*Отр. Геден. о вар. вопр. 126*):

«Въ 1838 году Френъ, нашедши извѣстіе о «Маджусъ, именуемыхъ Русъ», сообщилъ оное въ историческую литературу съ слѣдующимъ отзывомъ: «Я хочу только къ твердому основанію, на которомъ стоитъ старое мнѣніе (о норманскомъ происхожденіи Варяго-Руси) прибавить еще одинъ хорошій камень, который даетъ ему большую прочность.» Онъ тѣмъ болѣе радовался своей находкѣ, что сдѣлалъ ее въ своихъ любезныхъ Арабахъ. Френъ воображалъ, что эти Маджусъ или Норманны принадлежатъ къ тѣмъ, которые называли себя Русью, и многіе тотчасъ протрубили объ этомъ, какъ напр. Сенковскій, Савельевъ, Крузе и пр. Въ первый разъ этотъ набѣгъ Норманновъ обстоятельно, по многимъ источникамъ, рассмотрѣнъ былъ мною въ 1845 г. съ цѣлію—доказать, что эти грабители Севильи принадлежали къ шведскому народу. Доказательства вышли неудачны, но я не жалѣю о тратѣ времени на собраніе множества свидѣтельствъ, которыя теперь могу еще приумножить, — не жалѣю потому, что тотъ походъ Норманновъ въ Испанію и Африку во многихъ отношеніяхъ представляетъ разительное подобіе похода Руссовъ на Константинополь въ 865 году.

Первый шагъ къ строгой оцѣнкѣ свидѣтельства Ахмедъ-

эль-Катиба сдѣлалъ парижскій ориенталистъ Рено въ 1849 году, указавъ на мнѣніе Масуди, который, говоря о Маджусахъ 844 года, предполагалъ, что они были Руссы. Авторъ «Отрывковъ», совершенно независимо отъ другихъ изслѣдователей также замѣтилъ, что свидѣтельство Ахмедъ-эль-Катиба не даетъ настоящей опоры норманской системѣ. Дѣйствительно, свидѣтельство этого Араба, писавшаго въ 891 году, не имѣетъ безусловнаго достоинства, а представляетъ только личный взглядъ арабскаго географа и этнографа. Въ этомъ я окончательно убѣдился послѣ того, какъ пересмотрѣлъ два другія, для насъ интересныя мѣста Ахмедъ-эль-Катиба о Хазарскомъ морѣ и о Славянахъ въ Азіи. Коротко сказать, Ахмедъ-эль-Катибъ, по моему мнѣнію, хотѣлъ только сказать, что Маджусъ 844 года суть тѣ-же самые, которыхъ другіе (Византійцы и Арабы на Средиземномъ морѣ?) называютъ Русь.»

273). Онъ говоритъ въ другомъ мѣстѣ: «*Quid loquar de barbaris Ungarorum sive Danorum, seu Slavorum, aut certe Nordmannorum gentibus, quas Imperator saepius consilio domuerat, quam bello?*» (*cap. 149*). Или рѣчь идетъ объ однихъ Норвежцахъ?

274). И въ Германіи Русь причислялась къ сѣвернымъ племенамъ: «*Et transmisit Dux nuncios ad civitates et regna Aquilonis, Daniam, Suediam, Norvegiam, Rugiam*» etc. (*Helmold. I. 86*). «*Et Dux exclamari fecit in Aquilone, scilicet Dania, Swedia, Norwegia, Rucia, ut omnes venirent in pace ad forum Lubicense*» etc. (*Inc. auct. Chron. Slav. 215*).

275). Конечная повѣрка сказаннаго о Лјудпрандѣ приводитъ насъ къ слѣдующимъ заключеніямъ:

Самъ Лјудпрандъ Руси не видалъ; онъ видѣлъ только, изъ оконъ своей квартиры въ Константинополѣ, два русскіихъ корабля, отправлявшіихся съ греческимъ флотомъ въ Италію. Его свѣдѣнія о Руси основаны не на личныхъ этнографическихъ наблюденіяхъ.

Отъ отчима своего, бывшаго посла Гугонова, онъ узналъ что тѣ немногіе плѣнники (однакоже omnes), которыхъ Романъ приказалъ обезглавить въ его присутствіи были, по бѣльшей

части, отъ вѣряговъ-Норманновъ; у Грековъ они слыли подъ общимъ именемъ Ῥῶς.

Какъ при Львѣ Діаконѣ Византійцы уже понимали Русь подъ классическимъ наименованіемъ Тавроскивовъ, такъ въ прежнее время, эти Русь слыли у нихъ подъ классическимъ же названіемъ сѣверныхъ Скивовъ, βόρειοι Σκύθαι или просто сѣверянъ, βόρειοι. Ліудпранду вѣроятно попадались не разъ на глаза выраженія въ родѣ слѣдующихъ: οἱ βόρειοι Σκύθαι (или βόρειοι) οὗς ἡ κοινὴ διάλεκτος Ῥῶς εἶπεν συνοάζειν. Онъ, страстный къ этимологизованію, не могъ не вспомнить при этомъ случаѣ о своихъ франкскихъ Норманнахъ. На прямой переводъ греческаго βόρειοι латинскимъ Aquilonages указываютъ его слова: «unde et Nordmannos, Aquilonares homines dicere possumus» т. е.: «unde et Aquilonares homines (βορείους), Nordmannos dicere possumus».

Яснаго понятія о сѣверномъ положеніи Руси, Ліудпрандъ не имѣлъ. И два слишкомъ столѣтія послѣ него, Гервазій Тильбюрійскій (1212 г.) полагалъ Кіевъ вблизи отъ норвежскаго моря: «Rogo Ruthenia ad orientem versus Graeciam porrigitur. . . cuius ad mare Norveiae proxima civitas Chyo» etc. (*Scr. rer. Brunsv. I. 936*).

Какъ для франкскихъ историковъ вообще, такъ (преимущественно) и для Ліудпранда, подъ именемъ Норманновъ вовсе не понимаются только три скандинавскихъ народа; Норманнами слывуть у нихъ при случаѣ и Нортальбинги, и Саксы, и Венды.

Понятія Ліудпранда о Руси (греческихъ сѣверянахъ) имѣютъ характеръ болѣе лингвистическій, чѣмъ этнографическій.

Наконецъ, если пришедшіе съ Рюрикомъ двѣ-три сотни Норманновъ быстро слились съ туземцами, если ихъ дѣти, а тѣмъ болѣе внуки говорили не по шведски, а по славянски (*Кипик, ар. Dorn. 450, 451*), поклонялись не Одну и Тору, а Перуну и Волосу (см. *и. I, 50*), спрашивается: по какимъ примѣтамъ могли Ліудпрандъ или отчимъ его угадать Норманновъ въ тѣхъ сорока тысячахъ, уже чисто славянскихъ варварахъ, которые въ 941 году нападали на греческую имперію?

Очевидно извѣстіе Ліудпранда основано съ одной стороны на дѣйствительномъ присутствіи наемныхъ варяговъ-Норманновъ въ войскѣ Игоря; съ другой, на неправильномъ, съ точки зрѣнія германской лингвистики, распространеніи норманскаго имени и на не-скандинавскія сѣверныя народности.

276). Извѣстіе венеціанскаго Діакона обличаетъ два разнородныхъ источника. Редакція, какъ уже сказано, указываетъ на Ліудпранда. Отъ него узналъ онъ мнимо-греческое названіе 'Ρῶς для Норманновъ. У него же выписываетъ онъ, ἀντιφραστικῶς, предложение: «Ingenti Inger confusione postmodum ad propria (gr. ἐπὶ τὰ ἴδια) est reuersus»; у Діакона: «et sic predicta gens cum triumpho ad propriam regressa est». Подробности историческія онъ занялъ не у продолжателей Теофана (онъ наткнулся бы здѣсь на чудо мафорія, на обращеніе Руси въ христіанскую вѣру и т. д.), а изъ какого нибудь Житія, въ родѣ Игнатіева. Не будь обозначено у Діакона число кораблей (360 вмѣсто 200 о которыхъ говорится въ греческихъ лѣтописяхъ), я не задумался бы отнести его извѣстіе къ панегирику Давида пафлагонскаго. Какъ у того, такъ и у другаго сначала безуспѣшное нападеніе на Царьградъ; потомъ разореніе окрестностей, suburbanum bellum; срвн. Пик. Давида: «τοῦ Βυζαντίου περιουχίδων... ὑπείων; ошибочное перенесеніе на 863—860 годъ похода 865-го (см. *Harduin, Acta Concil. V. 966, 978. — Нест. Шлец. II, 47*) и т. д. Житіе св. Игнатія, знаменитаго противника Фотіева, читалось безъ сомнѣнія во всей Италіи.

277). «Пояша по собѣ всю Русь» говорить Погодинъ (*Исланд. III. 42*), «какъ превосходно истолковывается это мѣсто Нестора мѣстомъ Константина багрянороднаго: какъ скоро наступитъ Ноябрь мѣсяць, то князья, оставивъ со всѣмъ Русскимъ племенемъ Кіевъ, cum universa Russorum gente (плохой Мѣрзіевъ переводъ греческаго μετὰ παντῶν τῶν 'Ρῶς), разъѣзжаютъ по всѣмъ странамъ для собиранія дани». Но въ смыслѣ ли ежегоднаго выселенія всѣхъ Руссовъ въ Ноябрь мѣсяць, должно понять слова греческаго императора? Едва ли. Чисто русское выраженіе Кон-

стантина μετὰ παντῶν τῶν Ῥῶς (*de adm. imp. ed. Bonn. 79*), переводъ нашего «вся Русь», «вся земля Русская» и означаетъ всю русскую княжью, весь дворъ русскихъ князей, какъ представителей русской земли.

278). «Ὅτι τὰ ἀπὸ τῆς ἔξω Ῥωσίας μονόζυγα κατερχόμενα ἐν Κωνσταντινουπόλει εἰσὶ μὲν ἀπὸ τοῦ Νεμογαρδάς, ἐν ᾧ Σφενδοσλάβος ὁ υἱὸς Ἰγγωρ τοῦ ἀρχοντος Ῥωσίας ἐκαθίζετο, εἰσὶ δὲ καὶ ἀπὸ τὸ κάστρον τὴν Μελινίσκαν καὶ ἀπὸ Τελιούτζαν» ж. т. л. (*de adm. imp. ed. Bonn. p. 74*). Г. Куникъ переводитъ: «Die Asken, welche von jenseits (des eigentlichen) Rôslands nach Constantinopel kommen, sind theils aus Nowgorod, wo Swätoslaw, der Sohn des Fürsten Ingor's von Rôsland seinen Sitz hatte, theils von der Feste Smolensk, Lubetsch» u. s. w. (*Beruf. II. 422*). Греческій оригиналъ выражается гораздо опредѣленнѣе: «люди приходящія въ Кплъ изъ вѣтшней Руси, выходятъ изъ Новгорода гдѣ сидѣлъ Святославъ сынъ Игоря русскаго князя; выходятъ онѣ (εἰσὶ δὲ καὶ) и изъ города Смоленска, и изъ Любеча» и т. д. Здѣсь, съ одной стороны, вѣтшняя Русь—Новгородъ; съ другой, Смоленскъ и южнерусскія города.

279). Угломъ называлась и самая рѣка Орель: «и перешедше Уголь рѣку» (*Лавр. 167*). О мѣстѣ и рѣкѣ Уголь (Ὀγλος, Ὀυγλος, у Анаст. Onglos) въ Болгаріи см. *Niceph. Patr. ed. Bonn. 39.—Theophan. Chronogr. ed. Bonn. I. 547.—Срвн. Schafar. Sl. Alt. II. 163. Anm. 2.*

280). По татарски кайтъ — обратить; кайдакъ—вѣроятно оборотъ.

281). См. гл. I. с. 54, о скандинавскихъ названіяхъ мѣстностей въ земляхъ Эстовъ и Финновъ. *Snorre I. 127*: «Northumbria autem maximam partem erat a Nordmannis habitata... Linguae Norvegicae nomina plurima eius regionis ferunt loca».

282). Г. Соловьевъ (*Ист. Росс. I, прим. 44*) думаетъ что подъ Сербамъ (Σερβίαι) Константина слѣдуетъ понимать Сѣве-

рянъ «ибо какъ предположить», говоритъ онъ, «чтобъ нашъ лѣтописецъ ничего не зналъ о Сербѣхъ, а Константинъ о Сѣверянахъ?» Лѣтописецъ не знаетъ и о Лучанахъ (Λευζανῆνοι); Сербы могутъ быть сокрыты подъ именемъ однокровныхъ имъ и съ ними неразлучныхъ Хорватовъ; а что Сѣверяне (и вмѣстѣ съ ними Поляне, Новгородцы, Полочане) не упомянуты у Константина въ числѣ русскихъ данниковъ, было бы дѣйствительно непонятно, еслибы именно эти племена и не составляли Руси.

283). Окольными считались племена платившія дань Руси: Тиверцы, Сербы, Угличи, Лучане, Древляне и часть Кривичей и Дреговичей.

284). «Σύουσι πετεινοῦς ζῶντας». Πετεινός, πετηνός, Gallus gallinaceus, Ἀλεκτροών. Vel gallina (*Du Cange, gloss. m. et inf. Gr.*). Коурь, Gallus и gallina (*Miklos. Gloss. Palaeosl.*).

285). Впрочемъ этотъ обрядъ существовалъ и у Скандинавовъ; *Heimskringla II, 175*: «quatuor ei (кумиру бога Тора) quotidie apponi panes, eis que congruam carnem» etc. (*Расмуссенъ у Поюд. Изсмд. III, 321, прим. 729*). Срвн. дополнение къ древне-готландскому уложенію у Гефера, (*Gesch. Schwed. I. 109*).

286). Къ указаннымъ мною въ извѣстіяхъ Ибнъ-Фоцлана чисто-славянскимъ особенностямъ Руси X вѣка, можно прибавить еще слѣдующія:

а) Добровольное сожженіе жены съ умершимъ мужемъ (*Fraehn, 19*). «Et Winidi, quod est foedissimum et deterrimum genus hominum, tam magno zelo matrimonii amorem mutuam servant, ut mulier, viro proprio mortuo, vivere recuset; et laudabilis mulier inter illas esse judicatur, quae propria manu sibi mortem intulit, ut in una strue pariter ardeat cum viro suo» (*Bonifac. ep. ad. Ethibald. p. 77*). «in tempore patris sui (sc. Boleslai), cum is gentilis esset, unaquaeque mulier post viri exequias sui igne cremati, decollata subsequitur» (*Dithmari*

Chron. p. 248). Масуди о Руса и Славянахъ своего времени: «Hi defunctorum cadavera una cum jumentis, suppellectili et ornatu comburunt. Uxores cum maritis defunctis cremantur, non item viri cum uxoribus. Si quis coelebs moriatur, mortuo tamen feminam uxoris loco addunt. Hae autem omnes hoc mortis genus cum primis expetunt; sic enim se aeternam felicitatem adepturas esse credunt. Haecenus autem illi populi ab Indis hac in re differunt, quod apud hos, nulla uxor, si noluerit, cum viro comburitur» (*Hamaker ap. Fraehn, Ibn-Foszl. 104, 105. Ann. 101*). Что Ибнъ-Фоцлянъ о Руса, то Димешки знаетъ вообще о Славянахъ (*Fraehn, l. c.*); срвн. Ибнъ-Даста (*изд. Хвольс. 30, 40*). Уединенный, баснословный рассказъ Оддура Мунка († около 1210 г.) о томъ «quod lex in Svecia esset, uxorem, si marito superviveret, una cum illo conditi tumulo oportere» (*Hist. Ol. Tr. f. cap. 2*), не имѣетъ историческаго значенія для Норманновъ X вѣка; въ немъ виденъ, если не чистый вымыселъ, то отголосокъ древнѣйшей эпохи; срвн. Прокоп. о герульскихъ женахъ (*de b. goth. II. 14. ed. Bonn. 200*).

b) Обручя на ногахъ у женщинъ. «Auch ihre beiden Beinringe zog sie ab» (*Fraehn, 17*). Френъ (*125. Ann. 152 и 153*) замѣчаетъ: «das knäbaand der Dänischen, so wie der garter der Engl. Uebersetzung, dürfte eine unrichtige Idee von dem letztern Weiberschmucke geben, der in Orient nicht bloss, wie das Armband, aus Gold, Silber oder Elfenbein besteht, sondern auch gerade über den Knöcheln, nicht an den Knien getragen wird». Такихъ обручей для ногъ найдено довольно въ древнихъ чешскихъ могилахъ; см. *Wocel, Grundz. d. böhm. Alterthumsk. 43*. Въ Скандинавіи и въ Германіи они неизвѣстны.

c) Обрядъ разсѣченія на части, приносимой въ жертву собаки. «Hierauf brachten sie einen Hund, schnitten ihn in zwei Theile und warfen die ins Schiff» (*Fraehn, 15*). О Львѣ армянинъ (подъ 813 г.) и уже давно ославянившихся дунайскихъ Болгарахъ, у продолж. Теофана *ed. Bonn. 31*: «nam cum tricennales cum

Hunnis, quos Bulgaros vocant, ineundae illi essent indutiae pacisque foedera iureiuranda firmanda... velut barbarus quidam omnisque religionis expertus, canes, ac quibus gens improba immolat, iis gestoribus testibus utens, et dissecabat (κύνας... ἀπέτεμνεν), nec quibus illi libenter ingurgitantur, haec ipse ad firmandam fidem ore gustare exhorrebat.

d) Особыи порядокъ закланія коней: «Sie führten zwei Pferde herbei, die sie so lange jagten, bis sie von Schweiss trocken, worauf sie sie mit ihren Schwertern zerhieben und das Fleisch derselben ins Schiff warfen» (*Fraehn*, 15). У Петра Дюсбургскаго подъ 1326 г.: «Nunc autem Lethowini et alii illarum partium infideles dictam victimam in aliquo loco sacro secundum eorum ritum comburunt, sed antequam equi comburantur, cursu fatigantur in tantum, quod vix possunt stare supra pedes suos» (*Chron. Pruss.* 80). Литовскій обрядъ, вѣроятно общій Поморянамъ и тѣсно съ Литвою, по вѣрѣ, связаннымъ Кривичамъ. О закланіи коней упоминается и въ житіи муромскаго князя Константина (*Карамз. I, прим. 236*).

е) Бритье головы. — О подробностяхъ см. гл. X.

Много дѣльныхъ замѣчаній о славянскомъ характерѣ извѣстій Ибнъ-Фоцлана о Руси, находимъ у Бѣляева: Русская земля предъ прибытіемъ Рюрика (15—28). Только напрасно относить онъ эти извѣстія къ однимъ Сѣверянамъ; напрасно также увѣряетъ онъ что у Сѣверянъ князей не было (*тамъ же*, 28), на томъ основаніи что о нихъ въ лѣтописи не упоминается; въ лѣтописи не упоминается и о походѣ на Берду.

287). Гриммъ (*D. M.* 635) говоритъ прямо: «Von opferdien-samen hausvögeln, namentlich dem hahn und der gans, sind mir wenig mythische bezüge bekannt». Г. Куникъ (*Beruf. II.* 455, 456. *Ант.* **) приводитъ слова Дитмара о знаменитомъ жертвенномъ обрядѣ Норманновъ-Датчанъ въ городѣ Лейрѣ (Lederun): «omnes convenerunt et ibi diis suismet LXXXX et IX homines, et totidem equos, cum canibus et gallis pro accipitribus oblati»

immolant». Но уже выражение «pro accipitribus» доказываетъ что жертвенною птицею у Скандинавовъ, былъ не пѣтухъ, а ястребъ; и съ Сигурдомъ сожигаются служители и ястреба (*Saem. 225^b ap. Grimm, D. M. 43. Anm. **).

288). «Chasarorum natio ex interiori Berylia profecta, quae Sarmatis vicina est» (*Niceph. Cpolit. ed. Bonn. 39*).

289). Not. Golii, p. 92: «Mare Hesperium. Hoc generali quidem nomine olim dicebatur Orbis habitati terminus mare mediterraneum unâ Oceano. hic tamen peculiariter intelligitur Oceani tantum pars, Europam, et inprimis Africam alluens; ut quod mare altero occidentalius».

290). Бурджанами арабскіе писатели называютъ преимущественно дунайскихъ Болгаръ; у Албергенди Burgjan или Borgjan; у Абулфеды Burgan или Borgan; у нубійскаго географа Bergian вмѣсто Borgan (см. *Thunmann, Unters. 33*). О Бурджанахъ (дунайскихъ Болгарахъ) знаетъ и Горрами (Muslimben-Muslim Ноггаму 845—846) писавшій по греческимъ источникамъ (*Fraehn, Ibn-Foszl. XX*).

291). Арабскій писатель Ибнъ-аби-Якубъ-эль-Недимъ (пис. около 987 — 988 г.) сохранилъ намъ слѣдующее извѣстіе о письмѣ древнихъ Руссовъ:

Русское письмо.

Нѣкто, словамъ коего и могу довѣрять, рассказывалъ мнѣ, что одинъ изъ династовъ горы Кабкъ (т. е. Кавказа) посылалъ его къ владѣтелю Руссовъ; и замѣтилъ по этому поводу, что они имѣютъ письмо, которое нарѣзывается на деревѣ. При этомъ онъ вынулъ кусочекъ бѣлаго дерева, который мнѣ и подалъ. На немъ были вырѣзаны письмена, изображающія, не знаю, слова ли, или отдѣльныя буквы. Вотъ снимокъ съ нихъ:

The image shows a rubbing of a wooden surface with several characters. From left to right, there is a large, stylized character resembling a '3' or a similar symbol, followed by three vertical lines, a character resembling a '5' or 'S', a vertical line, and a character resembling a '7' or 'T'. The characters are dark and appear to be carved or rubbed into the wood.

(*Fraehn, Mem. de l'Acad. Imp. d. sc. de St Pbg. 1836. III. 6. 507—530*). Френъ находилъ какое то не существующее сходство между этими письменами и Синаитскими надписями. Финнъ-Магнусенъ, Шегренъ и другіе провозгласили ихъ, разумѣется скандинавскими рунами, не смотря на то что сѣверный руническій алфавитъ не знаетъ горизонтальныхъ, а того еще менѣе косыхъ линий (см. *Kirchhoff, das Goth. Runenalphab. 3*). По мнѣнію Шегрена Недимова надпись изображаетъ скандинавскими рунами писанное слово: Слоскаминъ; сходство между русскою надписью и руническою скандинавскою представляется ему по истинѣ поразительнымъ (eine frappante Aehnlichkeit):

(*Finn Magnus. Runamo og Runerne. — Sjögren, Bericht etc. 87*). Мнѣ кажется это сходство можетъ поспорить съ открытымъ норманскою школою между именами Tryggg и Труворъ, Signiautr и Синеуъ и т. п.

Едвали не будетъ Недимова надпись (по крайней мѣрѣ по общему характеру буквъ) ближе къ славянскимъ глаголитскимъ письменамъ:

1	2	3	4	5	6
1	2	3	4	5	6
с	т	о	с	в	ъ

Сѣо сѣъ т. е. Святославъ.

Буква № 1 могла произойти из расширения глаголитского С (Glag. Cloz).

№ 2: представляет (конечно в искаженном виде) тоже 4 перпендикулярных черты которая встречается в глаголитском Т (Gl. Cloz.).

№ 3: весьма недалеко от глаголитского О (Glag. Cloz.):

В № 4 черта /, с правой стороны, отделилась от цѣлаго; восстановленная какъ слѣдуетъ, эта буква почти тождественна съ глаголитскимъ С (по изданію римской Пропаганды).

№ 5: — разъединенное и въ одну сторону обращенное глаголитское В (Glag. Cloz.).

№ 6: сохранилъ ту же глаголитскую форму | — ъ и въ древнихъ спискахъ, и въ печатныхъ книгахъ.

Горизонтальная линия замѣняетъ титло.

Фигуры между №№ 3 и 4 я истолковать не умѣю; быть можетъ это случайный рѣзъ дощечки, или цифра (900) поставленная посреди обоихъ слоговъ, съ утратою праваго рѣза.

По всей вѣроятности видѣнная Недимомъ дощечка была русскимъ паспортомъ временъ Святослава.

292). Изъ соображенія вышеприведенныхъ извѣстій и данныхъ, выдаются слѣдующіе, конечно только гипотетическіе результаты:

Славяне имѣли издревле свои руническія письмена. Кромѣ черноризца Храбра, объ этихъ письменахъ свидѣтельствуеъ и Chronicon Paschale: «Qui vero suas norunt literas, hi sunt: Cappadoces. . . . Sarmatae. . . . Scythae» etc. (ed. Bonn. I. 48). О собственно русскомъ письмѣ говорятъ Ибнъ-Фоцланъ и эль-Недимъ.

На западѣ (въ Далмаціи, Иллиріи и пр.) изъ этихъ рунъ составилаь со временемъ и мало по малу, такъ называемая глаголица. Мы видѣли глагольскій характеръ Недимовой надписи. Въ числѣ (уже сильно перемѣшанныхъ съ сѣверными) руническихъ буквъ на Ретрскихъ кумирахъ у Маша, встрѣчаются глагольскія буквы; напр. **Ѹ** (б), глагол. **Ѹ**; **Э** (е), глагол. **Э**; **Ј** (а), глагол. **Ј** (см. *W. Grimm, Jahrb. d. Litt. XLIII. 1828. p. 33* *).

Кириллъ нашель въ Херсонѣ переводъ Евангелія и псалтыря писанный такими же славянскими рунами. Житіе называетъ ихъ русскими, потому что онѣ обрѣтены у Русина, который также отличалъ ихъ этимъ именемъ. Быть можетъ между ними и западными существовало уже значительное различіе, какъ между англосакскими рунами и сѣверными, маркоманскими и т. д.

По возвращеніи въ Константинополь, Кириллу пришлось составлять свою новую славянскую азбуку. Онъ положилъ ей въ основу греческое письмо.

*) По поводу знака **Ј**, Гриммъ замѣчаетъ что въ слѣдствіе нѣкоторой особенности языка, этимъ знакомъ передаются равно буквы Е и А, не смотря на то что для буквы А есть у Маша еще и другой знакъ, близко подходящій къ готскому. Особенность на которую онъ намекаетъ намъ извѣстна. Мы указали уже въ гл. VI (стр. 195) на обычный у Вендовъ переходъ а въ е (или смѣшеніе обоихъ звуковъ), какъ напр. въ словахъ: Redigast вмѣсто Radogast, Gersleff и Jereslaw вмѣсто Jaroslaw, Regic вм. garoh. и т. д. Замѣчаніе Гримма говоритъ въ пользу (быть можетъ слишкомъ поспѣшно заподозрѣнной) подлинности стрѣлицкихъ идоловъ.

Для передачи звуковъ неизмѣющихся въ греческомъ языкѣ, онъ обратился (подобно предшественнику своему Вулфилѣ) къ бывшимъ у него подъ рукою (срви. сказаніе Храбра), славянскимъ языческимъ рѣзамъ или къ видѣннымъ имъ въ Херсонѣ русскимъ. Отсюда сходство въ знакахъ для выраженія этихъ звуковъ, между кирилловскою азбукою и глагольскою. Срви. Ж и Ѡ; Ц и Ѡ; Ш и Ш. Изъ того же (быть можетъ русскаго) источника и буквы У (червь) и Ц (ци); мы видѣли (прим. 38) что по мнѣнію Я. Гримма эти знаки перешли и въ гото-скандинавскій руническій алфавитъ.

293). Къ этимъ двумъ извѣстіямъ слѣдовало бы присоединить и легенду о походѣ Руси на Сурожъ, еслибы это, въ высшей степени важное свидѣтельство о существованіи славянской, до-варяжской Руси, было достаточно выяснено современною историческою критикою. Мнѣнія г. Кунника (*Касп. Дорна*, 459), что авторъ амастридскаго сказанія упоминаетъ о походѣ 865 года и при этомъ уже воспользовался окружнымъ посланіемъ патріарха Фотія (866 г.), а сурожское сказаніе описываетъ взятіе Корсуни, Керчи и Сурожа (Судака) Владимиромъ въ 988 году, я рѣшительно принять не могу. Имѣи слагатель амастридской легенды въ рукахъ посланіе Фотія, онъ не могъ бы умолчать о послѣдовавшемъ за походомъ 865 года крещеніи Руси; нельзя допустить, съ другой стороны, чтобы русскій агиологъ замѣнилъ славное имя Владимира, темнымъ указаніемъ на какого-то бранливаго князя. Чудо о которомъ упоминается въ обѣихъ легендахъ, сурожской и амастридской, перешло, конечно изъ древнѣйшаго, общаго имъ источника, и въ житіе св. Ромуальда (*P. Dam. Vita S. Romualdi, ap. Pertz. VI. 850*), приписывающее это чудо св. Бонифацію (Бруно), первому, по словамъ житія, мученику на Русь.

294). Мнѣ кажется норманская школа (см. *Погодинъ*,

Борьба и пр. 275) напрасно такъ налегаетъ на поздній и рѣдкій поминокъ о Рольфѣ въ сѣверныхъ сагахъ. Во первыхъ водвореніе въ Нормандію Рольфа извѣстно не по одной, а по двумъ сагамъ (*de Olavo S. cap. 38. — Hist. Knutidar. cap. 9*), повѣствующимъ какъ о его собственной генеалогіи, такъ и о происходящихъ отъ него нормандскихъ династахъ; во вторыхъ, въ тѣхъ двухъ-трехъ мѣстахъ гдѣ говорится о нормандскихъ герцогахъ, сага знаетъ о ихъ норвежскомъ происхожденіи, о ихъ родственныхъ отношеніяхъ къ Норвегіи. О Руси упоминается довольно подробно и часто въ сѣверныхъ сагахъ; между тѣмъ (какъ впрочемъ уже сказано въ главѣ I) въ нихъ не только нѣтъ намека на единоплеменность Шведовъ съ такъ называемою варяжскою Русью, но и сами русскіе князья представляются не иначе какъ чужими, неизвѣстными династами (*regregini, ignoti*). Исландскія саги, говорятъ намъ, знаютъ вообще мало о Шведахъ и относящихся къ нимъ историческихъ событіяхъ (*Kunik, Veruf. I. 98, 99*); это толкованіе имѣло бы нѣкоторый вѣсъ, еслибъ саги эти вовсе не упоминали о Руси, или только вскользь; но вѣдь онѣ не умолкаютъ о русскихъ событіяхъ, о пребываніи и подвигахъ въ Гардарикѣ норвежскихъ конунговъ и мужей — Олафа Тригвасона, Олафа святого, Магнуса, Гаральда Гардрода, Эйлифа, Эймунда, Рогивальда. И насъ хотятъ увѣрить что эти промышленники, что скальды воспѣвавшіе подвиги ихъ, что слагатели сагъ, что издатель ихъ Спорри Стурлесонъ — могли не знать, или зная не говорить о скандинавскомъ происхожденіи Руси? Но вѣдь самое имя Руси (имъ неизвѣстное; они говорятъ Gardar или Austrvindr) должно было звучать въ ихъ ушахъ тѣмъ чисто скандинавскимъ звукомъ, какимъ въ ушахъ любого Норвежца, звучали шведскія Uppsala, Sigtún, Gautland, Småland и т. п.

ОПЕЧАТКИ.

Стран.	1. Строк.	<i>Напечатано.</i> 6. Хозарами	<i>Читать.</i> Хазарами
»	3.	» 14. Этрусси	Этруски
»	5.	» 19. съ	въ
»	15.	» 25. пспытáйте	испытáйте
»	44.	» 9. Гвѣзенскій	Гвѣзнецскій
»	50.	» 11. 906	907
»	63.	» 29. Мопв	Мове
»	115.	» 15. XI	IX
»	119.	» 19. бяще	бѣше
»	126.	» 4. fliis	filis
»	135.	» 19. кпѣз	кпѣз
»	153.	» 19. явшихся	емшихся
»	162.	» 20. двойную	двойное
»	170.	» 19. varag'овъ	varag'овъ
»	243.	» 6. quod	quod
»	265.	» 1. alli	alii
»	272.	» 3. многочленные	многочисленные
»	273.	» 17. Veruf. I. 166, 167	ар. Dogn 430 ff.
»	275.	» 17. fereba	ferebat
»	283.	» 17. имяна	имяна
»	299.	» 29. Jasmund	Jasmund
»	316.	» 15. Ярославѣ	Ярославѣ
»	319.	» 7. будеть	будеть
»	328.	» 23 называютъ	называютъ
»	330.	» 19. Et.	Et
»	345.	» 11. сохранилась	сохранилась

CXVI

	<i>Напечатано.</i>	<i>Читать.</i>
Стран. 355. Строк.	2. lingo	ligno
» 370. »	11. αξιναι	αξιναι
« 376. »	4. cursariae	cursoriae
» 384. »	10. Karlshufrud	Karlshufvud
» 398. »	1. ξανδοι	ξανδοι
» 402. »	17. Reidhgotaland	Reidgotaland
» 415. »	22. Fjällmann	Fjällmann
» 420. »	9. Куршгавской	Куршгавской
» 475. »	17. cives	cives
» 485. »	1. βερεσι	βερεσι
» 491. »	2. Σχιδα	Σχιδα
» 534. »	10. своей	своимъ

Въ примѣчаніяхъ.

» X	» 10. 944	941
» XV	» 17. aut	ut
» XVI	» 6. kralodr.	kralody.
» XXXII	» 16. oppido	oppido
» XLIX	» 6. Олафъ	Олафъ
» LXXII	» 16. incesserunt	incesserunt
» XCII	» 10. паэлагонскій	паэлагонскій

Не приведены опечатки легко исправимы каждымъ читающимъ.